

73
Б28

М. БАТУРИН

США

и

МЮНХЕН

ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
1937-1938

М. БАТУРИН

США
И
МЮНХЕН

*(из истории
американской
внешней политики
1937—1938 гг.)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Москва 1961

ВВЕДЕНИЕ

После окончания второй мировой войны прошло более пятнадцати лет. Эти годы были насыщены ожесточенной борьбой между двумя лагерями: лагерем мира, демократии и социализма и империалистическим лагерем. Это были годы «холодной войны», развязанной и проводимой США, но это вместе с тем были и годы коренного изменения в соотношении сил между системой капитализма и системой социализма в пользу последней, укрепления сил мира, демократии и социализма, все более явного банкротства империалистической политики «с позиции силы».

В деле обмана масс и идеологического обоснования агрессивной внешней политики империалистических держав не последнее место принадлежит всевозможным реакционным буржуазным историкам, отъявленным мастерам фальсификации. Особенно много сейчас появляется за рубежом работ, фальсифицирующих историю второй мировой войны. Делаются всевозможные попытки обелить деятельность американской, английской и французской дипломатии в предвоенные годы и во время войны, скрыть от широкой мировой общественности тот факт, что подготовка фашистскими агрессорами второй мировой войны проходила при прямом попустительстве и подталкивании агрессоров на войну против СССР со стороны не только Великобритании и Франции, но и Соединенных Штатов Америки.

Со второй половины 1937 года капиталистический мир вступил в полосу очередного экономического кризиса. Кризис обострил противоречия между империалистическими странами, усилил их борьбу за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала, поставил вопрос о новом переделе уже поделенного мира силой оружия. Создалось два очага войны: на Дальнем Востоке — империалистическая Япония, в Европе — фашистские Германия и Италия. В 1937 году под видом «антикоминтерновского пакта» окончательно оформился агрессивный военно-политический блок этих держав. Участники его вели войны в разных частях света, готовились к большой войне.

Правительства США, Англии и Франции в свою очередь саботировали предложения Советского правительства, направленные на организацию системы коллективной безопасности и коллективного отпора фашистским агрессорам, на поддержание мира во всем мире. Они стремились изолировать СССР, натравить на него фашистских агрессоров.

Мюнхенский сговор Англии и Франции и стоявших за их спиной США с фашистскими агрессорами в конце сентября 1938 года был логическим продолжением всей предшествующей политики правительств этих стран, которая была в своей основе антисоветской. Кульминационным пунктом развития этого курса и явился мюнхенский сговор Англии, Франции, а практически также и США, с Гитлером. Хотя после мюнхенского сговора и прошло уже свыше двадцати лет, ему по-прежнему уделяется много внимания в работах буржуазных историков. Само собой разумеется, эти историки не могут, да и не хотят показать действительный смысл дипломатии западных держав, показать, «какая шла игра судьбами народов, как беззастенчиво торговали чужими территориями, как втайне перекраивалась карта мира, как подбадривалась гитлеровская агрессия и какие делались усилия, чтобы направить эту агрессию на Восток, против Советского Союза»¹. Наоборот, буржуазные историки стараются всячески оправдать англо-французских политиков и их американских покровителей.

¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», Госполитиздат, 1948, стр. 23.

Для оправдания англо-французских правителей ими написаны горы книг, в которых грубо извращаются исторические факты. Это делается для того, чтобы убедить читателей в том, что англо-французские правящие круги «не виноваты» в мюнхенском сговоре, что ими двигали «самые лучшие и чистые побуждения», но что их «обманули» или, наконец, что они были «вынуждены» под угрозой силы капитулировать перед требованиями фашистских агрессоров. Что же касается роли Соединенных Штатов Америки в деле подготовки мюнхенского сговора, которые, как известно, разделяли в этом вопросе политику Англии и Франции, то здесь буржуазные историки прибегают к так называемой «фигуре умолчания»: они стараются вообще ничего не писать о той не менее позорной роли, чем роль англо-французской дипломатии, которую сыграла американская дипломатия в деле подготовки мюнхенского сговора. Они стараются представить все дело так, как будто Соединенные Штаты вообще никакого отношения к мюнхенскому сговору с фашистскими агрессорами не имели и своей руки к этому делу не приложили.

Американские государственные деятели, нередко поминающие Мюнхен как поучительный урок истории, также извращают его действительный смысл. Во-первых, они пытаются создать впечатление, будто США не имели к мюнхенскому сговору никакого отношения. Во-вторых, они характеризуют грязную мюнхенскую сделку как попытку «умиротворить» Гитлера и утверждают, будто Лондон и Париж предприняли эту попытку, руководствуясь лишь «миролюбием» и надеждой с помощью уступок требованиям фашистской Германии предотвратить новую мировую войну.

В действительности американская дипломатия в мюнхенский период развивала кипучую закулисную деятельность и в значительной степени способствовала сговору английских и французских правящих кругов с фашистскими агрессорами. Кроме того, необходимо иметь в виду, что современные буржуазные историки, фальсифицируя факты и клеветая на внешнюю политику Советского Союза, пытаются представить дело так, будто бы США во время мюнхенского кризиса проводили политику коллективной безопасности, политику организации отпора агрессорам.

Изучение позиции правящих кругов США в период мюнхенского кризиса и выяснение действительной роли американской дипломатии в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами, а также разоблачение лживых высказываний по этому вопросу современных буржуазных историков и государственных деятелей представляет не только большой научный интерес, но и весьма актуально в наши дни с политической точки зрения.

В задачи настоящей работы не входит давать подробный анализ всей внешней политики США последнего времени — хронологически ее рамки ограничены лишь 1937 и 1938 годами. Обычно в американской внешней политике определяют три различных аспекта: европейскую, дальневосточную политику и политику США в отношении латиноамериканских стран. Последний аспект в настоящей работе совершенно не затрагивается и лишь в самой минимальной степени рассматриваются вопросы дальневосточной политики Соединенных Штатов. Вся работа в основном посвящена европейской политике США в 1937—1938 годах, причем не европейской политике вообще в указанные годы, а политике правящих кругов Америки по вопросу о мюнхенском предательстве. Вопрос о позиции европейских держав во время мюнхенского кризиса в настоящей работе также подробно не разбирается, так как он достаточно раскрыт в советских официальных документах и в ряде работ советских историков. Для полного освещения основного вопроса, исследуемого в настоящей работе, — вопроса о роли США в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами — пришлось, однако, остановиться на некоторых предшествующих моментах американской внешнеполитической деятельности. Это важно для того, чтобы полнее показать, что американские правящие круги несут не меньшую ответственность за мюнхенский сговор с Гитлером, чем правители Англии и Франции.

Глава I

РОЛЬ АМЕРИКАНСКИХ МОНОПОЛИЙ В ВОЗРОЖДЕНИИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И УЧАСТИЕ ИХ В МЮНХЕНСКОМ СГОВОРЕ

Невозможно понять американскую внешнюю политику в период между двумя мировыми войнами и, в частности, роль США в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами, не остановившись на вопросе теснейших экономических связей, существовавших между американским и немецким монополистическими капиталами, на связях, которые налагали на протяжении всего предвоенного периода свой отпечаток на внешнюю политику США по отношению к Германии.

После окончания первой мировой войны американский капитал сыграл решающую роль в деле возрождения германского империализма. Империалистическим кругам Германии уже тогда отводилось первенство в борьбе с Советским Союзом и европейским революционным движением.

В период временной частичной стабилизации капитализма американские монополии стремились усилить вывоз капитала в другие страны, укрепить в них свое положение, обеспечить себе дополнительные прибыли за счет усиления эксплуатации колониальных и зависимых народов, а также народов побежденных стран.

Огромное значение в деле возрождения германского военно-промышленного потенциала сыграл так называемый репарационный план Дауэса, с помощью которого англо-американские монополисты рассчитывали прибрать к своим рукам германскую промышленность и в то же

время вооружить Германию для борьбы с Советским Союзом. Этот план способствовал усилению притока иностранных, в первую очередь американских, капиталовложений в Германию.

Трест Моргана, концерн «Дженерал электрик компани» и др. сделали все необходимое, чтобы в Германию хлынули миллиарды долларов из частных и общественных источников. Целый ряд других крупнейших американских монополистических групп принимал участие в возрождении германского империализма, финансируя восстановление военной промышленности Германии.

По словам прогрессивного американского экономиста Г. Мейера, «главную роль в перекачивании американских капиталов в Германию сыграл нью-йоркский инвестиционный банк «Диллон, Рид энд компани»¹, тесно связанный с группой Рокфеллера и группой Кун-Леб, а также с банком Шредера. С 1919 по 1931 год банк «Диллон, Рид энд компани» предоставил иностранных займов на сумму в 1491 млн. долл., причем значительная часть их шла в Германию, преимущественно немецкому Стальному тресту, который получил займов более чем на 100 млн. долл.

Не менее важную роль сыграла также группа Моргана, через которую в 1920—1930 годах прошло застрахованных американским правительством облигаций на сумму до 1 млрд. долл. для продажи в Европе, в том числе 208 млн. дол. для Германии, и $\frac{1}{6}$ всех иностранных облигаций (на 2,2 млрд. долл.), в том числе и германских².

Значительное участие в привлечении англо-американских капиталов в Германию принимала банковская фирма «И. Г. Шредер бэнкинг корпорейшн». Эта фирма является филиалом англо-германо-американского банка Шредера. Главой немецкого отделения банка был гитлеровский генерал барон Курт фон Шредер, организовавший совместно с фон Папеном встречу Гитлера с магнатами германской промышленности. Во время этой встречи был разработан план захвата власти Гитлером. Лондонский филиал этого банка — банк «Дж. Генри Шредер» тесно связан с директором Английского банка,

¹ Г. Д. Мейер, *Неизбежна ли гибель Америки?* ИЛ, 1950, стр. 36.

² См. «Вопросы истории», 1950 г., № 1, стр. 105.

Англо-Иранской нефтяной компанией и другими крупнейшими английскими монополиями. Долгое время одним из директоров лондонского филиала банка «Дж. Генри Шредер» был небезызвестный американский разведчик Аллен Даллес. Этот банк представлял финансовые интересы «ИГ Фарбениндустри» и Стального треста. Германский империализм финансировала также группа Дюпона, банк «Кун, Леб энд компани», связанный с группой Меллона, банк «Ли, Хиггинсон энд компани», компания «Гольдман, Сакс энд компани», «Макс Уорберг бэнк», «Браун Бразерс энд Гарриман» и др. Американский долларовой дождь способствовал возрождению германской военной машины.

За пятилетний период с 1924 по 1929 год Уолл-стрит теми или иными способами переправил в Германию около 4 млрд. долл.³ «...Этот золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжелую промышленность гитлеровской Германии и, в частности, военную промышленность, — указывается в исторической справке Совинформбюро. — Это миллиарды американских долларов, вложенных заокеанскими монополиями в военную экономику гитлеровской Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии»⁴.

«Банкиры Лондона, Парижа и Нью-Йорка, — пишет американский экономист Лассер, — целым потоком вливали в Германию денежные фонды с целью не только предотвратить крушение, которое могло в конце концов привести к социализму, но и для того, чтобы помочь шатающемуся фронту немецких монополистов встать в ряд со своими международными союзниками...»⁵. «Именно в этот период, — продолжает Лассер, — была создана финансовая система, которая должна была объединить мировые монополии в единый фронт и заставить их прибегать к совместным действиям в любой части света, где народ угрожал их власти или интересам»⁶.

³ См. Г. Д. Мейер, Неизбежна ли гибель Америки? стр. 36.

⁴ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 12.

⁵ D. L a s s e r, Private Monopoly. The Enemy at Home, N. Y.—L., 1945, p. 33.

⁶ Ibid., p. 34.

Борьба против социализма, против народов своих стран и всех угнетенных народов, лютая ненависть к Советскому Союзу — вот что объединяло в единый фронт американские и немецкие монополии, вот почему американские монополисты столь трогательно пеклись о восстановлении германского военно-промышленного потенциала и так заботливо помогали своим немецким собратьям превратить Германию в основной очаг агрессии в Европе, всячески натравливая ее на СССР. Общность классовых интересов американских и немецких монополий являлась, таким образом, одной из важнейших причин оказания помощи Германии со стороны США в восстановлении германской промышленности.

Другим важнейшим мотивом оказания помощи германским монополиям со стороны финансовой олигархии США являлось стремление американских монополий принять совместно со своими германскими партнерами широкое участие в эксплуатации германского народа и извлекать из этого огромные прибыли. Иностранцы, в первую очередь американские, монополии в послеверсальский период нажили большие барыши на перевооружении германской военной промышленности. Именно тогда американский капитал начал глубоко внедряться в различные отрасли народного хозяйства Германии. Как пишет Лассер, «иностранный капитал, наводнивший Германию, не только обеспечил себе решающие позиции в ее финансах, но американские, британские и голландские монополисты вступили в картельные соглашения с открытыми глазами, их собственные интересы были хорошо защищены и они извлекали из этих соглашений весьма значительные прибыли»⁷.

По данным американской сенатской комиссии Килгора, американские капиталовложения в германскую промышленность, не считая займов, достигли перед началом второй мировой войны внушительной суммы — 1 млрд. долл. Видный немецкий историк А. Норден пишет: «Непреложные факты свидетельствуют, что влиятельнейшие американские тресты и крупнейшие американские миллиардеры со времени прихода к власти Гитлера... завязывали с нацистской империей все более тесные связи»⁸. Наиболее прочное положение в германской

⁷ D. Lasser, Private Monopoly. The Enemy at Home, p. 34.

⁸ А. Норден, Так делаются войны, ИЛ, 1951, стр. 61.

промышленности и наиболее тесные связи с немецкими монополиями имели следующие американские корпорации: «Стандард ойл компани», «Дженерал моторз корпорейшн», «Дженерал электрик компани», «Интернэшнел телефон энд телеграф корпорейшн», а также ряд других. По словам Нордена, «с 1925 года ряд важных немецких предприятий полностью или частично перешли в собственность американских концернов»⁹. Известный немецкий экономист профессор Ю. Кучинский считает, что уже к 1928 году до одной четверти национального богатства Германии принадлежало иностранцам, в основном американцам¹⁰.

В период 1924—1929 годов американские монополии очень быстро заняли видное, а затем и ведущее положение в важнейших отраслях германской промышленности, в том числе в военной. Так, в германской автомобильной промышленности американская компания «Дженерал моторз корпорейшн», связанная с Дюпоном, владела большей частью компании «Адам Оппель А. Г.» в Рюссельсгейме, стоимостью в 60 млн. марок. Это была крупнейшая фирма по производству автомобилей в капиталистической Европе (100 тыс. машин в 1935 г.), в мирное время она выпускала до 30% всех германских легковых автомобилей. Форд контролировал большую часть капитала кельнского акционерного общества «Форд мотор компани» — 20 млн. марок¹¹.

По словам Лассера, американские фирмы в Германии давали свыше 50% продукции всей германской автомобильной промышленности¹² и получали огромные прибыли. «Дженерал моторз корпорейшн», например, получила за 10 лет прибылей на сумму в 36 млн. долл. Так как по законам «Третьего рейха» эти прибыли нельзя было вывозить, то около 20 млн. долл. из них было вложено в другие немецкие предприятия¹³. Так завязывались и укреплялись новые связи между амери-

⁹ А. Норден, Уроки германской истории, ИЛ, 1948, стр. 175—176.

¹⁰ См. R. Palme Dutt, World Politics 1918—1936, N. Y., 1936, p. 69.

¹¹ См. А. Норден, Уроки германской истории, стр. 175.

¹² См. D. Lasser, Private Monopoly. The Enemy at Home, p. 139.

¹³ См. А. Норден, Уроки германской истории, стр. 184.

канскими и германскими монополиями. В 1938 году Морган через компанию «Ц. Лоренц», 98,8% капитала которой принадлежали американским империалистам, стал владельцем 30% капитала (8 млн. марок) бременских авиационных заводов «Фокке-Вульф»¹⁴. Следовательно, Г. Мейер имеет все основания утверждать, что «гитлеровская армия двигалась на машинах «Оппель», выпускаемых «Дженерал моторз»; моторами этой компании пользовалась также германская легкая артиллерия и транспорт. Нацистские самолеты с моторами, поставляемыми американскими авиационными компаниями, разрушали европейские города и истребляли гражданское население»¹⁵.

Банк Моргана приобрел весьма солидные и прочные позиции в германской электротехнической промышленности. В 1929 году от 25 до 30% капитала (120 млн. марок) «Всеобщей компании электричества» («АЭГ») находились под контролем «Дженерал электрик компани» (группа Моргана). 15% капитала «Осрам», крупнейшего в Европе завода электроламп, также владел «Дженерал электрик компани». Не менее $\frac{2}{5}$ немецкой телефонной и телеграфной промышленности принадлежало связанной с Морганом Международной телефонно-телеграфной корпорации с капиталом в 600 млн. долл. Назовем, например, некоторые важнейшие фирмы, которыми владела Международная телефонно-телеграфная корпорация: это берлинская фирма «Стандарт электрицитетс гезельшафт», «Микс унд Генест», «Фердинанд Шухардт», Южногерманский завод аппаратуры и телефонно-телеграфная компания. Международная телефонно-телеграфная корпорация имела пай в Обществе с ограниченной ответственностью д-ра Эриха Гута и в Объединении баварских заводов телефонной аппаратуры¹⁶.

В горной и нефтяной промышленности Германии прочные позиции заняла группа Рокфеллера, в частности зависящий от нее концерн «Стандарт ойл компани». «Стандарт ойл» контролировал 55 млн. марок из 63 млн. марок Германо-Американской нефтяной компании. Перед началом войны $\frac{1}{3}$ нефтеналивных пунктов

¹⁴ А. Норден, Уроки германской истории, стр. 186—187.

¹⁵ Г. Д. Мейер, Неизбежна ли гибель Америки? стр. 39.

¹⁶ См. А. Норден, Уроки германской истории, стр. 175.

в Германии (56 тыс.) находилась в ее руках. Этой компании принадлежала австрийская компания «Вакуум ойл компани». «Стандард ойл компани» владел большей частью акций в очистительных заводах минеральных масел «Август Корф» и через посредство дочерней организации — 100% в немецком акционерном обществе «Вакуум ойл» (капитал 20 млн. марок). В немецком акционерном обществе «Газолин» (капитал 1 млн. марок) 25% акций принадлежало «Стандард ойл компани», а остальные пай — в значительной части «ИГ Фарбен-индустри» и английскому «Ройял датч-Шелл»¹⁷.

Американское акционерное общество «Гуго Стиннес корпорейшн оф Мэриленд» владело Мюльгеймским горным объединением и «Геверкшафт Матиас Стиннес». Большинство членов наблюдательного совета этого объединения были американцами¹⁸. Наконец, банковский дом «Браун Бразерс, Гарриман энд компани» вместе с «Анаконда Коппер майнинг компани» и моргановским «Гаранти траст компани» контролировали «Силезиен холдинг компани» (Польша), связанную в свою очередь с германской угольной промышленностью. Этот банк также вкладывал средства в германскую авиационную промышленность¹⁹.

Кроме этих крупнейших американских монополий, целый ряд других американских компаний имел свои филиалы в Германии.

Помимо займов и прямых инвестиций, огромную роль в деле восстановления германского военно-промышленного потенциала сыграло в послеверсальский период установление тесных картельных связей между американскими и германскими монополиями. «Американские и германские монополии, — писал Г. Мейер, — сливались и переплетались между собой. Финансовые группы Моргана, Рокфеллера и Дюпона вкладывали огромные суммы в военную промышленность Германии. Американские фирмы находились во владении германских картелей, а германские предприятия действовали в американских интересах. «Дженерал моторз корпорейшн», «Анаконда»,

¹⁷ А. Норден, Уроки германской истории, стр. 176.

¹⁸ Там же.

¹⁹ A. Rochester, Rulers of America. A Study of Finance Capital, N. Y., 1936, pp. 79—80.

Дюпон, Форд, Кун Леб, Меллон установили тесную связь со своими германскими партнерами. Фирмы «Вестингауз», «Эллис Чалмерс» и «Дженерал электрик компани» заключили картельные соглашения с фирмой «Сименс унд Гальске», германской «АЭГ» и другими корпорациями. В 1927 году оформился союз треста «Стандард ойл компани» с «ИГ Фарбениндустри» и Карла Цейсса с фирмой «Бауш энд Ломб», а Крупп и авиационные фирмы Германии стали филиалами американских фирм. Германские и американские тресты так тесно переплелись, что уже никто не мог бы сказать, где кончаются одни и начинаются другие»²⁰.

Картельные связи между германскими и американскими монополиями существовали и до первой мировой войны, однако именно в послеверсальский период они значительно расширились и окрепли.

Большое значение для перевооружения гитлеровской военной машины имело участие Германии в международном стальном картеле. В этот картель входили основные группы сталепромышленников Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Чехословакии, Польши, Австрии, Англии и США. Он контролировал до 90% мирового производства стали и чугуна. Главную роль в нем играли капиталисты США, Германии и Англии²¹.

Первооружению Германии значительно способствовал Международный никелевый трест, контролировавший 85% производства никеля всего капиталистического мира. В 1934 году, то есть через год после прихода Гитлера к власти, между «ИГ Фарбениндустри» и этим трестом было заключено соглашение о поставках никеля в Германию, причем на чрезвычайно льготных для нее условиях: свыше 50% поставок этого очень важного стратегического сырья Германия получала за счет долгосрочного кредита, то есть практически бесплатно²².

Таким образом, американские монополисты в послеверсальский период, предоставляя своим немецким коллегам займы, установив с ними картельные связи, сделав прямые вклады в германскую промышленность, всячески

²⁰ Г. Д. Мейер, *Неизбежна ли гибель Америки?* стр. 36—37.

²¹ См. G. W. Stocking and T. W. Watkins, *Cartels in Action*, N. Y., 1947, p. 187.

²² См. А. Норден, *Так делаются войны*, стр. 62.

помогали восстанавливать германский военно-промышленный потенциал.

Мировой экономический кризис 1929—1933 годов поставил под угрозу всю капиталистическую экономику. Полностью рухнул план «дауэсизации» Европы, то есть план установления в Европе господства американского финансового капитала. Из числа европейских стран кризис больше всего ударил по Германии. Германская внешняя торговля сократилась на 60%, государственный бюджет имел миллиардный дефицит, началось массовое бегство капитала за границу. Экономический крах Германии мог иметь тяжелые последствия для всей капиталистической системы в целом. Поэтому тогдашний американский президент Гувер, спасая германскую промышленность, на основании доклада своего министра финансов миллионера Эндрю Меллона выступил с предложением приостановить на один год все платежи по международным правительственным долгам, репарациям и займам. Этот годичный мораторий в значительной степени способствовал укреплению позиций германских монополий. По инициативе США на Лондонской конференции 1931 года было принято решение о создании «сдерживающих консорциумов» для удержания в Германии краткосрочных кредитов. Несколько позже Банк международных расчетов продлил кредит в 100 млн. долл., предоставленный Германии англо-американскими банками. В январе 1932 года последовало новое решение о продлении иностранных кредитов. В июне—июле 1932 года в Лондоне состоялась конференция по репарационным вопросам, которая приняла решение, практически вообще освобождавшее Германию от репараций. Так американские монополисты помогали своим германским собратьям во время экономического кризиса спастись в Германии капитализм.

В январе 1933 года фашисты захватили власть в Германии и установили открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала²³. Гитлеровцы пришли к власти, опираясь на поддержку крупнейших немецких финансовых магнатов, юнкеров-помещиков и реакционной воен-

²³ См. «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет», Партиздат, 1934, стр. 589.

щины. Международные империалистические круги также оказывали гитлеровцам самую широкую поддержку, так как германский фашизм выступал «как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза, великого отечества трудящихся всего мира»²⁴.

Американские монополисты были прекрасно осведомлены о связях Гитлера с германскими концернами, об этом, например, знал Суинт, один из заправил концерна Дюпона, знал также и американский президент Герберт Гувер. Они были поставлены об этом в известность заправилami концерна «ИГ Фарбениндустри». Некоторые представители американской финансовой олигархии, такие как Морган, Форд, Дюпон и др., еще до прихода Гитлера к власти установили с ним тесный контакт и оказывали ему значительную финансовую поддержку. Форд, например, начал финансировать Гитлера еще до мюнхенского путча 1923 года.

Сразу после захвата власти в Германии гитлеровцы начали лихорадочно вооружаться, готовясь к новым агрессивным войнам. Международные монополии немедленно включились в дело вооружения гитлеровской военной машины. В первый же год прихода Гитлера к власти английские авиационные фирмы продали Гитлеру 60 самолетов новейшей конструкции²⁵. В 1933 году был подписан договор между Феликсом Дюпоном и агентом Гитлера Бреннером (Гиерой) о снабжении Германии оружием через Голландию. Позднее этот договор был расторгнут по настоянию представителей британской «Империэл кемикэл индастриз», которая и взяла на себя дальнейшее снабжение Германии оружием²⁶. В 1933 году между американской фирмой «Юнайтед эйркрафт корпорейшн» и германской фирмой «Юнкерс» было подписано секретное соглашение, на основании

²⁴ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма (VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала), Партиздат, 1935, стр. 9.

²⁵ См. Н. С. Engelbrecht and F. C. Hanighen, Merchants of Death, L., 1934, p. 5.

²⁶ См. Г. Д. Мейер, Неизбежна ли гибель Америки? стр. 37—38.

которого в Германию было отправлено авиационных моторов и винтов на сумму 1 млн. 775 тыс. долл.²⁷ Таким образом, американский монополистический капитал принимал деятельное и непосредственное участие в милитаризации Германии.

После прихода Гитлера к власти Советское правительство неоднократно указывало, какую опасность для дела всеобщего мира представляет политика фашистской Германии, и призывало правительства Англии, Франции, США и других держав организовать коллективный отпор агрессорам; однако правительства этих стран предпочли встать на путь поощрения гитлеровской агрессии, попытались изолировать СССР, «канализовать» германскую агрессию на Восток.

Американские монополисты горячо приветствовали приход к власти в Германии фашистов. Американская финансовая олигархия продолжала укреплять старые и завязывать новые связи с германскими монополиями. Еще в 1932 году фирма «Хенкель» совместно со своими дочерними компаниями «Дейче гидрирверке АГ» и «Беме феттхеми» создала в США фиктивную акционерную компанию «Америкэн хайэлсол корпорейшн» с капиталом в 3 млн. долл. Эта компания за соответствующую плату американским фирмам «Проктер энд Гэмбл», «Дюпон» и «Ричардс кемикэл компани» предоставляла лицензии на использование патентов «Хенкель»²⁸. При Гитлере эти связи продолжали укрепляться. В 1934 году, например, между американской фирмой «Дюпон» и немецкой фирмой «ДЕГУССА» был заключен ряд соглашений об обмене патентами и разделе рынков сбыта щелочных металлов, цианистых солей, перекиси натрия, формальдегида, красителей и других продуктов. В 1935 году фирма «ДЕГУССА» заключила аналогичные соглашения с «Коммершэл солвентс корпорейшн оф Нью-Йорк»²⁹. Так как основными держателями акций «ДЕГУССА» были «ИГ Фарбениндустри» и «Хенкель»³⁰, то через «ДЕГУССА» американские фирмы были связаны с важнейшими военными и химическими компаниями гитлеров-

²⁷ См. «Красная звезда», 14 августа 1947 г.

²⁸ См. Д. Мартин, Братство бизнеса («Почтенные все люди...»), ИЛ, 1951, стр. 153.

²⁹ Там же, стр. 152.

³⁰ Там же, стр. 150.

ской Германии. В октябре 1935 года в США прибыл один из руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри» доктор Фриц Мейер для переговоров со «Стандард ойл» и Дюпоном о синтетическом каучуке. Между компаниями было заключено «джентльменское» соглашение о недопуске «посторонних» фирм на рынок синтетического каучука, а в 1936 году подписан аналогичный договор об искусственном шелке и целофане. Вопрос о производстве синтетического каучука и разделе рынков для его продажи занимал также важное место в переговорах между одним из руководителей «Стандард ойл» Франком Говардом и представителем «ИГ Фарбениндустри» Фрицем Мейером в Берлине в марте 1938 года и в США в декабре 1938 года³¹.

В 1935 году при посредстве голландской фирмы «Филипс» заключено еще одно «джентльменское» соглашение о ценах и условиях сбыта между немецкой компанией «Сименс унд Гальске» и американской компанией «Интернэшнел дженерал электрик»³².

По данным директора рейхбанка Рудольфа Эйхе, в январе 1936 года долги Германии по иностранным займам — в большинстве своем американским — составляли 13 млрд. марок, кроме того, иностранцы владели в Германии промышленными предприятиями и другими видами собственности на сумму свыше 4 млрд. марок. В 1935 году иностранцам, в первую очередь американцам, по инвестициям было выплачено различного вида отчислений на сумму в 2,5 млрд. марок.

В 1935—1937 годах происходит дальнейшее укрепление связей между американскими и германскими сталепромышленниками, осуществлявшееся в рамках Международного стального картеля, в частности между «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Моргана, с одной стороны, и «Ферайнигте штальверке» и Круппом — с другой. 14 июня 1938 г. в Париже состоялось совещание между объединенным координационным комитетом Международного стального картеля, в котором в основном заправляли немцы, и делегацией американской Ассоциации по экспорту стали, представлявшей компании «Юнайтед Стейтс стил», «Бетлехем стил корпорейшн» и

³¹ См. G. Reiman p, Patents for Hitler, N. Y., 1942.

³² См. Д. Мартин, Братство бизнеса («Почтенные все люди...»), стр. 181.

«Рипаблик стил»³³. Согласно заключенному между ними соглашению, Международный стальной картель признал США исключительной сферой действия американских сталелитейных компаний³⁴.

Наконец, самое тесное американо-германское сотрудничество имелось в области производства фармацевтических и медицинских препаратов, в частности между американской фирмой «Меринг корпорейшн» и германской фирмой «Меринг АГ».

1938 год особенно богат различными соглашениями между американскими и германскими монополиями. «Раздел Чехословакии Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Даладьё на Мюнхенской конференции, — пишет А. Норден, — был триумфом политики международного умиротворения фашизма и направления его агрессии на Восток. За политическим Мюнхеном 30 сентября 1938 г. немедленно последовали промышленные «мюнхены»; они были заранее подготовлены и зачинщики их сыграли немалую роль в событиях, приведших к заключению в баварской столице международного пакта»³⁵.

Примером подобного промышленного «мюнхена» являлось соглашение между «Стандард ойл» (США), «Ройял датч-Шелл» (Англия) и «ИГ Фарбениндустри» (Германия) об учреждении «КРА» («Каталитик рифайнинг ассошиэйшн»). Это соглашение готовилось в течение многих месяцев и завершилось подписанием его сразу же после мюнхенского сговора 12 октября 1938 г. По этому соглашению, «ИГ Фарбениндустри» обязывался не выступать на внешних рынках с синтетическим бензином (что, кстати сказать, отнюдь не являлось серьезной жертвой, так как гитлеровская Германия сама в нем остро нуждалась), а взамен получать долю прибыли, равную прибыли «Стандард ойл», полученной за весь произведенный в США высококачественный авиационный бензин³⁶. На другой же день, 13 октября, было заключено отдельное соглашение между «Стандард ойл» и «ИГ Фарбениндустри», дававшее «ИГ Фарбениндустр-

³³ См. Д. Мартин, Братство бизнеса («Почтенные все люди...»), стр. 73.

³⁴ См. G. W. Stocking and M. W. Watkins, Cartels in Action, pp. 187—215.

³⁵ А. Норден, Уроки германской истории, стр. 179.

³⁶ Там же, стр. 179—180.

ри» право на долю отчислений, сверх причитавшейся по соглашению от 12 октября 1938 г., и обязывавшее «Стандард ойл» финансировать экспериментальную работу «ИГ Фарбениндустри».

Классическим примером переплетения интересов американских и германских монополий являлась деятельность «Ремингтон армс компани» и «Интернэшнел хидроджинэшн пейтентс компани». Контрольным пакетом акций американской компании по производству вооружения «Ремингтон армс компани» владел «Дюпон», однако в ней принимал также участие английский капитал в лице «Империэл кемикэл индастриз» и немецкий — в лице «ИГ Фарбениндустри», причем концерн «ИГ Фарбениндустри» по соглашению получал четверть прибылей от продажи оружия, проданного «Ремингтон армс компани» в США. Правление «Интернэшнел хидроджинэшн пейтентс компани» находилось в столице карликового государства Лихтенштейн Вадуце. Эта компания являлась филиалом другой международной компании «Стандард — ИГ», которая в свою очередь являлась филиалом «Стандард ойл» и «ИГ Фарбениндустри».

Другим примером промышленного «мюнхена» являлось соглашение между американской компанией «Дженерал электрик» и немецкой фирмой «АЭГ», заключенное 7 октября 1938 г., то есть через неделю после «мюнхена» дипломатического. Это соглашение предусматривало обмен технической информацией и раздел сфер влияния, причем в сферу германского влияния отходили почти все страны Европы с их колониями, исключая Англию, а в американскую сферу — Канада, США и американские владения³⁷.

В 1938 году между «ИГ Фарбениндустри» и «Дюпоном» установился постоянный обмен информацией о производственных секретах. «Дюпон» сообщал о способе производства каучука, а «ИГ Фарбениндустри» — о производстве пластмасс. «ИГ Фарбениндустри» отказался также от производства синтетического азота для американского рынка, предоставив этот рынок в полное распоряжение «Дюпона».

³⁷ См. E. Hexner, *International Cartels*, University of North Carolina Press, 1946, pp. 443—459.

В 1939 году по новому «джентльменскому» соглашению «Дюпон» передавал фирме «ИГ Фарбениндустри» патентные права и секрет производства нейлона в обмен на дополнительную информацию о пластмассах.

Американские монополисты, одержимые классовой ненавистью к Советскому Союзу, всячески способствовали усилению позиций германских монополий. Они видели в гитлеровской Германии форпост для борьбы с СССР и были готовы идти даже на некоторые жертвы ради укрепления германского монополистического капитала. Именно поэтому, даже после того как в Европе началась война, американские монополисты не прерывали тесных связей со своими германскими собратьями, не теряя надежды договориться с ними и общими силами выступить против Советского Союза. Достаточно, например, сказать, что в сентябре—октябре 1939 года представитель «Стандард ойл» Ф. Говард вел в Голландии переговоры с представителями «ИГ Фарбениндустри» относительно сохранения в силе существовавших соглашений на время войны *«независимо от того, вступили в нее США или нет»*³⁸. Во время войны «Стандард ойл» снабжала бензином немецкую авиалинию в Южной Америке «Кондор» и итальянскую «Ала Литтория»³⁹.

Таким образом, между американскими и германскими монополиями как до войны, так и после ее начала были обширные деловые связи, существовало теснейшее переплетение интересов. Это переплетение интересов американских и германских монополий вело к тому, что американские монополисты были заинтересованы во внешнеполитических успехах гитлеровской Германии. Позднее некоторые американские фирмы через подставных лиц принимали участие в ограблении и эксплуатации поработанных фашистской Германией европейских стран. Неудивительно поэтому, что американские монополии как через посредство государственного департамента, так и через своих доверенных лиц поощряли гитлеровскую Германию на захват Австрии и Чехословакии, на агрессию против Советского Союза. «Гитлер знал, — пишет американский экономист Лассер, — что соглашения германских картелей с американскими монополиями порождали

³⁸ Р. Сэсюли, ИГ Фарбениндустри, ИЛ, 1948, стр. 169.

³⁹ Там же, стр. 170—171.

теплые чувства коммерческого товарищества, чувства, оказывавшие большое влияние на американский государственный департамент и на Уолл-стрит»⁴⁰. Но американские монополии не только играли главенствующую роль в возрождении военно-промышленного потенциала германского империализма, они активно участвовали и в подготовке мюнхенского сговора.

Американские монополистические круги не в меньшей степени несут на себе ответственность за пресловутую политику «умиротворения», чем официальные руководители англо-франко-американской внешней политики. Дюпоны, Морганы, Рокфеллеры и другие крупные монополистические группы США не только оказывали финансовую и экономическую помощь возрождению агрессивного германского империализма, они через всевозможные фашистские и полуфашистские организации в США, через прессу и радио вели широкую пропаганду в пользу изоляционизма, в пользу отказа США от участия в поддержании коллективной безопасности и тем самым способствовали агрессивным планам фашистских агрессоров.

В США к середине 30-х годов имелось множество подобных фашистских и полуфашистских организаций, через которые монополистические круги вели пропаганду в пользу стран «оси» и с помощью которых они готовили установление в стране фашистской диктатуры. К числу таких организаций, целиком субсидированных различными капиталистическими компаниями, относились, например, так называемая «Американская лига свободы», возглавлявшаяся фашистом Джеральдом Смитом, организации «Стражи республики», «Крестonosцы» и ряд других.

В области внешней политики профашистские организации не могли выступать с открытой поддержкой агрессии фашистских держав, поэтому они выдвинули лозунг «изоляционизма» — отказа США от участия в организации системы коллективной безопасности. Крупнейший американский капиталист, газетный магнат Херст писал в своих газетах, что «санкции против военной оси Берлин—Рим—Токио вовлекут Америку в ловушку союзов с Красной Россией и Красным Китаем»⁴¹.

⁴⁰ D. Lasser, *Private Monopoly. The Enemy at Home*, p. 39.

⁴¹ Цит. по «Daily Worker» (N. Y.), Dec. 24, 1937.

Другой представитель американской реакции сенатор Ванденберг заявил: «Я за изоляцию. Я не согласен ни на какие попытки вовлечь нас в любые экскурсии в область коллективной безопасности или коллективных санкций»⁴².

Вожаками всех этих антисоветских профашистских групп в Соединенных Штатах были бывший президент США Герберт Гувер, сенаторы Тафт и Ванденберг, конгрессмены Гамильтон Фиш и Гофман, владельцы газетных трестов Херст и Мак-Кормик, фашиствующие проповедники Джеральд Смит и Кофлин. Крупнейшие монополисты предоставляли в их распоряжение огромные суммы денег для пропаганды изоляционистской политики. Генри Форд находился в числе тех, кто способствовал распространению гитлеровских идей в США, он, в частности, приютил у себя на заводах в Дирборне одного из вожаков немецких фашистов в США Фрица Куна. Недаром Гитлер столь высоко оценил заслуги Форда, наградив его «Большим крестом германского орла»⁴³. Руководитель организации американских фашистов «Лига свободы» Джеральд Смит получал деньги от главы «Америкен сианамид компани» Вильяма Белла и главы «Джонс мэнвил компани» Льюиса Брауна⁴⁴. Таким образом, американские монополисты сами субсидировали пропаганду в пользу изоляционизма, пропаганду, направленную на оправдание фашистских агрессоров.

28—30 мая 1938 г. американские фашистские и полуфашистские группки созвали в Вашингтоне свой «конгресс». В нем приняли участие всевозможные политические отбросы, вроде американских троцкистов, фашиствующие конгрессмены Гамильтон Фиш, Вильям Лемке, Фредерик Либби, сенатор Артур Каппер, республиканцы Герберт Гувер, Альфред Лэндон, банкир Оуэн Юнг и др.

Этот «конгресс» принял множество крикливых, демагогических резолюций, в том числе резолюцию, требовавшую от американского правительства, чтобы оно «с радостью предоставило всю необходимую экономиче-

⁴² «Daily Worker» (N. Y.), Dec. 24, 1937.

⁴³ «Daily Worker» (N. Y.), Aug. 1, 1938.

⁴⁴ «Daily Worker» (N. Y.), Dec. 29, 1937.

скую помощь бедным нациям»⁴⁵, имея в виду страны «оси».

Американские монополии через своих представителей вели тайные переговоры с гитлеровцами, поощряя их к дальнейшим агрессивным действиям, толкая их на войну с Советским Союзом. Эта дипломатическая деятельность американских монополий была и до сих пор остается окутанной покровом глубокой тайны, более глубокой, чем деятельность официальных американских дипломатических представителей. Достоянием широкой гласности и поныне становится лишь очень небольшое число фактов из этой области и тем больший интерес поэтому они представляют.

Укажем лишь на некоторые наиболее важные и характерные примеры подобного рода непосредственной, помимо государственного департамента, дипломатической деятельности американских монополистических кругов.

13 июля 1942 г. нью-йоркский журнал «Ин фэкт» впервые опубликовал текст протокола тайной «конференции», состоявшейся 23 ноября 1937 г. в одном из отелей Бостона между двумя нацистскими эмиссарами — генеральным консулом в Бостоне бароном фон Типпельскирхом и генеральным консулом в Сан-Франциско бароном Манфредом фон Киллингером, — с одной стороны, и семью виднейшими американскими промышленниками и членами конгресса — с другой. Участники «конференции» выработали меморандум⁴⁶.

На этой «конференции» сенатор Ванденберг представлял правое крыло республиканской партии, Ламмот Дюпон являлся представителем интересов фирмы «Дюпон», Альфред Слоун также представлял интересы Дюпонов и моргановской фирмы «Дженерал моторз», председателем которой он являлся. Четверо остальных американских участников этого тайного совещания остались неизвестными.

Текст меморандума начинается следующими словами: «Целью настоящего документа отнюдь не является скомпрометировать участников данного совещания. Напротив, меморандум должен воспроизводить и содер-

⁴⁵ Цит. по «Daily Worker» (N. Y.), June 14, 1938.

⁴⁶ См. А. Норден, Уроки германской истории, стр. 182.

жать лишь основные вопросы, затрагивавшиеся во время наших переговоров. Если потребуется, эти вопросы можно будет довести до сведения соответствующих организаций или отдельных лиц, достаточно компетентных и обладающих необходимыми правами, чтобы сделать из них практические выводы или предпринять необходимые шаги». Таким образом, это совещание не носило характера простого обмена мнениями — принятые на нем решения должны были проводиться в жизнь. По существу это совещание являлось прямым сговором американских монополистов с германскими фашистами о разделе сфер экспансии, сговором о войне против Советского Союза.

В своем вступительном слове барон фон Типпельскирх призывал Америку активно сотрудничать с Германией для того, чтобы «завладеть такими гигантскими рынками, как Россия и Китай», то есть сотрудничать в деле овладения Россией и Китаем и раздела их на сферы влияния. «Германия, — продолжал он, — готова сделать все, чтобы добиться сближения с ведущими американскими промышленниками и финансистами». Затем взял слово Киллинггер, который поделился с американскими капиталистами опытом гитлеровцев по борьбе с рабочим движением и рассказал о том, «как в гитлеровской Германии оказались практически ликвидированными все расходы на социальное страхование и благотворительность», как «были посажены в тюрьмы все опасные утописты и сентиментальные филантропы, которые служили питательной средой для классово-борьбы». Киллинггер призывал к консолидации всех консервативных сил Америки. «Мы, немцы, — сказал он, — стремимся к сотрудничеству со всеми американскими националистами». Выступление Киллинггера было воспринято американскими реакционерами, присутствовавшими на конференции, весьма благожелательно.

Альфред П. Слоун заявил, что «дальновидные дельцы приветствуют конференции подобного рода, которые являются очень стимулирующими. Мы единодушно считаем, — сказал он далее, — что желательно убедить руководящих деловых людей нашей страны в том, что поддержка патриотических организаций (фашистских.— М. Б.) является выгодным капиталовложением, и в том, что следует стремиться к объединению подобных сою-

зов под руководством какого-нибудь выдающегося деятеля. Мы будем признательны нашим немецким друзьям за каждую услугу, которую они смогут нам при этом «оказать».

Ламмот Дюпон высказался еще более определенно. Он сказал: «Пусть сближение с Германией непопулярно, но оно необходимо перед лицом сильной просоветской агитации в Соединенных Штатах. Крайне важно проинформировать об этой конференции руководящих и влиятельных хозяйственных и политических деятелей обеих партий и убедить их в необходимости обсудить вопрос о сотрудничестве на этой основе».

Этот сговор американских монополистов с германскими фашистами состоялся немногим позже чем через месяц после произнесения Рузвельтом его известной чикагской речи 5 октября 1937 г. «о карантине против агрессоров». Из бесед с представителями американских монополистов германские дипломаты получили вполне ясное представление о действительных настроениях американских правящих кругов. Для них стало ясно, что разговоры о «карантине против агрессоров» останутся разговорами, что на самом деле «дальновидные дельцы приветствуют конференции подобного рода» и что значительная часть американских монополистов и реакционеров как из республиканской, так и из демократической партий готова пойти на прямой сговор с фашистской Германией и не мешать выполнению ее агрессивных планов при условии, что германская агрессия будет направлена на Восток, против СССР.

20 ноября 1937 г., почти одновременно с этой «конференцией» германских нацистов и представителей американских деловых кругов, из Германии в США выехал для непосредственных тайных переговоров с американскими монополистами доверенный агент Гитлера, его личный адъютант капитан Видеман. Видемана сопровождала княгиня Гогенлоэ, которая, как и ее муж князь Макс Гогенлоэ, использовалась гитлеровцами для выполнения всевозможных «деликатных» поручений, для ведения различных тайных переговоров и всевозможных международных интриг. Как писала в газете «Эвр» известная французская журналистка Табуи, Видеман ехал в США, чтобы «добиться поддержки со стороны ведущих американских реакционных кругов гитлеровских

агрессивных целей в Европе»⁴⁷. По словам Табуи, немцы «стремились добиться для себя от США и Великобритании гарантии свободы рук на Востоке, в особенности в отношении экспансии в Центральной Европе в направлении России». Видеман должен был «попытаться убедить американцев, что Германия хочет мира, но требует привилегий в Центральной Европе, а также показать, что величайшей целью Германии является борьба с коммунистами во всем мире». Табуи далее указывала, что Видеман намеревается встретиться в США с сенатором Ванденбергом, «чья политическая программа на приближающихся выборах состоит в том, чтобы стать глашатаем антикоммунизма в США». Видеман действительно встречался в Америке с сенатором Ванденбергом и другими представителями реакционных американских кругов.

Очевидно, первая поездка Видемана принесла свои результаты в деле установления более тесного контакта гитлеровцев с американскими монополистами, так как в марте 1938 года Риббентроп вновь намеревался послать Видемана в США «для ведения там неофициальных переговоров с видными американцами»⁴⁸. Он также собирался послать туда президента рейхсбанка Шахта, генерального директора рейхсбанка Линдемана и экономиста профессора Вербера для укрепления этих связей с американскими деловыми кругами⁴⁹. Эти поездки не состоялись, так как германский посол в Вашингтоне Дикгоф отсоветовал Риббентропу это делать, ссылаясь на то, что в период подготовки к выборам в американский конгресс широкая пропагандистская кампания в США в пользу фашистской Германии может оказать невыгодное для Германии влияние на результаты выборов, так как простые американцы в массе своей настроены «антинемецки», то есть антифашистски⁵⁰.

Вскоре после поездки Видемана в США американские монополистические круги отправили в Германию с ответным визитом своего специального эмиссара, быв-

⁴⁷ Цит. по «Daily Worker» (N. Y.), Nov. 22, 1937.

⁴⁸ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, Wash., 1949, p. 698.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid., p. 703.

шего президента США и одного из лидеров республиканской партии Герберта Гувера. Поездка Гувера в Европу весной 1938 года представляет значительный интерес с точки зрения выяснения роли американских монополий в подготовке мюнхенского сговора.

Герберт Гувер сам является крупнейшим американским капиталистом. Он в различное время был председателем компаний «Юнайтед Стэйтс грейн корпорейшн», «Бирма корпорейшн», «Санта-Гертрудис майнинг компани», «Кэмп Бэрд Лтд.», директором «Нью-Йорк иншуренс компани», «Цинк корпорейшн», «Оройя эксплоатейшн компани» и членом правления многих других компаний. Гувер, в частности, имел значительные интересы в Русско-Азиатской компании, в «Кыштым корпорейшн» и в «Иртыш корпорейшн»⁵¹ и после национализации всех этих предприятий Советским правительством он стал злейшим, смертельным врагом Советского Союза и не раз откровенно заявлял, что «уничтожение Советской России — цель его жизни». После первой мировой войны Гувер возглавлял администрацию помощи пострадавшим от войны («АРА»), которая больше занималась шпионажем против Советской России, чем действительной помощью народам, пострадавшим от войны.

Еще в январе 1938 года Герберт Гувер выступил со своей собственной программой «установления мира». Программа экономического и политического характера состояла из 8 пунктов. Вся суть ее выражалась в пятом и шестом пунктах; пятый пункт гласил: «Мы не должны применять военную силу для того, чтобы предотвратить войны или положить конец войнам других народов», в шестом пункте говорилось: «Мы не должны участвовать ни в каких экономических санкциях с целью предотвратить войны или положить конец войнам других народов»⁵². Таким образом, программа Гувера носила ярко выраженный изоляционистский характер. Гувер требовал, чтобы США не участвовали в коллективных действиях, направленных против агрессора, тем самым поощрял фашистские страны на всевозможные военные авантюры.

⁵¹ См. «Encyclopedia Americana 1938», vol. 13, N. Y., p. 371.

⁵² «The New York Times», Jan. 16, 1938.

Переключаясь с другим сторонником «умиротворения» фашистских агрессоров, английским премьер-министром Невиллем Чемберленом, Гувер лицемерно пытался уверить общественное мнение в том, что «применение экономических санкций или бойкота означает первый шаг по пути к войне, а не к миру»⁵³. Сами слова «система коллективной безопасности» ненавистны Гуверу. «Я выхожу из терпения, когда слышу людей, бойко толкующих о совместных международных действиях...»⁵⁴, — заявил он.

9 февраля 1938 г. Гувер направился из Нью-Йорка в Европу. Это был его первый визит в Европу после мировой войны. Он находился в Европе около полутора месяцев и за это время посетил столицы пятнадцати европейских стран — Великобритании, Бельгии, Франции, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, Германии, Польши, прибалтийских и скандинавских стран — и имел беседы с основными руководящими деятелями этих государств. Официально он прибыл в Европу как частное лицо и корреспондентам газет заявил, что намерен «лишь смотреть и слушать»⁵⁵. Таким образом, Гувер сам признал, что одной из целей его поездки по Европе являлось собирание политической информации из первых рук. Но это была не единственная и, пожалуй, даже не главная цель его поездки. Гувер — этот специальный представитель Уолл-стрита — хотел не только сам на месте ознакомиться с политическим и экономическим положением в Европе. Он, безусловно, также стремился повлиять на руководящих деятелей европейских стран и на внешнюю политику этих стран в нужном для американских монополий направлении.

В Бельгии Гувер встретился с бельгийским королем Леопольдом II, премьер-министром Янсоном и министром иностранных дел Спааком. Во Франции он имел беседу с президентом Лебреном, в Швейцарии беседовал с президентом Польши Падеревским. В Австрии Гувер встретился с президентом Микласом и 4 марта прибыл в Прагу, а на следующий день имел двухчасовую беседу с премьер-министром Чехословакии Годжа, встречался также с президентом Бенешем и министром ино-

⁵³ «The New York Times», Jan. 16, 1938.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ «The Times», Apr. 4, 1938.

странных дел Крофта. 7 марта Гувер выехал из Праги в Берлин.

В Берлине Гувер 8 марта встретился с Гитлером и имел с ним 40-минутную беседу. Во время этой беседы присутствовали лишь посол США в Берлине Хью Вильсон и переводчик Гитлера Шмидт.

Содержание беседы Гитлера с Гувером в то время оставалось в тайне. Берлинский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» попытался, воспользовавшись тайной переговоров, представить Гувера в виде «борца за демократию», который якобы бесстрашно в лицо Гитлеру «разоблачил» нарисованную Гитлером розовую картину нацистского господства в Германии. Однако излишнее усердие корреспондента очень не понравилось как Гуверу, так и его нацистским друзьям. По сообщениям печати, «Гитлер и Гувер были крайне раздражены заграничными сообщениями о том, что их 40-минутная беседа закончилась столкновением из-за сравнения относительных достоинств нацизма и демократии. Самое большое критическое замечание о нацизме, которое позволил себе сделать Гувер, было его заявление, что он представляет те американские элементы, которые считают, что в США национальную экономику можно контролировать лишь в таких пределах, в каких можно было бы предотвратить злоупотребления. Гитлер, — по сообщениям печати, — ответил, что подобные взгляды могут быть вполне применимы в стране, столь богатой сырьем и столь свободной от врагов на своих границах, как США, но Германия не может придерживаться таких взглядов»⁵⁶. Гувер отнюдь не хотел предстать в виде «борца с нацизмом», и поэтому сообщение берлинского корреспондента «Нью-Йорк таймс» было опровергнуто близким другом Гувера, сопровождавшим его в этой поездке по Европе, Полем Смитом, редактором газеты «Сан-Франциско кроникл». А буржуазная газета Моргана «Нью-Йорк сан» 10 марта 1938 г. писала, что «как в германских официальных кругах, так и в окружении Герберта Гувера крайнее раздражение вызвала попытка представить беседу бывшего президента с Адольфом Гитлером как обвинение фашизма». Совершенно очевидно, что попытка газеты «Нью-Йорк таймс» предста-

⁵⁶ «Daily Worker» (N. Y.), March 10, 1938.

вить Гувера в виде борца против фашизма просто смехотворна, так как во всех своих выступлениях, даже публичных, Гувер на все лады расхваливал «огромные достижения» гитлеровского режима, в том числе и такое «достижение», как концентрационные лагеря.

Вечером 8 марта американский посол в Германии Хью Вильсон дал ужин в честь Гувера. На ужине с приветственной речью выступил доверенный Гитлера Ялмар Шахт. Шахт особенно превозносил Гувера за проведенный им в 1931 году мораторий на германские долги. Гувер ответил на это панегириком в честь гитлеровской Германии и ее «достижений». С похвалой отозвавшись о технических и научных достижениях современной Германии, он «выразил свое удовлетворение тем, что имел возможность в какой-то степени помочь немцам в тяжелые годы, непосредственно следовавшие за войной»⁵⁷.

9 марта Геринг дал в честь Гувера завтрак в Каринхолле, на котором шел разговор преимущественно о германском «четырёхлетнем плане», которым Гувер очень интересовался.

Этот обмен любезностями между Гувером и гитлеровскими главарями происходил в те дни, когда решались судьбы Австрии. Гувер не мог не знать о намерениях гитлеровского правительства захватить Австрию, однако он ни до захвата Австрии, ни после публично нигде не выразил своего протеста против этого акта агрессии, а, напротив, продолжал всячески превозносить «достижения» так называемого «Третьего рейха».

Интересно отметить, что во время пребывания Гувера в Германии в качестве почетного эскорта к нему был приставлен все тот же личный адъютант Гитлера капитан Видеман.

Это было не случайное совпадение. Перед отъездом из Германии Гувер сказал, что он «не намерен раскрывать никаких деталей своих бесед с европейскими государственными деятелями». 18 марта Гувер отбыл из Европы в США.

Вскоре после возвращения в Соединенные Штаты Гувер произнес речь в Риц-Карлтон-отеле на обеде, устроенном в его честь Советом по иностранным делам.

⁵⁷ «The New York Times», March 10, 1938.

Это выступление проливает яркий свет на политическую позицию Гувера и позволяет полнее судить, в каком духе велись его беседы с Гитлером, Герингом и другими фашистскими главарями. В этой речи Гувер выступил в качестве прямого покровителя и пособника немецко-фашистских агрессоров. Он заявил, что «Соединенные Штаты должны держаться вне войны и, в особенности, избегать всякого союза с демократическими странами в войне против фашистских держав».

Гувер повторил свой восторг гитлеровским режимом, заявив, что «мы не должны недооценивать его очевидные достижения». Особое восхищение Гувера вызвали действия гитлеровцев по подавлению революционного движения в Германии.

Гувер показал себя ярым противником идеи коллективной безопасности, врагом коллективного отпора фашистским агрессорам. «Если мы присоединимся к двум другим мощным демократиям — Великобритании и Франции, — сказал Гувер, — мы тем самым дадим втянуть себя в союз, направленный против Германии, Италии и всех их сателлитов».

Даже реакционная американская журналистка Анна О'Хара Мак-Кормик, комментируя эту речь Гувера на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» 2 апреля 1938 г., не могла не отметить, что «умышленно или нет, мистер Гувер, выступающий против... единых действий демократии против фашистских держав, занимает ту же позицию, что и премьер-министр Чемберлен».

Действительно, единство позиций английских правящих кругов, в частности Чемберлена, и американских монополистов, рупором которых в данном случае выступал Гувер, по вопросу поощрения германской агрессии бросается в глаза. Так же как руководители британской политики, американские монополисты тайно и явно оказывали гитлеровцам экономическую и дипломатическую помощь, «подбадривали Гитлера к захватническим действиям»⁵⁸.

Но политика, которую проповедовал представитель американских монополий Гувер, по существу ничем не отличалась от официальной внешнеполитической линии

⁵⁸ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 26.

государственного департамента, проводимой во время мюнхенского кризиса. Гувер и другие американские изоляционисты и реакционеры прекрасно понимали, что действия государственного департамента в период мюнхенского кризиса объективно имели тот же самый смысл, что и полеты Чемберлена в Германию: они лишь разжигали аппетит Гитлера, поощряя его на новые требования. Поэтому-то действия американского правительства в эти критические дни находили полное одобрение и поддержку со стороны американских монополистов.

Выступая 28 сентября 1938 г. в Канзас-сити, Гувер заявил: «Усилия нашего правительства по поддержанию мира заслуживают нашей полной поддержки»⁵⁹.

Действительно, политика президента Рузвельта и государственного секретаря Хэлла во время мюнхенского сговора была также и политикой Гувера, политикой американских монополий.

Через месяц после мюнхенского предательства 26 октября 1938 г. Гувер выступил в отеле Уолдорф-Астория на ежегодном собрании, посвященном обсуждению международных проблем, созванном по инициативе газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Здесь он окончательно проговорился об основной цели своей поездки по Европе: подтолкнуть Германию на войну против Советского Союза.

Гувер вновь безоговорочно одобрил мюнхенский сговор и ту роль, которую сыграли в достижении его Соединенные Штаты, и призвал американское правительство и в дальнейшем проводить ту же антисоветскую мюнхенскую политику, политику «терпимости к диктаторским странам Старого Света... Надо примириться, — заявил Гувер, — с тем фактом, что страны подобного рода продолжают существовать».

Гувер заявил, что США и западноевропейским странам нечего бояться германской агрессии, так как «суть современной обстановки состоит в том, что войны против западных демократий или территориальные приобретения за морями не принесут деспотиям (то есть фашистским агрессорам. — М. Б.) значительного экономического облегчения. Благоприятные возможности для

⁵⁹ «The New York Times», Sept. 29. 1938.

диктаторских стран открывает лишь *экспансия на восток* (курсив мой.—М. Б.), причем ни Германия, ни другие фашистские государства не стремятся к войне, если не будут мешать их экспансии на восток...»⁶⁰.

В этих словах Гувер с поразительным цинизмом высказал то, что боялись открыто признать Чемберлен и другие англо-французские мюнхенцы. Можно не сомневаться, что в октябре 1938 года Гувер, выражая мнение многих представителей американских монополистических кругов, лишь открыто высказал то, что он в марте этого же года говорил Гитлеру с глазу на глаз.

Позиция государственного департамента США в период мюнхенского кризиса объективно способствовала проведению мюнхенской политики правящими кругами англо-французского блока. Если государственный департамент проводил в это время мюнхенскую политику поощрения агрессоров и «канализации» фашистской агрессии на Восток, прикрываясь в то же время фразами о необходимости установления прочного мира, основанного на принципах демократии, справедливости и т. д., то Гувер, — представитель наиболее оголтелых, наиболее реакционных кругов американского империализма, одобряя в принципе внешнюю политику государственного департамента, в то же время не считал даже нужным скрывать свои истинные цели. Гувер был активным мюнхенцем: выполняя волю своих хозяев—американских монополистов, он и отправился весной 1938 года в свое турне по Европе. Как показывает ряд его позднейших выступлений, Гувер во время этой поездки не только «смотрел и слушал», но и весьма активно действовал, помогая европейским мюнхенцам готовить предательство Чехословакии и всячески поощряя Гитлера на организацию крестового похода против СССР. Руководящие круги республиканской партии во главе с Гувером, тесно связанные с американским монополистическим капиталом, таким образом, безоговорочно поддерживали мюнхенский сговор. Более того, они не только его поддерживали, но и приняли активное участие в его подготовке. Поездка Гувера в Европу является подтверждением этому.

⁶⁰ «The New York Times», Oct. 27. 1938.

Гувер был, однако, не единственным активным американским мюнхенцем. Летом и осенью 1938 года целый ряд американских бизнесменов, политиков и просто авантюристов наводнил Европу. Это были люди, порою не занимавшие никаких официальных постов, но весьма влиятельные в силу своих прямых связей с монополистическими кругами США. Среди них особенно грязную роль во время мюнхенского кризиса сыграл американский летчик, полковник Чарльз Линдберг. Линдберг был женат на дочери американского посла в Мексике Дуайта Морроу—Энн. Сестра Энн—Элизабет была замужем за одним из членов династии банкиров Морганов — Обреем Морганом. Таким образом, Линдберг был очень тесно связан с высшими капиталистическими кругами США. Будучи по своим убеждениям отъявленным фашистом, Линдберг, однако, до поры до времени скрывал свои взгляды. Летом 1938 года он развил весьма большую деятельность, перелетая из одной страны в другую, встречаясь с различными иностранными государственными деятелями, убеждал их в непобедимости германской авиации и в несокрушимости германской военной мощи.

Линдберг побывал в Англии, Польше, СССР, Чехословакии, Румынии и Франции. В своих беседах с президентом Чехословакии Бенешем, военным министром Ф. Махником и начальником генерального штаба Л. Крейчи Линдберг убеждал их, что им нечего рассчитывать на советскую помощь, что советская авиация якобы очень слаба и, наоборот, пытался уверить их в непобедимости германской авиации.

9 сентября американский посол во Франции Уильям Буллит пригласил Чарльза Линдберга и французского вице-министра авиации Ги Ла Шамбра к себе на обед на загородную виллу. Во время обеда он попросил Линдберга изложить свое мнение по поводу состояния авиации европейских держав. Линдберг сказал, что советская авиация весьма слаба и «он пришел к заключению, что германский воздушный флот сильнее воздушного флота всех других европейских стран, вместе взятых»⁶¹. «...Если бы возникла война между Германией, с одной

⁶¹ J. W. Wheeler-Bennet, Munich: Prologue to Tragedy, L., 1948, p. 99.

стороны, и Францией и Англией — с другой, она привела бы или к победе Германии или к полному истощению и опустошению Европы»⁶², — нагло заявил американский фашист Линдберг. Ги Ла Шамбр немедленно довел это заявление до сведения Даладьё и Боннэ, которым только этого и нужно было: «информация» Линдберга давала им удобный дополнительный предлог для уклонения от выполнения союзнических обязательств в отношении Чехословакии, для оправдания их предательства национальных интересов самой Франции.

Вскоре Линдберг понадобился для тех же самых целей и в Лондоне; 21 сентября американский посол в Великобритании Джозеф Кеннеди срочно вызвал его в Лондон и попросил письменно изложить свои взгляды об относительной мощи военной авиации европейских держав. Линдберг опять повторил свои измышления «о превосходстве германских воздушных сил над силами всех европейских стран, вместе взятых, включая Россию»⁶³. Кеннеди немедленно передал сообщение Линдберга Чемберлену. Понятно, что Чемберлену, так же как и Даладьё, измышления Линдберга были нужны как лишнее оправдание «необходимости» пойти на сговор с фашистскими агрессорами. «Линдберг имел задание., — говорится в письме одиннадцати советских летчиков в газету «Правда», — засвидетельствовать слабость советской авиации и дать этим Чемберлену аргумент в пользу капитуляции в Мюнхене по вопросу о Чехословакии. Наемный лжец Линдберг выполнил это задание своих господ»⁶⁴.

Так американские послы Буллит и Кеннеди с помощью «информации» Линдберга помогали англо-французским мюнхенцам подыскивать оправдания перед мировым общественным мнением своей политике сговора с фашистскими агрессорами.

Активность Линдберга не ограничилась «информацией» французского и английского правительств. Через банкира Бернарда Баруха, возвращавшегося из Европы в США, Линдберг передал свои «наблюдения» об отно-

⁶² М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, ИЛ, 1947, стр. 419, Примечание.

⁶³ J. W. Wheeler-Bennet, Munich: Prologue to Tragedy, pp. 159—160. Supplement 2.

⁶⁴ «Правда», 10 октября 1938 г.

сительной мощи военной авиации европейских держав также и президенту Рузвельту.

Но Линдберг выступал не только в роли лжеинформатора, но и в роли «советчика» англо-французских мюнхенцев. Он «посоветовал» им, «чтобы Англия и Франция... позволили Германии начать экспансию на восток, в Россию, без объявления войны»⁶⁵. Понятно, что его «советы» нашли благожелательных слушателей. Грязная деятельность Линдберга, выполнявшего роль коммивояжера гитлеровцев и Уолл-стрита, не осталась без награды. Когда после мюнхенского сговора гитлеровцы урвали все, чего они добивались, Линдберг опять приехал в Германию и из рук Геринга получил один из высших германских орденов — орден германского орла со звездой. Это было открытое признание его «заслуг» во время подготовки мюнхенского сговора. «Линдберг, — писала газета «Дейли уоркер» 13 октября 1938 г., — сыграл особенно грязную роль во время мюнхенского предательства».

Не менее подозрительную активность проявлял во время подготовки мюнхенского сговора находившийся в это время в Европе американский конгрессмен, сенатор-демократ от штата Небраска Бэрк. Бэрк — противник Рузвельта и его так называемого «нового курса»; большую часть своего пребывания в Европе Бэрк провел в Германии, где был желанным гостем гитлеровцев. Он пробыл в Германии до середины сентября 1938 года, то есть в самые кризисные дни. Находясь в Германии, Бэрк недвусмысленно давал гитлеровцам понять, что американские монополисты восхищены их успехами в борьбе с рабочим движением⁶⁶. По сообщению газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» 30 сентября 1938 г., сенатор Бэрк вернулся из Германии «полный энтузиазма в отношении гитлеризма».

Таким образом, закулисная деятельность неофициальных, но весьма влиятельных «дипломатов» сыграла

⁶⁵ М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, стр. 419, Примечание.

⁶⁶ По мнению американских публицистов Олсопа и Кинтнера, частные сообщения Линдберга и Бэка в значительной степени повлияли на то, что во время мюнхенского кризиса правительство США проводило политику «умиротворения» фашистских агрессоров (См. J. Alsop and R. Kintner, American White Paper, N. Y., 1940, p. 12).

видную роль в подготовке мюнхенскогоговора с фашистскими агрессорами.

Если бы монополисты США не финансировали тяжелую промышленность гитлеровской Германии и правящие круги Соединенных Штатов вместе с английскими и французскими не отказывались бы от коллективной безопасности, а, наоборот, организовали бы вместе с Советским Союзом коллективный отпор фашистскому агрессору, то «гитлеровская агрессия оказалась бы без достаточного вооружения. Гитлеровская захватническая политика очутилась бы в тисках режима коллективной безопасности. Шансы успешного для гитлеровцев развязывания второй мировой войны уменьшились бы до минимума. И если гитлеровцы, несмотря на эти неблагоприятные для них условия, все же решились бы развязать вторую мировую войну, они были бы разбиты в первый же год войны»⁶⁷. Следовательно, войну можно было предотвратить на основе осуществления идеи коллективной безопасности, выдвинутой СССР и поддержанной наиболее дальновидными политиками буржуазных государств. Но политика коллективной безопасности была сорвана правящими кругами западных держав. Между тем накануне второй мировой войны миролюбивые народы располагали достаточными силами и возможностями, чтобы не допустить возникновения войны. Эти возможности не были использованы прежде всего и главным образом вследствие антисоветской политики реакционных кругов, стоявших в то время у власти в западных странах. Осуществляя волю монополий, они сделали все, чтобы обезоружить народы перед лицом военной опасности и направить гитлеровскую агрессию против СССР. Вот почему американские монополисты несут огромную ответственность за развязывание гитлеровцами второй мировой войны.

⁶⁷ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 19—20.

Глава II

АНТИСОВЕТСКАЯ МЮНХЕНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

(1937—март 1938 г.)

Мюнхенский сговор правительств Англии, Франции и стоявших за их спиной США с фашистскими агрессорами отнюдь не являлся случайным эпизодом; он был естественным и закономерным этапом антисоветской внешней политики реакционных кругов этих стран, политики натравливания фашистских агрессоров на Советский Союз. Роль, которую сыграла американская дипломатия в деле подготовки мюнхенского сговора, являлась лишь продолжением и естественным развитием всей предшествующей внешней политики США.

Вся внешняя политика американского империализма на протяжении многих десятилетий носила антисоветский, антидемократический характер. На протяжении этих лет США прилагали много усилий для того, чтобы задавить Советскую Россию сначала с помощью военной интервенции, а затем — голода и блокады. США принимали самое деятельное участие в возрождении германского империализма, надеясь его руками уничтожить Советский Союз. Правящие круги, по велению монополий США, всегда стремились к тому, чтобы огнем и мечом остановить прогресс общества, утопить в потоках крови народившийся социализм, удушить революционное и национально-освободительное движение в Европе, странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Осуществлением этих задач американская дипломатия занималась и в годы, предшествовавшие мюнхенскому сговору.

В американской внешней политике в последние десятилетия ясно различались две тенденции: с одной стороны — борьба против страны социализма, против СССР, а следовательно, и поддержка антисоветских планов фашистских держав и их англо-французских пособников, с другой стороны — борьба против своих империалистических конкурентов — Германии, Японии, а также Англии. Борьба против Германии и Японии имела целью уничтожить их как конкурентов, так как агрессивные стремления этих стран серьезно угрожали империалистическим планам США. Что же касается Англии, то США стремились, с одной стороны, не дать ей сепаратно договориться с Германией, так как это шло бы вразрез с американскими интересами, а с другой — под видом помощи в борьбе с Германией, с которой у Англии также существовали острые противоречия, прибрать к рукам Британскую колониальную империю. Именно последний момент и придавал американской внешней политике некую видимость политики антимюнхенской и антифашистской. Кроме того, необходимость маскировки антисоветской, мюнхенской сущности американской внешней политики диктовалась также и соображениями внутреннего порядка: американские правящие круги прекрасно понимали, что открытая политика сговора с фашистскими агрессорами не встретит сочувствия со стороны широких масс американского народа, и поэтому они вынуждены были прикрывать эту политику всевозможными громкими фразами и пышными декларациями. На самом же деле Соединенные Штаты проводили такую же мюнхенскую политику, то есть политику сговора с фашистскими агрессорами и натравливания их на Советский Союз, как и англо-французский блок, но делали они это в завуалированной форме.

Следует отметить, что в США, вопреки лживым утверждениям буржуазных историков, в середине 30-х годов имелись уже заметные в количественном отношении демократически и антифашистски настроенные слои населения, в основном рабочих, среди которых нарастало возмущение агрессивными действиями фашистских держав в Европе и на Дальнем Востоке. Из их среды настойчиво исходило требование, чтобы правительство США совместно с другими миролюбивыми державами приняло участие в коллективном отпоре фашистским агрессорам.

4 октября 1937 г. в органе компартии США газете «Дейли уоркер» была опубликована статья председателя американской компартии Уильяма Фостера «Коллективная безопасность против изоляции», в которой он писал: «Имеется много различных признаков, указывающих на то, что существует значительное и все более растущее мнение, что США не могут просто бежать от войны, но должны что-то делать, чтобы ей помешать. Это мнение отражается в десятках недавних газетных передовых. Почти каждый известный радиокомментатор более или менее ясно выражает ту же мысль. Более того, агитация в пользу бойкота японских товаров все быстрее растет как в АФТ, так и в КПП, церковные организации высказываются в пользу того, чтобы США оказали давление на агрессоров, а ряд видных деятелей (которые обычно изображали коммунизм опаснее фашизма) указывают теперь на фашизм как на основной источник военной опасности. Помимо всего этого, у масс теперь вообще существует более дружественное отношение к СССР, как к прочному устою против империалистической Японии, и более враждебное отношение к Гитлеру, Муссолини и японским империалистам. Это новое течение в сторону политики коллективной безопасности не является доминирующим, но оно, безусловно, уже широко распространено и быстро растет»¹. Совершенно очевидно, что правящие круги США не могли не учитывать эти настроения американцев.

5 октября 1937 г. президент Рузвельт произнес в Чикаго речь. В ней Рузвельт, между прочим, сказал: «Когда распространяется эпидемия какой-либо болезни, общество одобряет и принимает участие в создании карантина для больных, чтобы защищать общественное здоровье от распространения болезни»². В этой же речи Рузвельт призывал организовать карантин против «эпидемии мирового беззакония». Он заявил также, что интересы США требуют сохранения мира на Дальнем Востоке, сотрудничества в деле создания карантина против агрессоров с другими миролюбивыми странами, заинтересованными в сохранении мира.

¹ «Daily Worker» (N. Y.), Oct. 4, 1937.

² «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt», vol. 6, N. Y., 1941, p. 410.

Чикагская речь Рузвельта о «карантине против агрессоров» получила очень широкую известность, однако она не содержала никаких практических предложений и значение ее было нарочито раздуто американской прессой и историографией. На самом деле эта речь была тонким и умным политическим ходом, с помощью которого Рузвельт хотел сразу убить нескольких зайцев. «Карантинная речь» должна была, во-первых, слегка припугнуть японских империалистов, слишком уж нагло вытеснявших в Китае своих американских конкурентов, во-вторых, имелось в виду с ее помощью успокоить демократические круги в США, которые, будучи возмущены наглыми действиями фашистских агрессоров в Европе и на Дальнем Востоке, все громче высказывались в пользу коллективного отпора агрессорам. Наконец, не последнюю роль в выборе момента для произнесения этой речи сыграл, по мнению некоторых историков, тот факт, что Рузвельту необходимо было отвлечь внимание демократической общественности от скандала, вызванного разоблачением судьи Блэка, выдвинутого при поддержке Рузвельта в состав Верховного Суда и оказавшегося впоследствии куклуксклановцем³.

Отклики на чикагскую речь Рузвельта были весьма различны. Американские монополистические круги были до некоторой степени введены в заблуждение призывом Рузвельта к коллективным действиям против агрессоров. Этот призыв исходил из соображений внутривнутриполитического порядка, и поэтому значительная часть представителей «большого бизнеса» отнеслась к нему отрицательно. Когда Рузвельту стало ясно, что его «карантинная речь» с призывом к коллективному отпору агрессорам принята неблагоприятно в кругах американских монополистов, он круто изменил свою позицию. Уже на другой день после чикагской речи, 6 октября 1937 г. Рузвельт на очередной пресс-конференции стал «разъяснять» корреспондентам чикагскую речь в том смысле, что он даже и не собирался втягивать США в активное участие в коллективном отпоре агрессорам. Отвечая на вопросы, он заявил, что не собирается отменять «закон о нейтралитете».

³ В. Rauch, *The History of the New Deal 1933—1938*, N. Y., 1940, p. 333; F. R. Sanborn, *Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941*, N. Y., 1951, p. 25.

тете», что его речь не означает, что он за экономические санкции и что «„экономические санкции“ — это вообще слишком ужасное слово для употребления»⁴. На вопрос одного из корреспондентов, является ли «карантин» санкцией, Рузвельт ответил энергичным «нет»⁵.

Итак, призыв создать «карантин против агрессоров» был заранее рассчитан лишь на то, чтобы, с одной стороны, слегка припугнуть Японию, а с другой — успокоить прогрессивные круги в США и не упустить их из-под своего влияния. Даже некоторые буржуазные историки и публицисты писали, что Рузвельт в действительности отнюдь не собирался организовывать коллективный отпор фашистским агрессорам, и его призыв создать «карантин для агрессоров» является лишь красивой фразой⁶.

В последующее время с легкой руки буржуазных публицистов и историков довольно широкое хождение получила лживая версия о том, что Рузвельт отказался проводить в жизнь положения своей чикагской речи о «карантине против агрессоров» из-за того, что якобы весь американский народ был настроен изоляционистски, и резко высказал свое мнение против участия США в коллективных мероприятиях по отпору фашистским агрессорам. При этом авторы этой версии выдают обычно тот вой, который был поднят в продажной американской прессе по поводу чикагской речи, за выражение мнения американского народа.

На самом деле широкие массы американского народа встретили «карантинную речь» Рузвельта с большим сочувствием. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграммы с выражением поддержки речи Рузвельта, полученные Белым домом. В частности, такие телеграммы были направлены Рузвельту руководительницей одиннадцати женских мирных организаций миссис Кэрри

⁴ Ch. A. Beard, *American Foreign Policy in the Making 1932—1940*, N. Y.—L., 1946, pp. 188—189.

⁵ Ibid.

⁶ Например, известный американский журналист Артур Крок, оценивая чикагскую речь Рузвельта, писал: «Рузвельт мистифицировал свой народ и людей за границей своим призывом установить карантин для нарушителей договоров» («The New York Times», Oct. 14, 1937).

Чапмэн Катт и председателем «Американской лиги борьбы против войны и фашизма» доктором Уордом⁷. Вскоре «Американская лига борьбы против войны и фашизма» выступила с призывом созвать всеамериканский конгресс в защиту мира. На этот призыв откликнулись многие организации и отдельные лица. Конгресс состоялся в городе Питтсбурге в конце ноября 1937 года. Делегаты его представляли свыше 4,5 млн. пославших их американцев, в том числе 1 млн. 600 тыс. членов профсоюзов и 1 млн. 250 тыс. членов организации «Американская лига борьбы против войны и фашизма». В своем решении конгресс выразил полную поддержку основным положениям чикагской речи Рузвельта и призвал американское правительство объединить свои усилия с другими свободолюбивыми странами для организации коллективного отпора фашистским агрессорам⁸. Поэтому утверждения, что американский народ был настроен в это время изоляционистски, против системы коллективной безопасности и что якобы лишь поэтому Рузвельт отказался от своих высказываний, являются вымышленными.

Американские правящие круги никогда по-настоящему не собирались участвовать в коллективном отпоре фашистским агрессорам, и все призывы Рузвельта о создании «карантина против агрессоров» являлись лишь громкими фразами. Никакой коллективный отпор агрессорам невозможен был без участия Советского Союза. Однако США вместе с правительствами Англии и Франции старались изолировать Советский Союз, исключить его из системы коллективной безопасности и натравить на него фашистских агрессоров. Почти в то же самое время, когда Рузвельт столь драматически призывал народы мира объединиться и создать «карантин против агрессоров», американский посол во Франции Буллит занимался антисоветскими интригами в столицах европейских стран. Находясь в ноябре 1937 года в Варшаве, Буллит убеждал польского министра иностранных дел Бека, что так как «Париж больше не ждет тех преимуществ от союза с Советским государством, как раньше», то Польше поэтому выгодно установить сейчас са-

⁷ См. «Daily Worker» (N. Y.), Oct. 7, 1937.

⁸ См. «Daily Worker» (N. Y.), Oct. 29, 1937.

мое тесное сотрудничество с Францией, направленное против СССР⁹.

Все последующие события вновь и вновь подтверждают, что действительной основой американской внешней политики была не борьба за коллективную безопасность, а поощрение фашистской агрессии, «канализация» ее в направлении на Восток, против СССР.

* * *

Мюнхенский, антидемократический характер внешней политики США в предвоенный период особенно ярко проявился в той позиции, которую США заняли по отношению к событиям в Испании¹⁰.

В феврале 1936 года в Испании на выборах в кортесы победил Народный фронт. Было создано новое республиканское правительство Асанья, составленное из представителей демократических и антифашистских партий Народного фронта. Несмотря на то что это правительство отнюдь не было революционным правительством и не думало посягать на основные капиталистические устои, реакционная испанская военщина вместе с помещиками, капиталистами и верхушкой католической церкви начала усиленно готовить военный контрреволюционный мятеж против законно избранного республиканского правительства Народного фронта. В подготовке мятежа активное участие приняли германские и итальянские фашисты. Их агентура помогла испанским фашистам подготовить силы к контрреволюционному мятежу.

С первых же дней контрреволюционного мятежа испанские фалангисты сразу же получили открытую поддержку со стороны Германии и Италии, которые под предлогом «охраны жизни и собственности» своих граждан стали отправлять мятежникам войска и самолеты. Это было начало открытой германо-итальянской интервенции в Испании.

⁹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 74.

¹⁰ По этому вопросу см. также хорошо документированную и богатую фактическим материалом статью: И. Слободянюк, Американские империалисты — пособники фашистской интервенции в Испании, «Вопросы истории», 1951 г., № 8, стр. 89—101.

Какую позицию в испанском вопросе заняли правительства Англии, Франции и США? Вместо оказания помощи законному республиканскому правительству Испании французское и английское правительства по инициативе французского премьера социал-предателя Леона Блюма провозгласили политику «невмешательства» в испанские дела, политику, которая на деле являлась прямым попустительством и пособничеством германо-итальянским интервентам. В сентябре 1936 года в Лондоне был создан Комитет по невмешательству в дела Испании в составе представителей 27 европейских стран, в том числе Англии, Франции, Германии, Италии, СССР и др. Советский Союз согласился участвовать в работе этого комитета при условии, «чтобы, во-первых, к соглашению... примкнула также и Португалия, и, во-вторых, чтобы немедленно же была прекращена помощь, оказываемая некоторыми государствами мятежникам против законного испанского правительства»¹¹.

Так как было совершенно очевидно, что без поддержки извне фашистский диктатор Франко обречен на быстрое поражение, Советское правительство считало целесообразным через посредство Комитета по невмешательству сделать попытку приостановить или, по крайней мере, свести до минимума германо-итальянскую помощь мятежникам.

Несмотря, однако, на неоднократные протесты Советского Союза, Германия и Италия при попустительстве английского, французского и американского правительств продолжали во все возрастающей степени оказывать помощь мятежникам против законного испанского правительства.

Соединенные Штаты Америки формально не входили в состав Комитета по невмешательству, однако их политика нейтралитета и изоляционизма в испанском вопросе по существу ничем не отличалась от политики попустительства и поощрения агрессии. М. И. Калинин, выступая 26 апреля 1938 г. с докладом о международном положении, прямо указывал: «От политики господствующих классов Англии мало чем по существу отличается политика господствующих классов других «великих держав».

¹¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, М., 1946, стр. 180.

Так, например, пресса, руководящие лица Соединенных Штатов Америки как будто ведут более решительную политику по отношению к агрессорам, но это лишь на словах. По существу это в значительной мере та же политика уступок и послаблений».

Антидемократическая, антисоветская направленность американской внешней политики изоляционизма, ее полная тождественность с политикой «умиротворения», то есть поощрения агрессии, особенно ярко проявилась в период борьбы испанского народа против внутренних и внешних врагов за свою свободу и национальную независимость. США, прикрываясь изоляционизмом, на самом деле содействовали удушению Испанской республики. Этот факт вынуждены признать даже некоторые бывшие члены правительства США, буржуазные историки и публицисты. Так, бывший министр американского правительства Уорберг позднее вынужден был признать, что результатом введения в действие законов о нейтралитете явилось то, что «правительство Соединенных Штатов фактически помогало делу франкистских мятежников, а тем самым помогало осуществлению планов Гитлера и Муссолини»¹².

Еще в 1935 году в США был принят «закон о нейтралитете», запрещающий экспорт оружия, боеприпасов и военного снаряжения для воюющих или для нейтральных государств, которые могли бы это вооружение передать воюющим странам. Закон 1935 года предоставлял право президенту решать вопрос, не находится ли та или иная страна в состоянии войны, если даже война ею официально и не объявлена. Понятно, что этот закон, ставивший на одну доску агрессора и жертву агрессии, отнюдь не содействовал укреплению системы коллективной безопасности, а, наоборот, фактически поощрял агрессоров.

Как определило правительство США свое отношение к гражданской войне в Испании? Уже первые выступления правительства США по некоторым вопросам, касающимся германо-итальянской интервенции в Испании, показали, что их симпатии на стороне мятежников.

¹² J. P. Warburg, Foreign Policy Begins at Home, N. Y., 1944, p. 119.

«Закон о нейтралитете» 1935 года формально не касался случая гражданской войны и Соединенные Штаты Америки имели все основания, чтобы продолжать торговать с законным испанским республиканским правительством всеми видами товаров, в том числе и вооружением. Однако, несмотря на это, с первых же дней франкистского мятежа правительство Соединенных Штатов Америки, прикрываясь своим нейтралитетом, отказалось помогать законному испанскому правительству и тем самым поощряло франкистских мятежников и их немецко-итальянских хозяев в расширении гражданской войны в Испании.

Когда 6 августа 1936 г. испанский посол в США Кальдерон запросил государственный департамент, может ли испанское правительство закупить в США некоторое количество пулеметных лент, то заместитель государственного секретаря Филипс, ссылаясь на якобы «широко распространенное в США отрицательное отношение к такому экспорту в другую страну для использования в настоящем конфликте»¹³, отказался поддержать просьбу Кальдерона. 7 августа 1936 г. Филипс направил американским дипломатическим и консульским работникам в Испании циркуляр, в котором извещал их, что американское правительство «будет скрупулезно избегать любого вмешательства в несчастную испанскую ситуацию»¹⁴, и требовал, чтобы американские граждане также придерживались этой четко выраженной американской политики.

10 августа американская компания «Глен-Мартин компани» попросила у государственного департамента разрешения на продажу Испании 8 бомбардировщиков. С одобрения Рузвельта и Хэлла Филипс дал ей отрицательный ответ¹⁵, указав, что продажа самолетов республиканской Испании «не соответствует духу государственной политики»¹⁶. 26 августа американское правительство в ответ на ноту республиканского правительства Испании об объявлении 20-километровой военной зоны вокруг некоторых испанских портов отказалось

¹³ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, N. Y., 1948, p. 478.

¹⁴ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», Wash., 1943, pp. 322—323.

¹⁵ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 478.

¹⁶ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», p. 329.

«признать такую зону без эффективной блокады»¹⁷. А так как у испанского республиканского правительства не имелось достаточного количества военных судов, чтобы противопоставить их пиратским действиям итало-германского флота и полностью блокировать порты, захваченные мятежниками, то отказ американского правительства от признания блокады на деле означал не что иное, как прямую поддержку пиратских действий итало-германских кораблей у берегов Испании.

В начале сентября 1936 года испанское правительство обратилось к президенту Мексики Карденасу с просьбой поднять перед правительством США вопрос о поставках Испании американского оружия и снаряжения. 14 сентября мексиканский посол в США Кастильо Нахера передал эту просьбу Испании государственному департаменту. Вскоре последовал американский ответ, в котором говорилось, что «в данной ситуации наше правительство заняло определенную позицию в отношении поставок оружия и вооружения в Испанию задолго до того, как мексиканское правительство подняло перед ним этот вопрос. Так как об этой позиции широко оповещалось, то она всем известна, и у нас нет намерения от нее отходить»¹⁸. 26 декабря государственный департамент объявил, что хотя существовавший в то время закон о нейтралитете и не запрещает поставок в страну, где идет гражданская война, и что хотя правительство выдало лицензию на экспорт в Бильбао 411 самолетных моторов и частей к ним на сумму более чем в 500 тыс. ф. ст., однако оно просит фирмы, обязавшиеся поставить эти заказы, не посылать их в Испанию¹⁹. Вслед за этим не замедлили последовать дальнейшие шаги, на этот раз направленные не только на моральное осуждение помощи республиканской Испании, но и на то, чтобы вообще поставить такую помощь вне закона. 29 декабря 1936 г. президент Рузвельт на пресс-конференции заявил, что, хотя «эти поставки и законны, но они непатриотичны»,²⁰ и потребовал, чтобы конгресс немедленно внес

¹⁷ А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs 1937*, vol. I, L., 1938, p. 215.

¹⁸ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 481.

¹⁹ А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs 1937*, vol. II, p. 216.

²⁰ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 490.

дополнение в закон о нейтралитете, распространив его действие также и на случай гражданской войны.

После этого заявления Рузвельта, 5 января 1937 г. сенатор Питтмэн и член палаты представителей Мак-Рейнольдс внесли одновременно в обе палаты конгресса законопроект об эмбарго на ввоз оружия в Испанию. 7 января этот законопроект уже был одобрен конгрессом, а 8 января подписан президентом и стал законом. Этот закон объявлял «незаконным экспорт оружия, снаряжения и военных материалов из любого места Соединенных Штатов или владений Соединенных Штатов в Испанию или в любое другое иностранное государство для переотправки в Испанию»²¹. Он также предусматривал отмену всех ранее выданных лицензий на отправку оружия в Испанию и грозил штрафом до 10 тыс. долл. или тюремным заключением до 5 лет, или тем и другим вместе за нарушение закона об эмбарго.

Несмотря на заявление Рузвельта на пресс-конференции о «непатриотичности» поставок оружия республиканской Испании, фирма Роберта Кьюза согласилась продать республиканскому правительству партию авиационных моторов и частей к ним. Пока законопроект об эмбарго на ввоз оружия в Испанию в спешном порядке протаскивался через конгресс, испанское правительство успело в январе погрузить на пароход «Мор Контабрико» закупленные им 411 авиационных моторов и отправить их в Испанию. Оно, однако, не успело до 8 января отправить вторую партию вооружения на сумму 900 тыс. ф. ст., лицензия на отправку которой была получена в первых числах января. Тем самым эта партия подпадала под действие закона об эмбарго и вследствие этого аннулировалась.

Американское правительство не только принимало все меры к тому, чтобы помешать экспорту оружия в республиканскую Испанию, оно дошло до того, что даже просило у фашистской Германии извинения за то, что правительство США не воспрепятствовало фирме Кьюза отправить первую партию авиационных моторов в Испанию. 31 декабря 1936 г. первый секретарь американского посольства в Берлине Ли посетил заместителя

²¹ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», pp. 353—354.

заведующего политическим отделом МИД Германии фон Эрмансдорфа и зачитал ему специальное сообщение государственного департамента, в котором выражалось «искреннее сожаление по поводу нарушения фирмой Роберта Кьюза политики невмешательства, проводимой американским правительством»²².

Американский закон об эмбарго отвечал интересам франкистских мятежников, так как он лишал республиканское правительство возможности закупать в США вооружение и военное снаряжение. В это же время Франко получал прямую помощь войсками и вооружением из Италии и Германии. Недаром он выразил президенту Рузвельту свою признательность за принятие американским конгрессом и правительством закона об эмбарго. Франко заявил: «Президент вел себя, как настоящий джентльмен. Его законодательство о нейтралитете, прекратившее экспорт военных материалов к любой из сторон, быстрота, с которой оно было принято и приведено в действие, — жест, который мы, националисты, никогда не забудем»²³. Известный американский историк Чарльз Бирд, отнюдь не отличавшийся прогрессивностью, дал уничтожающую оценку закону об эмбарго на ввоз оружия в Испанию. Он писал: «В первую очередь это был удар по испанскому республиканскому правительству, так как Германия и Италия заведомо снабжали оружием испанских фашистов, поднявших восстание против республики, и помогали им вооруженными силами. Во-вторых, закон нарушал установившийся обычай международного права, согласно которому нейтральное государство не должно менять свое законодательство после начала войны так, чтобы серьезно дискриминировать законную воюющую сторону. В-третьих, он нарушал условия мадридского договора, заключенного в 1902 году между Соединенными Штатами и Испанией. В-четвертых, он играл на руку Великобритании, которая была в то время номинально нейтральной в испанской войне, но в действительности проводила мероприятия, наносившие ущерб законному правительству Испании. В-пятых, помог ли он существенно

²² «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. III, Wash., 1950, p. 198.

²³ «Foreign Policy Report», Nov. 15, 1937, p. 211.

или нет поражению республиканского правительства в Испании, но за ним последовала победа фалангистских и фашистских мятежников в этой стране и установление диктатуры Франсиско Франко, которому президент Рузвельт пожаловал официальное признание с быстротой, которая кажется поразительной, если учесть его заявления о приверженности к демократическим принципам»²⁴.

Американское правительство сделало все необходимое для того, чтобы воспрепятствовать американским гражданам принять участие в гражданской войне на стороне республиканской Испании. Например, в январе 1937 года американский генеральный консул в Барселоне сообщал государственному департаменту, что в Барселоне находится 76 американских граждан, желающих вступить в войска республиканской Испании, и спрашивал, как ему быть в данном случае. Заместитель государственного секретаря немедленно по телеграфу потребовал от консула «запретить этим гражданам вступать в иностранные войска и довести до их сведения о тех наказаниях, которым они за это могут подвергнуться». Генеральному консулу предлагалось также обратить внимание американских граждан на «непатриотичность их поступка, противоречащего американской правительственной политике»²⁵. В марте 1937 года американское правительство отказалось выдать паспорта медицинским работникам, отправлявшимся в Испанию²⁶.

1 мая 1937 г. американский конгресс принял новый «закон о нейтралитете», несколько измененный по сравнению с законом, принятым в 1935 году. Закон 1937 года значительно расширял права президента в сравнении с теми правами, которые имел президент по закону от 1935 года. Он, в частности, позволял президенту наложить эмбарго не только на вывоз оружия, но и на вывоз всех других товаров, имеющих военное значение. Конгресс утвердил так называемый план «кэш энд кэри»

²⁴ Ch. A. Beard, *American Foreign Policy in the Making 1932—1940*, p. 181.

²⁵ A. Toynbee, *A Survey of International Affairs 1937*, vol. II, 1938, p. 216.

²⁶ См. R. Bendiner, *The Riddle of the Department*, New York—Toronto, p. 58.

(плати и увози.—М. Б.), согласно которому все невоенные товары иностранцы могли покупать только за наличный расчет и увозить не на американских судах. Последний пункт особенно сильно ударял по интересам республиканской Испании, так как она имела небольшой торговый флот и, кроме того, ее торговые корабли подвергались бандитским нападениям германо-итальянских подводных лодок.

Американская дипломатия, помимо удушения республиканской Испании при помощи отказа экспортировать оружие и военные материалы, занималась также и непосредственным поощрением германо-итальянской интервенции против испанского народа. 31 мая 1937 г. республиканская авиация совершила налет на захваченный мятежниками остров Ивиса, во время которого слегка пострадал незаконно находившийся в водах Испании немецкий карманный линкор «Дейчланд». Придравшись к случаю, германское правительство дало приказ линкору «Дейчланд» в виде репрессии бомбардировать с моря беззащитный испанский город Альмерию, превратив его в груды развалин. Во время этой варварской бомбардировки в городе погибло много гражданского населения. Вместо того чтобы заявить самый резкий протест германскому правительству по поводу этой дикой и варварской бомбардировки мирного испанского города, государственный секретарь Хэлл в тот же день принял германского посла в США Дикгофа и выразил ему свое сердечное сожаление по поводу случившегося. Дикгоф пишет: «Хэлл закончил беседу дружественным заявлением, сделанным в несколько туманной форме, о том, что, как полагает Хэлл, Германия будет по-прежнему делать все возможное для поддержания мира»²⁷. (Это после варварской бомбардировки Альмерии!—М. Б.). На другой день после беседы Хэлла с Дикгофом состоялась беседа по поводу инцидента с «Дейчландом» германского военного атташе в США генерал-лейтенанта Беттихера с руководящими представителями американской армии и флота, во время которой Беттихер изложил заведомо лживую германскую интерпретацию инцидента. По словам Беттихера, «хорошо информированное лицо

²⁷ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. III, p. 302.

из Генерального штаба (США. — М. Б.) рассказало ему по секрету, что имеются сообщения о чрезвычайно трудном положении Красного правительства и тяжелой обстановке в Красной Испании»²⁸. Это была уже прямая передача американцами фашистской Германии секретной информации, направленной против интересов республиканской Испании. Причем следует отметить, что это был не единственный случай подобного рода. Заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес, который позднее лицемерно критиковал американскую позицию в испанском вопросе, в сентябре 1937 года имел частную беседу на борту парохода «Европа» с германским послом в США Дикгофом. Во время этой беседы Уэллес, делясь с Дикгофом своими впечатлениями от встреч с французскими государственными деятелями, сказал ему: «Что касается испанского вопроса, то Шотан (тогдашний французский премьер. — М. Б.) в особенности настойчивым образом заверял его (Уэллеса. — М. Б.) в том, что две западные державы готовы прийти к соглашению с Франко, если они получают заверения, что статус-кво испанской территории (поскольку это касается континентальной Испании, островов и африканских владений) будет сохранен»²⁹. Понятно, что после получения такой «конфиденциальной информации» Германия и Италия еще более нагло и бесцеремонно продолжали интервенцию в Испании.

Шумную кампанию в поддержку франкистских мятежников развернула в США реакционная пресса. Особенно усердствовали в пропаганде «успехов» фашистских мятежников корреспондент агентства Юнайтед Пресс Рейнольдс Паккард и корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Вильям Корней, которые за это заслужили специальную благодарность одного из руководителей франкистской службы пропаганды в США Арнеля Варгеса³⁰.

Нельзя думать, что американское общественное мнение безразлично относилось к событиям в Испании. Целый ряд общественных организаций и отдельных деятелей в США выступали против мятежников. С первых

²⁸ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. III, p. 304.

²⁹ *Ibid.*, p. 276.

³⁰ См. «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 20, 1937.

же дней франкистского мятежа в Испании, в США и других странах прогрессивные круги проводили широкую кампанию помощи республиканской Испании. За период с мая 1937 года по март 1939 года в США различными общественными организациями было собрано в фонд республиканской Испании свыше 2,5 млн. долл.³¹ За это же время из США в Испанию в интернациональную бригаду уехало свыше 3 тыс. добровольцев³². Американское правительство чинило всевозможные препятствия в интернациональной солидарности американских трудящихся с республиканской Испанией. Всем организациям, занимавшимся сбором средств для Испании, было предложено зарегистрироваться в государственном департаменте³³, против них была развернута травля.

Однако никакими ухищрениями нельзя было подавить симпатий простых американцев к героическому испанскому народу.

Основной задачей прогрессивных сил США в это время было добиться отмены эмбарго на ввоз оружия в республиканскую Испанию. Этого требовали многие американские организации и отдельные лица в письмах, петициях, в выступлениях на митингах. В декабре 1937 года Комитет по международному праву Национальной гильдии юристов США опубликовал специальный доклад, критиковавший эмбарго на ввоз оружия в Испанию. В докладе сказано, что американский закон об эмбарго нарушает основы международного права. Весной 1938 года 60 членов американского конгресса направили членам испанских кортесов приветственную телеграмму, выражавшую восхищение героической борьбой испанского народа за свободу и демократию³⁴. В апреле 1938 года 61 епископ методистской и епископальной церкви США обратился к руководству католической церкви в Америке с призывом заявить испанским мятежникам протест по поводу бомбардировок открытых городов и гражданского населения³⁵. 29 марта 1938 г. коми-

³¹ См. А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs* 1936, L., 1938, p. 589.

³² Ibid.

³³ «Press Releases», May 8, 1937, pp. 309—310.

³⁴ См. А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs* 1936, pp. 589—590.

³⁵ Ibid., p. 590.

теты юристов различных штатов направили Рузвельту письмо за подписью более чем 200 членов комитетов с протестом против эмбарго на ввоз оружия в Испанию. В апреле 1938 года Национальная гильдия юристов абсолютным большинством проголосовала за отмену эмбарго³⁶.

7 апреля 92 видных американских общественных деятеля—члены организации «Друзья испанской демократии» обратились к Рузвельту с призывом снять эмбарго³⁷. В начале 1939 года 30 тыс. американских студентов устроили забастовку протеста против эмбарго на ввоз оружия в Испанию. 18 ученых—членов Американской национальной академии наук, в том числе два лауреата Нобелевской премии, написали Рузвельту открытое письмо с требованием снять эмбарго³⁸.

В начале 1938 года возмущение общественности США неприкрытой германо-итальянской интервенцией в Испании стало настолько значительным, что даже известный изоляционист сенатор Най в марте этого года внес в конгресс законопроект, требовавший распространения эмбарго на ввоз оружия также на Италию и Германию, как на воюющие стороны в испанской войне.

Однако, несмотря на возмущение американской общественности политикой поощрения итало-германской интервенции в Испании, проводимой государственным департаментом, силы реакции США от монополистов до реакционных католических кругов были заинтересованы в продолжении итало-германской интервенции и в удушении Испанской республики. Влияние этих сил было решающим для определения американской внешней политики, и они воспрепятствовали распространению закона об эмбарго на Италию и Германию.

Американские фирмы продолжали вести бойкую торговлю оружием с Германией и Италией, наживая на этом большие барыши. Это оружие грузилось на немецкие и итальянские корабли, переотправлялось из Германии и Италии франкистским мятежникам. Экспорт американского оружия в Германию и Италию резко

³⁶ А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs 1937*, p. 591.

³⁷ См. «Daily Worker» (N. Y.), Apr. 8, 1938.

³⁸ См. А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs 1936*, p. 593.

возрос после начала войны в Испании. За первые шесть месяцев итало-немецкой интервенции в Испании экспорт американского оружия в гитлеровскую Германию достиг суммы в 400 тыс. долл., а в фашистскую Италию — 500 тыс. долл. В 1937 году закупки немцами и итальянцами американского оружия продолжали возрастать: в сентябре 1937 года немецкие закупки возросли по сравнению с январем в 2 раза, а итальянские уже в апреле превысили январские закупки в 5 раз. Франкистская Испания получала американское оружие также и через так называемые нейтральные страны: в феврале 1937 года Португалия, например, закупила в США оружия на 220 тыс. долл., Англия — на 610 тыс. долл., Голландия в январе 1937 года закупила американского оружия на 1058 тыс. долл.³⁹ Американские государственные деятели открыто признавали, что это оружие через «нейтральные» страны попадало непосредственно Франко⁴⁰. Президент Рузвельт, выступая 21 апреля на пресс-конференции, признал, что франкистские самолеты сбрасывали на Барселону бомбы, изготовленные в США. Однако он пытался оправдать продажу оружия Германии и Италии лицемерными рассуждениями о том, что «если это были бомбы американского производства, то они были проданы американскими промышленниками в Германию, то есть иначе говоря: или германскому правительству, что является вполне законным делом, или германским компаниям, что также совершенно законно; они были отправлены в Германию и уже оттуда переправлены к Франко»⁴¹. «Законная» продажа немецко-итальянским интервентам американских бомб для убийства испанских женщин, стариков и детей — вот к чему сводился на деле американский «нейтралитет».

На позицию США в вопросе об эмбарго большое влияние оказала политика фиктивного «невмешательства», которая проводилась Англией и Францией в период гражданской войны в Испании. Политика США, Англии и Франции в испанском вопросе была единой,

³⁹ См. «Вопросы истории», 1951 г., № 8, стр. 93.

⁴⁰ См., например, заявление Рузвельта на пресс-конференции корреспондентам агентства Ассошиэйтед Чёрч Пресс («The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt», vol. 6, pp. 252—253).

⁴¹ Ibid., p. 286.

хотя США формально и не являлись членом «Комитета по невмешательству». Еще в конце 1937 года государственный секретарь Хэлл запросил английское правительство о его мнении насчет наложения эмбарго на вывоз оружия в Германию и Италию. Министр иностранных дел Англии Иден ответил Хэллу, что «наложение эмбарго на Германию и Италию будет по меньшей мере преждевременным и осложнит задачу Англии»⁴².

Когда сенатор Най внес свой законопроект о распространении закона об эмбарго на Италию и Германию в сенат, то руководители госдепартамента постарались его провалить еще в сенатской комиссии по иностранным делам.

Позднее Хэлл в своих мемуарах, объясняя причины отклонения законопроекта сенатора Ная, лицемерно утверждал, что руководители американской внешней политики, отклоняя законопроект Ная, исходили исключительно из соображений укрепления позиций Англии и Франции в их «сопротивлении» фашистским агрессорам. Хэлл пишет, например, что «применение эмбарго и других ограничений «закона о нейтралитете» к Италии и Германии едва ли произвело бы на эти страны смягчающий эффект, наоборот, могло бы серьезно затруднить примирительные усилия Великобритании и Франции, увеличив тем самым вероятность всеобщей войны. «Наши отношения с Великобританией и Францией улучшились, — продолжает Хэлл, — благодаря нашему сотрудничеству с ними во время испанской войны. Они бы серьезно ухудшились, а страны «оси» от этого могли выиграть, если бы мы действовали по-другому»⁴³. Однако все эти лицемерные объяснения не могут никого ввести в заблуждение. Правящие круги США отказались от наложения эмбарго на ввоз оружия в Италию и Германию потому, что, с одной стороны, это нарушило бы коммерческие интересы американских торговцев оружием и, с другой стороны, могло бы содействовать борьбе испанских республиканцев, которые для американских монополистов являлись революционерами, то есть их классовыми врагами.

⁴² «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 512.

⁴³ *Ibid.*, p. 517.

Несмотря на то что политика американского правительства в испанском вопросе вызывала критику среди все более широких слоев американского народа, государственный департамент по-прежнему продолжал проводить все ту же политику «невмешательства», то есть политику поощрения итало-германской интервенции.

Сенатор Най и член палаты представителей Скотт, отражая настроения широких кругов американской общественности, внесли в феврале 1938 года в конгресс законопроект, предлагавший отменить эмбарго на ввоз оружия в республиканскую Испанию и оставить этот закон в силе в отношении только франкистских мятежников. Хэлл от имени правительства отказался пересматривать вопрос об отмене эмбарго, заявив при этом, что «гораздо полезнее было бы пересмотреть закон под более широким углом зрения в свете практического опыта, полученного нами в течение последних двух-трех лет, чем переписывать его по частям в отношении частных случаев. Очевидно, что сейчас, когда нынешняя сессия конгресса подходит к концу, для изучения данного вопроса времени недостаточно»⁴⁴. Так Хэллу удалось, под предлогом необходимости более широкого и детального изучения вопроса о снятии эмбарго на вывоз оружия в Испанию, оттянуть обсуждение этого жизненно важного для Испанской республики вопроса до январской сессии 1939 года, когда фалангисты во главе с Франко и в тесном союзе с фашистскими Италией и Германией при помощи правящих кругов Англии, США и Франции установили в Испании фашистский режим. Оттяжка пересмотра в конгрессе законопроекта об эмбарго была на пользу исключительно Франко и его итало-германским покровителям. Вот что писал по этому поводу в Берлин германский посол в США Дикгоф: «По рекомендации Хэлла, сенатская комиссия по иностранным делам с необычайной поспешностью (17 голосов против 1) отложила рассмотрение резолюции Ная на неопределенное время. Судьба резолюции была, таким образом, решена. Эти события показывают, что американское правительство по-прежнему не намерено пред-

⁴⁴ «Documents on American Foreign Relations», vol. I, Boston, 1939, pp. 551—552.

принимать шаги, которые могли бы быть выгодны лишь правительству Красной Испании»⁴⁵.

Конгресс США и государственный департамент, таким образом, в испанском вопросе действовали в полном согласии с англо-французскими политиками «невмешательства», помогая им душить Испанскую республику.

Председатель компартии США Уильям Фостер назвал роль США в испанской гражданской войне «позорной страницей в американской истории». «Ни одно действие капиталистических правительств Англии, Франции или США, — пишет он, — не сделало больше для поражения республиканцев, чем эмбарго Рузвельта против испанского республиканского правительства»⁴⁶.

Даже некоторые буржуазные политические деятели вынуждены были признать, что внешняя политика США в испанском вопросе была политикой поощрения испанских фаalangистов и их итало-германских покровителей. Известный американский политический деятель Джеймс Уорберг, близко стоявший к Рузвельту, писал: «Роль, сыгранная США в испанской гражданской войне, является черной главой в нашей истории не только потому, что она была антиморальна, но и потому, что она была глупа»⁴⁷. Политика американского правительства в отношении республиканской Испании полностью соответствовала классовым интересам американских правящих кругов, которые всегда считали своими врагами не фашистские разбойничьи режимы, а подлинно народные, демократические; в соответствии со своими классовыми интересами правящие круги США и строили внешнюю политику.

* * *

На внешнюю политику США в предмюнхенский период наибольший отпечаток накладывали два фактора: с одной стороны, классовая ненависть американских монополистов к стране социализма — Советскому Союзу, в силу чего Соединенные Штаты Америки принимали участие в антисоветских комбинациях, шли на поощ-

⁴⁵ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. III, p. 657.

⁴⁶ W. Z. Foster, *Roosevelt Heads for War*, N. Y., 1940, p. 5.

⁴⁷ J. P. Warburg, *Foreign Policy Begins at Home*, p. 118.

рение агрессивных планов фашистских государств против СССР, и, с другой стороны, стремление побороть своих главных империалистических конкурентов — Германию и Японию, а также ослабить позиции других империалистических держав, в первую очередь Англии. В отличие от фашистских стран США стремились разрешить вторую задачу по возможности мирными средствами, надеясь на свою экономическую мощь, однако они также готовы были драться за свои империалистические позиции с оружием в руках. Германский дипломат Томсен резонно писал, что США отнюдь не пристало кичиться альтруистическими побуждениями своей внешней политики, что «никак нельзя проходить мимо того факта, что Соединенные Штаты укрепили свое положение и достигли величия с помощью той же самой неразборчивой в средствах политики силы.., за которую теперь ее лидеры считают возможным упрекать правителей Германии»⁴⁸.

Американские правящие круги, конечно, не были противниками сговора Англии и Франции со странами «оси», сговора, направленного против СССР, но лишь при одном условии: чтобы этот сговор с германо-итальянскими агрессорами состоялся с помощью и под руководством США, в то время как англо-французский блок стремился добиться того же самого, но без помощи и без участия США. Это было одно из частных проявлений англо-американских империалистических противоречий. Несмотря на это отличие, внешняя политика США в этот период принципиально ничем не отличалась от мюнхенской антисоветской внешней политики англо-французского блока. На это, в частности, очень правильно указывает американский историк Бендинер: «Умиротворение, — пишет Бендинер, — хотя и никогда не проводимое столь крикливо американским правительством, как это делалось правительствами Англии и Франции, тем не менее красной нитью проходит через весь лабиринт нашей внешней политики. Оно снабжало бензином самолеты, которые во имя фашистской «культуры» жгли Эфиопию, и лишало бензина республиканскую Испанию. Оно поддерживало миф о том, что с Гитлером можно иметь дело за столом конференции, и охотно поддерживало

⁴⁸ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 729.

проекты отделения Муссолини от «оси» даже после того, как война уже началась. Оно признало и вело дела с Виши, но свысока относилось к движению свободных французов, если просто не отталкивало их. И оно снабдило неистовую Японию всем необходимым для устройства бойни в Пирл-Харборе»⁴⁹.

Классовая ненависть американских монополистов к Советскому Союзу и стремление избавиться от своих империалистических конкурентов и занять господствующее положение в мире породили американские планы созыва различных международных конференций под эгидой США, но без СССР, а также и американский вариант мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами — план созыва в Вашингтоне конференции пяти держав: США, Англии, Франции, Германии и Италии.

К середине 30-х годов американский империализм, несколько оправившись после тяжелейшего кризиса 1929—1933 годов, стал все более активно претендовать на руководящую роль в международных делах, на роль всемирного арбитра. По мнению американских монополистов, «право» на эту роль давала им все возрастающая экономическая мощь США. Несмотря на то что вторая половина 30-х годов была временем, когда американский изоляционизм получил свое наиболее полное законодательное оформление в актах конгресса, именно в это время в кругах американских монополистов все более укреплялась идея о том, что США должны занять в мире главенствующее положение и низвести всех своих конкурентов на роль второстепенных держав. Вначале речь шла только о завоевании Соединенными Штатами Америки господствующего положения в мировой экономике. Отражая эти настроения американских монополистических кругов, государственный секретарь Хэлл в декабре 1936 года в речи в Буэнос-Айресе выдвинул идею созыва международной конференции для урегулирования экономических и политических проблем. Суть этой «американской экономической программы мира» сводилась к предоставлению доступа для всех стран к источникам сырья и рынкам сбыта на основе разных возможностей, что было в первую очередь выгодно США с их огромной экономической мощью. Осуществление

⁴⁹ R. Bendiner, *The Riddle of the State Department*, p. 6.

этой программы позволило бы США занять господствующее положение в мировой экономике. Не удивительно поэтому, что другие капиталистические державы прилагали усилия к тому, чтобы провалить эту «экономическую программу».

Как указывал Хэлл, Рузвельт уже давно вынашивал идею пригласить глав европейских держав встретиться с ним за круглым столом в море, на борту линкора или крейсера, чтобы выработать с ними основы прочного мира⁵⁰. В течение 1937 года Рузвельт и Хэлл пытались выяснить отношения различных держав к своей «экономической программе». В частности, Рузвельт пытался узнать по этому поводу мнение Муссолини⁵¹. Затрагивался этот вопрос также и во время одной из бесед посла США в СССР Джозефа Дэвиса с Шахтом, причем Шахт поставил условием участия Германии в такой конференции возвращение ей бывших колоний⁵².

Наряду с планами установления доминирующей роли США в экономической области некоторые представители американского монополистического капитала начали также подумывать и об установлении господства США в области международной политики. Несмотря на то что официально изоляционизм продолжал оставаться основой американской внешней политики вплоть до ноября 1939 года — даты отмены закона об эмбарго на вывоз оружия в воюющие страны, — это не помешало государственному департаменту уже в 1937 и 1938 годах предпринять ряд шагов, направленных на то, чтобы добиться сговора между англо-французским блоком и германо-итальянской «осью» на условиях, выработанных США. Соединенные Штаты явно стремились изолировать СССР, содействовать созданию единого антисоветского фронта империалистических держав во главе с Соединенными Штатами и получить возможность играть в европейских делах роль невидимого, но верховного арбитра. Свои подлинные замыслы американские империалисты, как обычно, прикрывали ложными рассуждениями о «гуманистических» побуждениях, направленных якобы на поддержание и упрочение всеобщего мира.

⁵⁰ См. «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 547.

⁵¹ Ibid.

⁵² W. D o d d, Ambassador Dodd's Diary 1933—1938, N. Y., 1941, pp. 380, 387.

В середине 1937 года Рузвельт в разговоре с послом США в Советском Союзе Джозефом Дэвисом развивал, например, следующий план «смягчения» отношений между европейскими державами: «Решением может явиться соглашение европейских держав о сокращении вооружений в пределах, — говорил Рузвельт, — необходимых для чисто оборонительных целей, путем устранения самолетов, танков и тяжелого вооружения и об ограничении вооружения такими видами, которые человек может нести на себе, и дополненное соглашением между странами о соответствующем полицейском наблюдении какой-либо нейтральной страны за выполнением этого плана»⁵³.

Известно, что Советское правительство на протяжении многих лет упорно и неуклонно боролось за проведение в жизнь идеи сокращения вооружений и даже полного всеобщего разоружения. Поэтому оно готово было приветствовать всех искренних сторонников разоружения и сокращения вооружений.

Однако, к сожалению, в предложении Рузвельта самое главное заключалось именно во второй его части. Нетрудно понять, что под «какой-либо нейтральной страной» подразумевались Соединенные Штаты, которым отводилась роль полицейского, наблюдающего за выполнением плана сокращения вооружений, то есть роль верховного арбитра в европейских делах. Таким образом, это был план установления мирового господства США под видом осуществления плана всеобщего сокращения вооружений.

Планы установления господствующего положения США в международных отношениях нашли свое наиболее полное выражение в меморандуме Самнера Уэллеса, представленном им Рузвельту в октябре 1937 года. Уэллес предлагал следующее: 11 ноября 1937 г., в день годовщины окончания первой мировой войны, Рузвельт устроит в Вашингтоне прием для дипломатического корпуса, во время которого произнесет речь с призывом ко всем правительствам присоединиться к сформулированным им основам международного поведения и изложит принцип для выработки плана всеобщего мирного соглашения, а именно: сокращение вооружений и уста-

⁵³ J. E. Davies, *Mission to Moscow*, N. Y., 1943, p. 139.

новление «экономической безопасности, стабильности и благополучия всех стран на основе равных возможностей». Если правительства других стран выразят свое согласие с этими принципами, то американское правительство созвет в США рабочий комитет из представителей десяти стран для разработки условий всеобщего соглашения, которые затем будут представлены другим державам. Предполагалось, что в комитет войдут США, представители южноамериканских государств, стран Ближнего Востока и европейских держав, не вовлеченных уже непосредственно в главные конфликты⁵⁴. Из рабочего комитета, таким образом, автоматически исключались главнейшие капиталистические державы Европы и Япония как «непосредственно вовлеченные в главные конфликты». По этой же причине исключался Советский Союз, имевший договор о взаимопомощи с Францией, и полновластным хозяином в рабочем комитете, таким образом, оставалась Америка. Совершенно очевидно, что при таком составе рабочего комитета условия «всеобщего мирного соглашения», которые этот комитет должен был выработать, от начала и до конца были бы продиктованы Соединенными Штатами. Осуществление плана Уэллеса сулило США значительные преимущества: они становились бы мировым арбитром и получали возможность диктовать свою волю другим державам, в частности они брали под свой контроль англо-германские отношения и таким образом получали возможность всегда притуплять некоторую антиамериканскую направленность всех попыток англо-германского сближения. Если соглашение США, Англии и Франции с Германией и Италией на условиях, выработанных под диктовку США в рабочем комитете, окажется невозможным, то Германия и Италия будут все равно изолированы и двустороннее англо-германское соглашение будет сорвано, к чему, собственно, и стремились США. Кроме того, США надеялись навязать другим странам свою «экономическую программу мира», то есть программу установления американского мирового господства в экономической области.

⁵⁴ См. S. Welles, *The Time for Decision*, N. Y., 1944, p. 66. Об этом плане см. также Viscount Templewood (Sir Samuel Hoare), *Nine Troubled Years*, L., 1954, pp. 269—275.

Даже если бы план Уэллеса постигла неудача, американское правительство ничего не проиграло бы, так как отказ стран «оси» от участия в этой конференции вел, по мысли Уэллеса, к их международной изоляции, к обострению внутреннего положения в этих странах.

По словам Хэлла, Рузвельт был «совершенно захвачен этим проектом». Однако план Уэллеса встретил отпор со стороны Хэлла, который считал «нечестным и неразумным» выступать с таким проектом без предварительной консультации с английским и французским правительствами, так как этот план в период переговоров Англии и Франции с Германией и Италией мог поставить их в затруднительное положение. «Они в этот момент, — пишет Хэлл, — были заняты деликатными переговорами с Германией и Италией, пытаюсь поддержать жизнь и деятельность комитета по невмешательству в дела Испании, и обрушить на них столь честолюбивый план без предупреждения значило бы создать для них серьезные трудности»⁵⁵. Хэлл посоветовал Рузвельту сначала проконсультироваться с английским и французским правительствами, как они отнесутся к подобному плану. Рузвельт согласился с мнением Хэлла и отложил исполнение плана Уэллеса до января следующего года.

11 января 1938 г. Рузвельт, по совету Хэлла, направил Чемберлену конфиденциальное письмо, в котором предлагал созвать в Вашингтоне конференцию представителей правительств некоторых важнейших европейских стран для обсуждения «причин существующих разногласий». В предполагаемой конференции должны были принять участие представители США, Англии, Франции, Германии и Италии, и она должна была проходить под председательством американского представителя. На этой конференции «представители Великобритании, Франции, Германии и Италии, — пишет американский историк Сэнборн, — должны были обсудить возможности достижения общего урегулирования всех их разногласий»⁵⁶. Советский Союз в числе приглашенных стран не упоминался. Рузвельт просил Чемберлена

⁵⁵ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 548.

⁵⁶ F. Sanborn, Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941, p. 33.

дать ответ на план созыва конференции до 17 января, причем в случае положительного ответа он предлагал обратиться с аналогичными письмами к правительствам Франции, Германии и Италии. Английский посол в Вашингтоне Линдсей, например, расценил этот план как «обязательство США, хотя и до некоторой степени пробное, поддерживать британскую политику в Европе»⁵⁷, то есть поддерживать политику сговора с фашистскими агрессорами и натравливания их на Советский Союз. Таким образом, идея созыва в Вашингтоне конференции пяти держав — этот измененный вариант плана Уэллеса — был планом сговора США, Англии, Франции, Германии и Италии без СССР, а следовательно, и против СССР. По существу это была идея создания единого антисоветского фронта империалистических держав для организации крестового похода против СССР. Однако из-за острейших внутриимпериалистических противоречий этот план потерпел крах, как терпели многие подобные ему планы до него и после него.

В тот же день, 11 января 1938 г., британский посол в Вашингтоне Линдсей направил своему правительству в Лондон письмо, в котором специально подчеркивал, что США придают этому плану очень большое значение и что отказ Великобритании от поддержки его поведет к тому, что «прогресс, достигнутый в англо-американских отношениях за последние два года, будет разрушен»⁵⁸.

13 января Чемберлен прислал официальный ответ на это предложение, указав, что американский план противоречит усилиям Англии в «деле умиротворения Германии и Италии». Чемберлен писал, что идея созыва конференции пяти держав в Вашингтоне принесет выгоду только странам «оси», так как такая конференция замедлит обсуждение специальных вопросов, касающихся отношений между Англией и Францией, с одной стороны, и странами «оси» — с другой, и что, кроме того, Германия и Италия воспользуются такой конференцией, чтобы поднять ряд общих вопросов и выдвинуть дополнительные требования сравнительно с теми, которые они выставят при прямых переговорах между ними и

⁵⁷ F. Sanborn, *Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941*, p. 33.

⁵⁸ S. Welles, *The Time for Decision*, pp. 66—67.

Англией и Францией. В конце своего письма Чемберлен сообщил Рузвельту, что Великобритания готовится признать захват Италией Абиссинии, если итальянское правительство даст доказательства «желания содействовать восстановлению доверия и дружественных отношений». Чемберлен писал, что он сообщает об этом Рузвельту, чтобы тот мог сам судить, что проектируемая конференция в Вашингтоне идет вразрез с усилиями английского правительства по «умиротворению» стран «оси». «Не будет ли более разумно, — заканчивал Чемберлен свое письмо, — отложить осуществление американского плана?»⁵⁹.

Американцы, предлагая свой план созыва конференции пяти держав в Вашингтоне, хотели взять дело сговора Англии и Франции с фашистскими агрессорами в свои руки, поставить отношения Англии и Франции со странами «оси» под контроль США и навязать им американскую экономическую программу. К этому сводилась суть американской идеи созыва конференции. Чемберлен прекрасно понял смысл американского предложения и, отражая интересы английских монополистических кругов, отнюдь не желавших уступать свои позиции США и становиться их младшими партнерами, ответил отказом на предложение США. 17 января вернулся из отпуска министр иностранных дел Иден и, узнав о переписке Рузвельта с Чемберленом, поспешил через британского посла в Вашингтоне Линдсея смягчить эффект отрицательного ответа Чемберлена.

В тот же день Рузвельт направил Чемберлену новое письмо, в котором соглашался отложить проведение в жизнь своего проекта созыва конференции в Вашингтоне, пока не выяснится, каких успехов достигнет Англия в прямых переговорах с Германией и Италией. Он писал, что считает намерение Чемберлена признать захват Абиссинии в настоящее время несвоевременным, так как оно будет плохо расценено американским общественным мнением и, кроме того, подтолкнет Японию на новые требования к Китаю. Однако на самом деле он возражал против признания захвата Италией Абиссинии потому, что не хотел, чтобы одна Великобритания извлекла выгоды из этого признания. «Признание захвата Абис-

⁵⁹ S. Welles, The Time for Decision, p. 66.

синии, которое в соответствующее время могло бы считаться совершившимся фактом, — писал Рузвельт, — является, мне кажется, делом, касающимся всех стран, связанных принципом непризнания»⁶⁰. В тот же день Хэлл принял Линдсея. Во время беседы Хэлл, в частности, выразил Линдсею неудовольствие американского правительства не самим фактом желая Великобритании признать захват и порабощение фашистской Италией независимого государства Абиссинии, члена Лиги Наций, а «лишь несвоевременностью» этого намерения британского правительства. «Политика непризнания, — заявил Хэлл, — имеет свои неудобства, но урегулирование этих вопросов необходимо отложить на будущее»⁶¹.

Спустя несколько дней, 21 января Чемберлен под давлением Идена изменил свою позицию и направил Рузвельту новое письмо, в котором он на этот раз приветствовал инициативу Рузвельта и выражал согласие содействовать успеху плана по созыву конференции. Однако он указывал Рузвельту, что предложенная им процедура, предусматривающая обсуждение только экономических уступок странам «оси», обречена на провал, так как «никакие экономические уступки сами по себе недостаточны для удовлетворения держав „оси“». Тем не менее Чемберлен выражал свою твердую уверенность, что с помощью политических уступок эти страны можно будет привлечь к сотрудничеству как в политической, так и в экономической области. Именно поэтому он считал необходимым поторопиться с признанием захвата Абиссинии. По мнению Чемберлена, если Англия не признает захвата Абиссинии, то Италия будет рассматривать это как доказательство нежелания Англии достигнуть общего соглашения с Италией по вопросам Средиземного и Красного морей. «Существующая напряженность будет до крайности усилена, — писал Чемберлен, — и всеобщее соглашение станет невозможным»⁶².

Для англичан было ясно, что на предлагаемой конференции в Вашингтоне американцы обязательно предложат всем участникам принять американскую «экономическую программу мира», которая существенно за-

⁶⁰ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 574.

⁶¹ S. Welles, The Time for Decision, p. 67.

⁶² W. Churchill, The Second World War, vol. I, L., 1948, p. 198.

трагивала английские экономические интересы, и в частности грозила подорвать британскую систему имперских преференций. Кроме того, любая английская уступка Германии в экономической области, сделанная на конференции в Вашингтоне, должна была автоматически распространяться и на других участников, в том числе и на США. По мнению правящих кругов Англии, за соглашение с Германией при посредничестве США Англии пришлось бы платить более высокую цену, чем при сепаратном соглашении. Поэтому Чемберлен в письме от 21 января, согласившись в принципе с планом созыва в Вашингтоне конференции пяти держав, в то же время попытался оттянуть ее созыв, поставив предварительным условием, чтобы США оказали моральную поддержку Англии добиться урегулирования политических проблем с Италией и Германией. В частности, он просил Рузвельта одобрить сделку насчет Абиссинии. После урегулирования этих проблем Чемберлен обещал Рузвельту помочь склонить Гитлера и Муссолини к участию в задуманной конференции. С помощью этого маневра Чемберлен добивался моральной и дипломатической поддержки США в своей деятельности по «умиротворению» фашистских агрессоров за счет направления агрессии на Восток, против СССР. Чемберлен стремился к тому, чтобы оттянуть созыв конференции в надежде, что она вообще не состоится. Рузвельт согласился с предложениями Чемберлена относительно конференции, с предложениями, которые фактически сводили на нет весь американский план.

Таким образом, план созыва в Вашингтоне конференции пяти держав — этот американский вариант сговора с фашистскими агрессорами — потерпел неудачу из-за сопротивления англичан, из-за наличия острых англо-американских империалистических противоречий.

Началась усиленная подготовка англо-французского варианта плана сговора с фашистскими государствами, который и был в сентябре 1938 года осуществлен в Мюнхене. От американского он отличался лишь тем, что в данном случае США действовали не открыто, а завуалированно, но от этого антисоветская направленность его не уменьшилась.

22 января 1938 г. в беседе с британским послом Линдсеем заместитель государственного секретаря Самнер

Уэллес сказал ему: «Президент рассматривает признание (захвата Италией Абиссинии. — М. Б.) как неприятную пилюлю, которую они оба (Рузвельт и Чемберлен. — М. Б.) должны проглотить, и он желал бы, чтобы они оба проглотили ее одновременно»⁶³.

Получив одобрение американского правительства своей деятельностью по умиротворению фашистских агрессоров, Чемберлен ускоренными темпами повел переговоры об англо-итальянском соглашении. От имени своих правительств вели переговоры итальянский министр иностранных дел Чиано и британский посол в Риме лорд Перт.

Они начались 22 февраля и закончились подписанием договора 16 апреля. Переговоры в Риме вращались вокруг четырех основных вопросов: Италия добивалась признания де-юре Абиссинии в качестве итальянской колонии, Англия требовала прекращения Италией антибританской пропаганды в арабских странах, сокращения численности итальянских войск в Ливии и вывода итальянских «добровольцев» из Испании. В вопросе об Абиссинии Англия полностью пошла навстречу итальянским требованиям, но взамен этого по другим вопросам ничего реального не получила. Сокращение численности войск в Ливии не имело большого значения, так как Италия всегда могла легко перебросить туда нужное количество войск; обещание воздерживаться от пропаганды в арабских странах и раньше давалось Италией и всегда преспокойно нарушалось ею. Что касается вывода итальянских войск из Испании, то Италия дала согласие на «пропорциональную» эвакуацию иностранных «добровольцев», но в то же время срок эвакуации не был зафиксирован и тем самым вывод итальянских «добровольцев» откладывался на неопределенное время. Не дождавшись даже вступления соглашения в силу, Англия поспешила выполнить взятое на себя обязательство в отношении Абиссинии: 9 апреля она обратилась в секретариат Лиги Наций с просьбой включить в повестку майской сессии Совета Лиги Наций абиссинский вопрос в целях его разрешения в духе англо-итальянского соглашения.

⁶³ W. Churchill, The Second World War, vol. I, p. 198.

14 апреля американский посол в Англии Кеннеди прислал из Лондона личное письмо Галифакса американскому правительству, в котором Галифакс писал, что англо-итальянское соглашение находится накануне подписания и Чемберлен и он надеются на то, что президент согласится с ними в отношении оценки соглашения как определенного «вклада в дело общего умиротворения»; если президент придерживается одинаковых с ними взглядов и сочтет возможным как-либо публично выразить свое одобрение как самого соглашения, так и принципов, на основе которых оно базируется, то нет нужды говорить о том, как Чемберлен и Галифакс были бы ему благодарны»⁶⁴.

По указанию Рузвельта, Уэллес составил текст заявления с одобрением соглашения. Как пишет Хэлл, Рузвельт и Уэллес считали, что «Англия находится на высоте своего положения и заслуживает моральной поддержки»⁶⁵. 16 апреля англо-итальянское соглашение было подписано, а 19 апреля Рузвельт сделал представителям прессы заявление, в котором говорилось, что «американское правительство с благожелательным интересом смотрит на заключение этого соглашения, так как оно является доказательством ценности мирных переговоров»⁶⁶.

Открытое одобрение Рузвельтом мюнхенской политики Чемберлена, в частности одобрение им признания Англией итальянского захвата Абиссинии, явилось серьезной помощью Чемберлену в проведении им политики «умиротворения» фашистских агрессоров и натравливания их на СССР. Заявление Рузвельта показало фашистским агрессорам, что правительство США занимает ту же позицию в отношении их агрессивных планов, что и правительства Англии и Франции. Подобное заявление не только не содействовало прекращению агрессии фашистских государств, но, наоборот, лишь поощряло их на дальнейшие агрессивные акты, делало их еще более наглыми и самоуверенными.

Интересна оценка заявления Рузвельта об англо-итальянском соглашении, данная английским реакци-

⁶⁴ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 581.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ «Documents on American Foreign Relations», vol. I, p. 276.

онным историком Тойнби. Он пишет: «Англо-итальянское соглашение 1938 года показалось американцам наглым возвратом к эпохе бесстыдных колониальных сделок. В этих условиях было актом политического мужества со стороны Рузвельта понять необходимость сотрудничества с Англией в интересах умиротворения и выразить одобрение новому договору, как бы это одобрение ни расценивалось»⁶⁷. По словам Тойнби, заявление Рузвельта от 19 апреля «помогло Чемберлену, как это несомненно и было рассчитано, протащить англо-итальянское соглашение через палату общин»⁶⁸.

Неудача с американским планом «экономической программы мира» не остановила американское правительство; оно продолжало проводить свою мюнхенскую внешнюю политику с той только разницей, что вместо того, чтобы взять на себя инициативу сговора с фашистскими агрессорами, оно предоставило эту сомнительную «честь» правительствам Англии и Франции, а само предпочло действовать за их спиной, весьма активно помогая им подталкивать фашистских агрессоров на новые авантюры, на войну против СССР.

* * *

Мюнхенский, антисоветский характер внешней политики США ярко проявился также в первые месяцы 1938 года, во время подготовки Германии к захвату Австрии. В вопросе о захвате Германией Австрии американское правительство заняло по существу такую же позицию, как и правительства Англии и Франции, позицию сговора с Гитлером об удовлетворении его захватнических appetitов за счет третьих стран.

Как теперь стало известно из опубликованных документов, английские государственные деятели и дипломаты в течение всего 1937 года не раз давали понять Гитлеру, что Англия не будет возражать против захвата им Австрии, при условии, что это произойдет «путем мирной эволюции» и что в обмен за это Германия будет проводить свою агрессию лишь в восточном направлении.

⁶⁷ А. Тойнбее, *A Survey of International Affairs 1937*, vol. I, L., 1941, p. 599.

⁶⁸ *Ibid.*

В июне 1937 года в Британском институте международных отношений выступил с речью лорд Лотиан, который заявил, что удел народов Восточной Европы войти в «политическую и экономическую орбиту Германии». Летом этого же года отъявленный мюнхенец Невилль Гендерсон, назначенный послом в Германию, по пути в Берлин имел в Вене беседу с фон Папеном, во время которой в отношении австрийской проблемы он заявил, что «он уверен, что Англия полностью понимает историческую необходимость... разрешения этой проблемы в великогерманском духе». Когда Папен пожаловался ему, что британский посланник в Вене Уолфорд Сэлби настаивает перед Лондоном на необходимости поддерживать независимость Австрии, то Гендерсон заявил: «Я придерживаюсь совершенно иного мнения и уверен, что моя точка зрения возьмет в Лондоне верх, только Вы не должны слишком торопиться с разрешением этой проблемы. Это вопрос, который касается больше Франции, чем нас, и нам потребуется время для того, чтобы исправить (?! — М. Б.) французскую позицию»⁶⁹.

Гендерсон оказался прав; его точка зрения, точка зрения клайвденской клики действительно взяла в Лондоне верх: английские правящие круги вопреки национальным интересам Англии отказались от своих торжественных гарантий независимости Австрии и выдали ее фашистской Германии. В ноябре 1937 года в Берлине состоялась беседа члена английского кабинета лорда—хранителя печати Галифакса с Гитлером, во время которой Галифакс в качестве официального лица развивал перед Гитлером те же самые идеи, которые несколько раньше выдвинул лорд Лотиан. Галифакс дал Гитлеру совершенно ясно понять, что английское правительство не будет возражать против захвата Германией Австрии, Чехословакии и Данцига. «Англия заинтересована лишь в том, — говорил Галифакс, — чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали

⁶⁹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 428.

бы ни фюрер, ни другие страны»⁷⁰. После ноябрьского визита лорда Галифакса в Берлин в 1937 году для Гитлера стало вполне ясно, что «Англия не будет вмешиваться, если Германия оккупирует Австрию и что она убедит Францию не оказывать Австрии помощь»⁷¹, — писал в июле 1938 года венский корреспондент газеты «Чикаго дэйли ньюс».

За визитом Галифакса в Берлин последовал целый ряд других действий британского правительства в пользу фашистской Германии. В ряде секретных бесед с гитлеровскими главарями и публичных заявлений британские министры Иден, Саймон, посол в Германии Гендерсон, а также премьер-министр Чемберлен неоднократно заверяли гитлеровцев, что они не возражают против захвата Германией Австрии «без применения насильственных средств», в обмен за это они требовали от гитлеровцев, чтобы те ускорили агрессию против Советского Союза. Во время беседы Гендерсона с Гитлером, состоявшейся 3 марта 1938 г., за неделю до аншлюса, последний вновь дал понять Гитлеру — и это вынужден признать даже такой апологет политики «умиротворения» агрессоров, как английский историк Уилер-Беннет, — что Великобритания «умывает руки в деле Австрии» при условии, что в результате этого будет достигнуто «разумное решение разумными средствами»⁷².

Первоначально французская позиция в австрийском вопросе несколько отличалась от позиции Англии, так как захват Германией Австрии более непосредственно затрагивал Францию, чем Англию, создавая угрозу французской системе союзов со странами Малой Антанты и ее позициям на юго-востоке Европы. Именно стремлением укрепить свои пошатнувшиеся позиции на юго-востоке Европы объясняется появление инспирированного Францией плана чехословацкого премьер-министра Годжа о включении Австрии в состав Малой Антанты. Этим же объясняется и поездка в конце 1937 года

⁷⁰ «Документы и материалы кануна второй мировой войны. Из Архива Министерства Иностранных дел Германии», т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 35—36. (В дальнейшем: «Документы и материалы кануна второй мировой войны...»).

⁷¹ См. «Foreign Affairs», 1938, July, p. 597.

⁷² J. W. Wheeler-Bennet, Munich: Prologue to Tragedy, p. 24.

французского министра иностранных дел Ивон Дельбоса в столицы стран Восточной и Юго-Восточной Европы, которая, однако, не дала положительных результатов. Но уже к концу 1937 года под давлением Англии, которой удалось «исправить» французскую позицию в австрийском вопросе, Ивон Дельбос во время беседы с немецким корреспондентом Зибургом дал ему понять, а через него и германской дипломатии, что у Франции нет серьезных возражений против «дальнейшей ассимиляции некоторых внутренних австрийских учреждений с германскими»⁷³. Это означало, что Франция не будет препятствовать активизации гитлеровцев в Австрии. Еще более откровенно высказались Шотан и Бонне в декабре 1937 года во время их беседы с фон Папеном. Они фактически уже в то время дали согласие не только на захват Австрии, но и на расчленение Чехословакии⁷⁴. Наконец, в том же духе высказывался и Фландэн во время бесед с Герингом, Геббельсом и Шахтом при посещении им Германии в декабре 1937 года⁷⁵.

Таким образом, правящие круги Англии и Франции не оказывали никакого сопротивления гитлеровским планам захвата Австрии. Они рассчитывали, что в благодарность за это гитлеровцы направят свою дальнейшую агрессию на Восток, против СССР.

Позиция США также сыграла весьма большую роль в деле поощрения гитлеровской агрессии против Австрии, а затем и Чехословакии. Американское правительство еще с 1935 года было осведомлено об агрессивных планах Германии в отношении Австрии. Сразу после своего приезда в Вену в качестве нового германского посла фон Папен заявил во время беседы американскому посланнику в Австрии Мессерсмит, что вся Юго-Восточная Европа до границы Турции — это «естественный хинтерланд» Германии и что его миссией является содействовать установлению германского экономического и политического контроля над этим районом. «Совершенно спокойно и прямо он сказал, — пишет Мессерсмит, — что первым шагом будет установление контроля над Австрией. Он определенно заявил, что находит-

⁷³ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 89.

⁷⁴ Ibid., p. 103.

⁷⁵ См. P. E. Flandin, *Politique Française 1919—1940*, P., 1947.

ся в Австрии для подрыва и ослабления австрийского правительства и для того, чтобы работать в направлении ослабления правительств в других странах к юго-востоку...»⁷⁶. Фон Папен сказал Мессерсмит, что германское правительство «полно решимости достичь своей цели установления контроля над Юго-Восточной Европой и ничто не может его остановить»⁷⁷. Мессерсмит в показаниях, данных на Нюрнбергском процессе, рассказывал, что не только фон Папен, а и другие гитлеровские главари, такие как Геринг, Геббельс, Лей, Фрик, Дарре, в беседе с ним совершенно откровенно заявляли, что гитлеровская Германия будет соблюдать свои международные обязательства лишь до тех пор, пока это ей выгодно⁷⁸. В ноябре 1937 года состоялись беседы американского посла во Франции Уильяма Буллита с Шахтом и Герингом. Как Шахт, так и Геринг заявили Буллиту, что «Германия полна решимости аннексировать Австрию»⁷⁹. Геринг, кроме того, добавил, что «не может быть никакого окончательного решения судето-немецкого вопроса, кроме включения Судет в состав рейха»⁸⁰.

Следовательно, для американской дипломатии еще задолго до захвата Австрии Германией был совершенно ясен агрессивный характер внешней политики гитлеровской Германии. Государственный секретарь Хэлл в беседе с канадским посланником в Вашингтоне в сентябре 1938 года откровенно признал, что «с августа прошлого года... я исходил из того положения, что Германия... намеревается стать доминирующим колоссом в центральной Европе»⁸¹. И несмотря на то, что американское правительство знало агрессивные планы гитлеровцев, оно не сделало ни одного серьезного шага, чтобы помешать фашистской агрессии. Вместо того чтобы занять твердую позицию по отношению к германской агрессии в Европе, включиться в борьбу за создание системы коллективной безопасности по обузданию фашистских агрессоров, которую вел Советский Союз, амери-

⁷⁶ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, Wash., 1946, p. 456.

⁷⁷ Ibid., p. 459.

⁷⁸ Ibid., p. 478.

⁷⁹ Ibid., p. 481.

⁸⁰ Ibid., p. 478.

⁸¹ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», p. 424.

канское правительство проводило по существу ту же антисоветскую, мюнхенскую политику «подбадривания» фашистских держав, что и англо-французский блок. Американский государственный департамент неоднократно выступал с такими заявлениями, которые нельзя расценить иначе, как прямое поощрение агрессии. Так, 8 февраля 1938 г. Хэлл направил сенатору Питтмэну открытое письмо по поводу проекта резолюции сенатора Джонсона, в котором писал, что «США не имеют никакой договоренности или соглашения с Великобританией по вопросу о войне, нет также соглашения использовать американский военный флот совместно с флотом других наций» и что «американский флот не будет патрулировать какую-либо часть океана»⁸². Через два дня, 10 февраля 1938 г., в ответе на письмо члена палаты представителей Ладлоу, который сделал запрос, предполагает ли правительство использовать вновь построенные военные корабли только для защиты владений США или также и для сотрудничества с флотами других держав в любой части света, Хэлл вновь подчеркнул, что «в нашей внешней политике нет никакого расположения или намерения ввязываться в войну»⁸³. Подобные заявления государственного секретаря США в те дни, когда всему миру было очевидно, что Германия усиленно готовилась к насильственному захвату Австрии, объективно являлись не чем иным, как поощрением гитлеровской Германии проводить без всяких опасений свою политику агрессии.

6 марта 1938 г., буквально за несколько дней до захвата Австрии гитлеровцами, в США по радио выступил сенатор Лафоллет с призывом не вести борьбу с фашистскими агрессорами, не участвовать в системе коллективной безопасности, а, наоборот, торговать со всеми странами, извлекая из этого наибольшие прибыли. Лафоллет сказал: «Мы не сможем спасти мир и демократию ни путем организации священного крестового похода, ни путем создания железного кольца вокруг Германии, Италии и Японии, чтобы заморозить статус-кво, ни, наконец, блейфуя больше, чем сами диктаторы... Нам не нужно выбирать между коллективными

⁸² См. «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, pp. 574—575.

⁸³ Ibid., p. 574.

карательными действиями как средством поддержания нашей внешней торговли и политикой полной изоляции и отказа от внешней торговли. Я считаю, что, установив дружественные отношения со всеми странами, мы сможем выгодно вести нашу внешнюю торговлю»⁸⁴. Свою речь сенатор Лафоллет закончил призывом «оказывать сопротивление нашему участию (т. е. участию США. — М. Б.) в коллективных карательных действиях, независимо от того, будут ли они в форме экономических санкций или военных»⁸⁵.

Здесь уместно вспомнить определение сущности политики «невмешательства», данное И. В. Сталиным на XVIII съезде партии. «Формально, — говорил И. В. Сталин, — политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»⁸⁶. Эти слова попадают не в бровь, а в глаз всем сторонникам так называемого «невмешательства», американским и европейским «умиротворителям» вроде сенатора Лафоллета. Именно политика европейских и американских мюнхенцев, направленная на развязывание войны в Европе, политика подталкивания фашистских агрессоров

⁸⁴ «Congressional Record», 1938, vol. 83, p. 4074.

⁸⁵ Ibid., p. 4075.

⁸⁶ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1952, стр. 609—610.

на войну с Советским Союзом и развязала Гитлеру руки, сделала его таким наглым и самоуверенным.

12 марта 1938 г. Гитлер захватил Австрию, не встретив при этом никакого противодействия со стороны Англии и Франции. Как отнеслись американские правящие круги к насильственному захвату немецкими нацистами австрийской республики? 9 марта, еще до захвата Австрии, когда в государственный департамент только поступили сведения о том, что канцлер Австрии Шушниг собирается провести плебисцит, «известие об этом было встречено (в США. — М. Б.) с неприятным чувством и даже с раздражением, — пишет германский посол в США Дикгоф. — В государственном департаменте после первоначального удивления высказывалось мнение, что этот шаг едва ли будет для Шушнига удачен — „этот парень напрашивается на неприятность”»⁸⁷. Ни одна из видных буржуазных газет не выражала удовольствия по поводу предстоящего плебисцита или надежды на то, что таким путем можно решить австрийскую проблему. Газета «Нью-Йорк таймс», близкая к правительственным кругам, наоборот, писала, что предполагаемый плебисцит — «это трюк и фарс»⁸⁸. По словам Дикгофа, «возбуждение в национал-социалистических кругах в Австрии и напряженный интерес, который проявляют к этим событиям в рейхе... находит здесь (в США. — М. Б.) широкое понимание. А когда после полудня 11 марта здесь стало известно, что Шушниг отказался от проведения плебисцита и подал в отставку, то это рассматривается здесь как вполне логическое развитие событий»⁸⁹. В самые критические дни 9—11 марта решительная позиция США в австрийском вопросе могла бы серьезно повлиять на действия «умиротворителей» Англии и Франции, заставить их занять более твердую позицию, что вынудило бы Германию сильно призадуматься, прежде чем решиться на захват Австрии. Однако государственный департамент и американская пресса не только не выразили возмущения агрессивным действиям Германии, но, наоборот, неодно-

⁸⁷ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 516.

⁸⁸ «The New York Times», March 10, 1938.

⁸⁹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 616.

кратно выражали свое «полное понимание германской позиции», что являлось для Германии, конечно, прямым поощрением к дальнейшим агрессивным действиям.

Сообщения о том, что гитлеровский агент Зейс-Инкварт стал канцлером, что он попросил присылки в Австрию германских войск и даже сообщение о вступлении германских войск на австрийскую территорию и о появлении эскадрилий немецких самолетов над Веной были встречены, по словам Дикгофа, «с совершенным спокойствием и в основном беспристрастно»⁹⁰. Когда Дикгоф зашел в государственный департамент к Хэллу 12 марта, он застал его читающим обращение Гитлера к австрийцам. Хэлл, по словам Дикгофа, «не проявил никаких признаков раздражения и не выразил никакой критики или даже неодобрения»⁹¹. И Дикгоф делает вывод: «Из нескольких заданных им вопросов было очевидно, что Хэлл полностью понимает наши действия»⁹².

В тот же день Хэлл сделал представителям прессы специальное заявление о положении в Австрии, в котором, в частности, указывал, что «США ничего не собираются предпринимать в связи с этим». «Ничего не случилось, что могло бы вовлечь США в войну», — добавил Хэлл, и далее он поспешил опровергнуть слухи о том, что якобы американское правительство через своего посла в Берлине Хью Вильсона пыталось убедить германское правительство в необходимости придерживаться более умеренного курса в австрийском вопросе⁹³.

Хэлл признал, что «большинство австрийцев настроено против германской программы и эти настроения проявились бы во время плебисцита»⁹⁴, однако американское правительство считает, что захват Австрии Германией «не противоречит договору и обязательствам Парижского пакта (пакта Бриана—Келлога.—М. Б.)»⁹⁵.

При выходе из государственного департамента Дикгоф вкратце изложил представителям прессы суть его

⁹⁰ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 616.

⁹¹ Ibid.

⁹² Ibid., p. 583.

⁹³ См. «The New York Times», March 12, 1938.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ «The United States in World Affairs 1937, 1938», ed. by W. H. Shephardson and W. O. Scroggs, N. Y., 1938, p. 45.

беседы с Хэллом и, в частности, сказал, что австрийский посланник в Вашингтоне уже вывесил на здании своей миссии фашистский флаг со свастикой. Все репортеры поспешили к австрийской миссии, чтобы убедиться в этом своими глазами. Вечерние газеты вышли со снимками австрийской миссии с развевающимся над ней флагом со свастикой, а также напечатали почти целиком заявление Дикгофа с благожелательными комментариями⁹⁶.

В дни захвата Австрии Германией целый ряд американских конгрессменов выступили с речами и заявлениями по радио, в которых они призывали американское правительство продолжать проводить политику «невмешательства», то есть не мешать фашистским агрессорам творить свои черные дела, и старались уверить американский народ в том, что агрессивные действия фашистских стран не касаются США.

12 марта в Кливленде, Огайо, по радио выступил член палаты представителей махровый реакционер Мартин Суини. Стремясь обмануть своих слушателей, Суини заявил, что участие США в коллективных действиях против агрессоров якобы «угрожает демократическим свободам в США»⁹⁷.

13 марта с большой речью по радио и с заявлением для прессы выступил известный изоляционист сенатор Бора, который сказал: «...Если вы начнете изучать это событие (захват Австрии.—М. Б.) с подписания Версальского договора, то все то, что случилось с Австрией, предстанет естественным, логичным и неизбежным, и это событие никоим образом не должно касаться правительства Соединенных Штатов»⁹⁸.

В тот же день, 13 марта, речь по радио по вопросу о захвате Австрии Германией произнес другой американский сенатор Швелленбах, который заявил: «Мы не можем отрицать, что Гитлер является фюрером Европы... По всей вероятности, после захвата Австрии он устремится в Чехословакию, Румынию, Венгрию и затем на Украину. События в наши дни совершаются очень

⁹⁶ См. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I. p. 616.

⁹⁷ «Congressional Record», 1938, vol. 83, p. 6454.

⁹⁸ А. Тоунбее, A Survey of International Affairs 1937, vol. I, 1938, p. 594.

быстро...». Свое выступление Швелленбах закончил следующими словами: «Неотвратимые законы... позаботятся о Европе. Нам же нужно хранить американскую демократию и заботиться о своих собственных делах»⁹⁹.

Понятно, что выступления сенаторов Бора, Швелленбаха и члена палаты представителей Суини нельзя было рассматривать иначе, как прямой призыв к фашистским агрессорам продолжать творить свои разбойничьи дела, причем Швелленбах даже совершенно недвусмысленно указывал гитлеровцам, в каком направлении и против кого им нужно развивать свою агрессию, если они хотят рассчитывать на благожелательный «нейтралитет» со стороны США.

14 марта тон американской прессы в отношении аншлюса несколько изменился. Газета «Нью-Йорк таймс» в передовой статье 14 марта 1938 г. писала: «Глубоко беспокоящим фактом для всей Европы является не сам аншлюс, это в конце концов неизбежно. Всех волнует другое, что аншлюс был достигнут с помощью грубой силы...»¹⁰⁰. В тот же день состоялась беседа Хэлла с Дикгофом, во время которой Дикгоф вручил Хэллу германскую ноту с уведомлением о включении Австрии в Германский рейх. Как пишет Дикгоф, Хэлл избегал всякого разговора об Австрии.

Таким образом, если до аншлюса и в первые дни после него государственный департамент и ведущие буржуазные газеты США выступали с открытым одобрением насильственного захвата Германией Австрии, то в последующие дни произошло некоторое изменение американской тактики по этому вопросу. Госдепартамент, не выражая против самого факта лишения государственной самостоятельности независимого государства — Австрии, однако, лицемерно выражал свое неудовольствие слишком грубой, насильственной формой, в которой произошел этот захват.

Целый ряд причин способствовал изменению отношений госдепартамента и американской прессы к аншлюсу. В первую очередь необходимо отметить, что, несмотря на то, что крупная буржуазная пресса выражала одобрение

⁹⁹ «Congressional Record», 1938, vol. 83, p. 4599.

¹⁰⁰ «The New York Times», March 14, 1938.

аншлюсу, это отнюдь не являлось мнением простых американцев, которые были возмущены беспримерным по наглости агрессивным актом фашистской Германии. Это возмущение нашло свое отражение в целом ряде писем в газеты и петиций на имя президента¹⁰¹. Так, например, даже такая далеко не левая организация, как «Всемирное содружество по достижению международной дружбы с помощью церкви», 15 марта направила Рузвельту и Хэллу телеграммы с призывом применить к Германии доктрину непризнания аннексии Австрии. Понятно, что такой искусный политик, как Рузвельт, не мог в какой-то степени не считаться с общественным мнением. Кроме того, по мнению Дикгофа, Рузвельт стремился использовать захват Австрии Германией для того, чтобы отвлечь внимание общественности «от неприятных внутренних экономических и политических условий» и, представив в самых мрачных тонах международную обстановку, под благовидным предлогом «угрозы войны» провести в конгрессе закон о строительстве большого военного флота¹⁰². Наконец, изменение тона госдепартамента и американской прессы объясняется также тем, что у США в Австрии имелись значительные экономические интересы, в частности Австрия была должна США 26 млн. долл. Помимо этих государственных долгов, отдельные австрийские капиталистические объединения и компании были должны американским капиталистам также весьма солидную сумму в 35 млн. долл.¹⁰³ Государственный департамент поэтому стремился с помощью более резкого тона выторговать у Германии определенные уступки в экономических вопросах. Однако изменение тона американской прессы и «благородное возмущение», которое выражалось по поводу насильственного захвата Австрии Германией, не смогли ввести в заблуждение германскую дипломатию, которая отчетливо понимала, что «возмущение государственного департамента.., естественно, никоим образом не меняет того факта, что воссоединение Австрии с Германией рассмат-

¹⁰¹ См. А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs* 1937, vol. I, 1938, p. 596.

¹⁰² «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 616.

¹⁰³ «Congressional Record», 1938, vol. 83, p. 4988.

ривается здесь (в США. — М. Б.) как свершившийся факт, который надо признать»¹⁰⁴.

Уже 19 марта, то есть на седьмой день после захвата Германией Австрии, американская миссия в Вене была преобразована в генеральное консульство, что явилось со стороны США признанием захвата Австрии де-факто. Вскоре тон американской прессы в отношении Германии стал опять спокойным. Этому тону способствовало, во-первых, то, что Англия и Франция уже в конце марта официально признали захват Австрии Германией, и, во-вторых, то, что австрийский кардинал Инницер оказал Гитлеру полную поддержку, а за ним и вся католическая иерархия в США также выступила в поддержку этого агрессивного акта, что, конечно, не могло не оказать своего влияния и на государственный департамент.

28 марта 1938 г. сенатор Бора вновь произнес по радио речь о внешней политике США, в которой, в частности, опять высказал свое благожелательное отношение к захвату Германией Австрии, всячески его оправдывая. Он заявил: «Австрия всегда была независимой страной только по названию... В экономическом, финансовом и политическом отношении она была беспомощна. Неизбежно какая-нибудь сильная держава должна была распространить свою власть на эту территорию, расположенную в самом центре Европы. Если бы Гитлер даже остался возчиком угля в своей родной деревне, Австрия и Германия рано или поздно все равно бы воссоединились... Конечно, очень неприятно и грустно видеть, как некогда великая держава — владение Марии-Терезии — перешла под власть другой державы. Но если начать изучать события с момента подписания Версальского договора, тогда случай с Австрией покажется естественным, логическим, неизбежным событием, которое никоим образом не должно касаться правительства Соединенных Штатов»¹⁰⁵. Далее Бора в своей речи опять обрушивался на принцип коллективной безопасности, на сотрудничество с другими странами в деле организации коллективного отпора фашистским агрессорам, заявил, что «если мы будем сотрудничать с Французской респуб-

¹⁰⁴ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 602.

¹⁰⁵ «Congressional Record», 1938, vol. 83, p. 5701.

ликой против Германии, то согласимся ли мы сотрудничать с Россией, близким союзником Франции?»¹⁰⁶. В конце своей речи сенатор Бора сказал, что США не следует мешать фашистским агрессорам творить свои черные дела, не следует вмешиваться в споры и в войны, которые не касаются США, в противном случае «трудно даже предусмотреть те несчастья, которые могут от этого произойти для нашей правительственной системы»¹⁰⁷.

Подобные выступления также немало способствовали тому, что правительство США окончательно признало захват Австрии Германией; признание этого факта де-юре последовало в ноте от 6 апреля 1938 г.

Так западные «демократии» — Англия, Франция и США — не только спокойно наблюдали, как фашистская Германия оккупировала независимую страну — Австрию и поработила австрийский народ, но всячески, как прямо, так и косвенно, поощряли германскую агрессию.

В результате захвата Австрии гитлеровской Германией в первую очередь пострадали интересы Англии и Франции. Давая Гитлеру согласие на захват Австрии и «подбадривая» его на этот акт, англо-французские правящие круги и стоявшие за их спиной монополисты США шли даже на некоторое ущемление национальных интересов своих стран, лишь бы в дальнейшем направить германскую агрессию на Восток, против Советского Союза.

Только один Советский Союз до совершения агрессивного акта Германией и после этого занимал твердую и последовательную позицию защиты независимости австрийского народа, активно отстаивал идею коллективной безопасности и призывал другие державы дать коллективный отпор агрессорам.

Через несколько дней после насильственного присоединения Австрии к Германии 17 марта 1938 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов сделал специальное заявление представителям советской и иностранной прессы, в котором изложил точку зрения Советского правительства относительно международной ситуа-

¹⁰⁶ «Congressional Record», 1938, vol. 83, pp. 5702—5703.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 5703.

ции, сложившейся в результате новых актов агрессии в Европе.

М. М. Литвинов подчеркнул, что внешняя политика СССР — политика мира — хорошо всем известна и неизменна. «Советское правительство... — заявил нарком иностранных дел, — предостерегало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев. События международной жизни, к сожалению, подтверждают правильность этих предостережений. Новое подтверждение они получили в совершенном военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

...На этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза пока территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное поражение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии»¹⁰⁸.

Далее М. М. Литвинов заявил, что в создавшейся международной обстановке Советское правительство по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях по оказанию отпора агрессорам.

Однако великие державы не пожелали откликнуться на этот благородный призыв Советского Союза. Вместо этого правительства Англии, Франции и США предпочли идти по своему старому пути — пути поощрения фашистских агрессоров, пути «подбадривания» их на новые военные авантюры. Они уже готовились выдать Гитлеру новую очередную жертву — Чехословакию, требуя от него, в качестве платы за это предательство, направить германскую агрессию против Советского Союза. Правительством США в период, предшествовавший Мюнхену, проводило по существу такую же антисоветскую внешнюю поли-

¹⁰⁸ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 343.

тику, как и правительства Англии и Франции, лишь более умело маскируя ее пышной псевдодемократической фразеологией. Оно помогало душить Испанскую республику, разрабатывало подробные планы достижения сговора с фашистскими агрессорами и изоляции Советского Союза, оно поощряло Германию на захват Австрии и всячески подбадривало ее на войну против СССР. Позорная роль США, которую они сыграли в подготовке мюнхенского сговора, была, таким образом, продолжением и дальнейшим естественным развитием всей предшествующей внешней политики США.

Глава III

УЧАСТИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОДГОТОВКЕ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА С ФАШИСТСКИМИ АГРЕССОРАМИ

(апрель — середина сентября 1938 г.)

Во внешней политике США в период с апреля по сентябрь 1938 года нашли отражение те же самые противоречия, которые были характерны для нее и в предыдущее время. С одной стороны, существовало давление прогрессивного общественного мнения как внутри страны, так и в других странах, требовавшего, чтобы США приняли участие в коллективном отпоре миролюбивых держав фашистским агрессорам. Поэтому для успокоения общественного мнения государственные деятели США произносили пышные, но туманные речи о борьбе с носителями «международного беззакония». С другой стороны, американские правящие круги, охваченные классовой ненавистью к Советскому Союзу, стремились сделать все от них зависящее, чтобы направить германскую агрессию на Восток, против СССР. Именно поэтому они всячески поощряли англо-французские планы «умиротворения» фашистских агрессоров за счет стран Восточной Европы, за счет СССР. США поддерживали англо-французскую политику «умиротворения» фашистских держав и даже поощряли англо-французский блок на новые серьезные уступки агрессорам в Восточной Европе в надежде, что ценой за эти уступки будет агрессивная война фашистских стран против Советского Союза.

На европейскую внешнюю политику США в то же время накладывали свой отпечаток американско-англий-

ские и, в особенности, американско-германские противоречия. Проявлением американско-английских противоречий являлось стремление США ни в коем случае не упустить из-под своего контроля подготовку и заключение мюнхенского сговора, исключить для Великобритании возможность использовать этот сговор для укрепления своих международных позиций в противовес США. Стремясь поставить Великобританию в большую от себя зависимость, США не хотели давать никаких определенных обязательств оказать помощь англо-французскому блоку, а, наоборот, подчеркивали, что в случае европейской войны, США будут проводить внешнюю политику, исходя из соображений собственной выгоды. Конечно, такая позиция не могла не поощрять фашистских агрессоров на новые наглые требования. Проявлением же американско-германских противоречий являлось стремление США помешать германской экспансии в западном направлении, не допустить чрезмерного усиления фашистской Германии за счет ослабления, а возможно, и расчленения Британской империи, которую уже в то время США намеревались сами постепенно прибрать к своим рукам. До тех пор, пока не существовало реальной угрозы войны между англо-французским блоком и странами «оси» и пока оставалась надежда направить фашистскую агрессию на Восток, против СССР, реакционные правящие круги США являлись яркими сторонниками антисоветской мюнхенской политики «умиротворения» фашистских держав, всячески поддерживали ее и сами принимали в ней деятельное участие. Лишь позднее, когда стало ясно, что германские фашисты не намерены в ближайшем будущем начинать войну с Советским Союзом, а, наоборот, собираются сначала разгромить англо-французский блок, захватить владения Англии и Франции, и затем начать борьбу за мировое господство, что поставило бы под угрозу империалистические интересы США, американским правящим кругам пришлось на время изменить свой внешнеполитический курс и сделать основной упор на разгром своих главных империалистических соперников и конкурентов—фашистской Германии и Японии. Однако даже и в период второй мировой войны антисоветские тенденции во внешней политике США были весьма сильны, а после ее окончания они вновь стали преобладающими.

«До последнего времени принято было считать,—говорится в справке Совинформбюро,—что вся ответственность за мюнхенскую политику предательства лежит на правящих кругах Англии и Франции, на правительствах Чемберлена и Даладье. Тот факт, что американское правительство взяло на себя опубликование немецких архивных материалов, исключив при этом из сборника документы, относящиеся к мюнхенскому соглашению, свидетельствует о заинтересованности Правительства США в том, чтобы обелить героев мюнхенского предательства и при этом попытаться свалить вину на СССР»¹. Американское правительство было заинтересовано в том, чтобы обелить англо-французских мюнхенцев, потому что у него самого было, как говорится, «рыльце в пушку», оно само принимало не менее активное участие в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами, хотя и делало это не столь открыто, как правительства Англии и Франции. Американская внешняя политика в апреле—сентябре 1938 года, внешне как будто отличаясь от мюнхенской политики англо-французского блока, по существу была той же самой политикой поощрения фашистских агрессоров и натравливания их на Советский Союз. «О политике реакционных кругов самых могучих в капиталистическом мире стран—Америки, Англии и Франции,—говорил в апреле 1938 года М. И. Калинин,—мало сказать, что это политика попустительства в отношении агрессоров. Нет, это политика поощрения агрессии. Ее плоды мы можем наблюдать уже в том, что мир на двух противоположных концах пылает в огне войны»².

Действительно, если ограничиться лишь изучением официальных нот и документов американского государственного департамента в предмюнхенский период, то еще может создаться какая-то видимость того, что США проводили внешнюю политику, чем-то отличавшуюся от англо-французской мюнхенской антисоветской политики, политики сговора с фашистскими агрессорами, что они делали какие-то, хотя и робкие, шаги по пути кол-

¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 23.

² М. И. Калинин, О международном положении. Доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 г., Госполитиздат, 1938, стр. 15.

лективной безопасности. Такая видимость создавалась по широковещательным декларациям и заявлениям американских государственных деятелей, которые в туманной форме выступали с призывами к коллективным действиям против агрессоров. Однако при более подробном изучении даже официальных выступлений американских государственных деятелей станет ясно, что все их ссылки на необходимость бороться с агрессорами, все их торжественные декларации о том, что США не потерпят «международного беззакония», были лишь данью общественному мнению, требовавшему, чтобы США совместно с другими миролюбивыми державами положили конец международному разбою фашистских держав. На самом деле даже в ряде официальных внешнеполитических выступлений и актов американского правительства иногда более явно, иногда в завуалированной форме проглядывала тенденция «умиротворить» фашистских агрессоров за счет направления их агрессии на Восток. Именно этим объясняется ряд выступлений видных чиновников государственного департамента, таких как заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес, послы Буллит и Кеннеди и др., с заявлениями, что США не будут помогать Англии и Франции в случае войны между ними и странами «оси». Понятно, что подобные официальные заявления лишь способствовали укреплению позиций фашистских стран, делали их более наглыми в своих требованиях. Особо четко проявилась политика «умиротворения», проводимая правительством США в дни мюнхенского кризиса.

Однако если в официальных выступлениях и документах американского правительства этот мюнхенский курс внешней политики был все-таки прикрыт и завуалирован, то вся закулисная деятельность американской дипломатии в Европе в этот период носила совершенно открытый мюнхенский характер. К сожалению, широкой общественности неизвестны полные документальные данные об этой закулисной деятельности американской дипломатии в кризисные месяцы 1938 года. Однако и те документы, которые уже опубликованы, позволяют вполне определенно утверждать, что Соединенные Штаты Америки играли хотя и закулисную, но активную роль в мюнхенском предательстве. «Неоспоримым является то,—пишет прогрессивный английский

историк А. Ротштейн,—что идея о пассивной Америке, не игравшей активной роли в политике, вызвавшей Мюнхен, является мифом»³.

Уже отмечалось, что американское общественное мнение, вопреки ставшему традиционным в устах буржуазных историков утверждению, отнюдь не было за изоляционизм. Против коллективного отпора агрессорам и за изоляционизм была лишь весьма влиятельная кучка реакционеров, монополистов и явных фашистов, которая владела почти всей многочисленной прессой, всем радио, всеми общественными помещениями и создавала мнение, что американский народ якобы настроен изоляционистски. На самом деле простые американцы уже начинали сознавать, что борьба с фашистскими агрессорами в Европе тесно связана с борьбой против изоляционистов в США. Все больше и больше американцев начинали понимать, что борьба в Испании против итало-германских интервентов — это также и борьба за демократические свободы в США. Голос американского народа все громче звучал в пользу участия США в коллективном отпоре фашистским агрессорам.

О росте таких настроений свидетельствовал, например, поток читательских писем в газету «Дейли уоркер» и в другие прогрессивные американские газеты, одобрявшие чикагскую речь Рузвельта. 7 февраля 1938 г. «Дейли уоркер» опубликовала письмо рабочего Х. Принса. Он писал: «Президент Рузвельт в своей чикагской речи поддержал политику коллективной безопасности. Американский народ одобряет позицию президента»⁴. В конце февраля 1938 года даже такая влиятельная американская организация, как «Католическая ассоциация», одобряла чикагскую речь президента Рузвельта и призывала внести дополнения в «закон о нейтралитете», чтобы делать различие между агрессором и жертвой агрессии⁵.

23 февраля 1938 г. газета «Дейли уоркер» в передовой статье писала: «Пусть президент теперь возьмет на себя инициативу и вновь повторит, подтвердит и подчеркнет провозглашенную им в чикагской речи политику

³ A. Rothstein, *The Munich Conspiracy*, L., 1958, p. 163.

⁴ «Daily Worker» (N. Y.), Febr. 7, 1938.

⁵ «Daily Worker» (N. Y.), Febr. 23, 1938.

«карантина» для агрессоров. Он поймет, что весь мир готов оказать ему поддержку. Он поймет, что консерваторы будут подавлены возмущенным народом. Задача сегодняшнего дня не в том, чтобы и дальше успокаивать фашистов и их пособников из числа консерваторов, которые проводят политику изоляционизма в нашей стране, задача состоит в том, чтобы полностью использовать имеющиеся великие возможности и повести за собой встревоженные народы, сплотив их для коллективных действий, с помощью которых только и можно обеспечить мир»⁶.

Целый ряд общественных организаций в США принимали резолюции и выступали в поддержку участия США в системе коллективной безопасности. 4 марта 1938 г. прогрессивный студенческий клуб Мичиганского университета принял резолюцию, в которой говорилось: «Мы призываем народ США сотрудничать со всеми миролюбивыми народами мира, чтобы положить конец агрессии фашистских стран. Если этим странам позволят продолжать агрессию, то это неизбежно приведет к новой мировой войне, в которую американский народ окажется обязательно втянутым»⁷. 9 марта «Американская лига борьбы за мир и демократию» опубликовала заявление, в котором было сказано: «Мы верим, что памятная чикагская речь президента Рузвельта с призывом создать карантин против агрессоров открыла путь к международному сотрудничеству. Мы одобряем эту речь. Мы призываем, чтобы США взяли на себя инициативу организации совместных действий США, Великобритании, Франции, Советского Союза, Нидерландов, скандинавских стран и других миролюбивых держав, чтобы лишить фашистские страны возможности получать средства для ведения войны»⁸. Примеры подобных призывов и резолюций можно было бы умножить.

Конечно, американское правительство не могло игнорировать общественное мнение, требовавшее, чтобы США приняли участие в коллективных действиях по обузданию фашистских агрессоров. Поэтому отдельные американские государственные и дипломатические дея-

⁶ «Daily Worker» (N. Y.), Febr. 23, 1938.

⁷ «Daily Worker» (N. Y.), March 10, 1938.

⁸ Ibid.

тели для успокоения общественного мнения время от времени выступали с довольно туманными декларациями и призывами положить конец «международному беззаконию», не называя, однако, стран, которые являлись конкретными носителями этого беззакония, то есть фашистских агрессоров.

В правящих кругах США существовала довольно многочисленная и влиятельная группа, которая считала, что интересы американского империализма требовали проведения более активной внешней политики. Сторонники этой линии, спекулируя на антифашистских настроениях простых американцев, использовали эти настроения для прикрытия своих империалистических планов более активного вмешательства в европейские дела, но не для того, чтобы организовать коллективный отпор фашистским агрессорам, а для того, чтобы, с одной стороны, помешать фашистским державам укрепиться за счет ослабления позиций англо-французского блока, а с другой—более активно участвовать в натравливании тех же фашистских держав на Советский Союз. Этим целям была подчинена политика США в решении как австрийского, так и чехословацкого вопроса.

Сразу же после захвата Австрии гитлеровская Германия начала интенсивно готовиться к расчленению Чехословакии. 29 марта Риббентроп по поручению Гитлера провел в Берлине специальное совещание по Судетскому вопросу, на котором была разработана программа действия для судетских фашистов. Суть этой программы состояла в следующем: генлейновцы должны были потребовать автономии для Судетов, если же чехословацкое правительство на это согласится, то следует немедленно расширить эти требования и сохранять по-прежнему состояние кризиса. Риббентроп прямо заявил на совещании, что «конечная цель предстоящих переговоров судето-немецкой партии с чехословацким правительством—это избежать вступления в правительство, увеличивая объем и постепенно конкретизируя предъявляемые требования»⁹. Конфликт по поводу требований генлейновцев гитлеровцы решили использовать в качестве предлога для начала германской агрессии против Чехословакии.

⁹ «Документы и материалы кауна второй мировой войны...», т. I, стр. 109.

Получив инструктаж, генлейновцы начали проводить в жизнь разработанный в Берлине план. Они предъявили чехословацкому правительству требование об автономии Судетов и одновременно начали провоцировать целую серию вооруженных столкновений с демократическими элементами, совершать бандитские налеты на помещения демократических организаций, избивать прогрессивно настроенных лиц и т. д. Одновременно началась концентрация немецких войск у чехословацкой границы. Так был создан так называемый «майский кризис» судетского вопроса.

Выполняя намеченный в Берлине план раздувания конфликта из-за судетского вопроса, Генлейн выступил 12 апреля в Карловых Варах с изложением своих требований. Эти требования сводились к тому, чтобы поставить Судетскую область полностью под контроль генлейновцев, превратить ее в государство в государстве.

Известно, что английское правительство в лице лорда Галифакса еще в ноябре 1937 года дало согласие на захват Германией не только Австрии, но и Судетов, при условии, что этот захват произойдет «мирным путем» и что ценой за него будет германская агрессия против СССР¹⁰. Правительство Франции также не собиралось выполнять свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии и защищать ее территориальную целостность¹¹.

Для маскировки перед мировым общественным мнением своей предательской по отношению к Чехословакии политики английское и французское правительства решили устроить в Лондоне совещание якобы с целью выработки путей для защиты мира в Европе. На самом деле совещание в Лондоне ставило своей целью обсудить, каким путем будет удобнее выдать Чехословакию Гитлеру в качестве взятки за выступление Германии против Советского Союза, а отнюдь не выработку планов помощи Чехословакии против агрессии, как об этом говорилось в совместной англо-французской декларации. В течение мая как английское, так и французское правительства неоднократно давали понять гитле-

¹⁰ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны...», т. I, стр. 35—36.

¹¹ Там же, стр. 84—87.

ровцам, что они готовы выдать им Чехословакию в качестве платы за германскую агрессию против СССР¹².

К концу мая гитлеровцы усилили подготовку к операции по захвату Чехословакии. 19 мая началась концентрация немецких войск у чехословацкой границы, а Генлейн для ускорения «неизбежного развития политических условий внутри Чехословакии» прервал переговоры с Прагой и уехал в Германию. 20 мая был подготовлен пересмотренный вариант «зеленого плана» — плана атаки против Чехословакии, предусматривавший начало военных действий в случае, если этого «потребуется неизбежное развитие политических условий внутри Чехословакии или если политические события в Европе создадут особенно благоприятные возможности, которые могут больше никогда не повториться»¹³.

В мае англо-французские правители уже были готовы выдать Чехословакию Гитлеру, но этому помешала решимость чехословацких народных масс дать отпор фашистской агрессии. Под давлением трудящихся масс Чехословакии, руководимых Коммунистической партией, чехословацкое правительство было вынуждено принять некоторые оборонительные меры.

В стране в обстановке большого патриотического подъема прошла частичная мобилизация, в Судетской области было объявлено чрезвычайное положение. 21 мая президент Бенеш вынужден был выступить с заявлением о том, что Чехословацкая республика будет сопротивляться германским агрессорам.

Под давлением общественного мнения англо-французские правители также вынуждены были сделать вид, что они готовы выступить на защиту Чехословакии. 21 мая английский и французский послы в Германии сделали Риббентропу представление по поводу передвижения немецких войск у чехословацкой границы. Лорд Галифакс заявил немецкому послу в Лондоне фон Дирксену, что война между Германией и Чехословакией будет означать также франко-германскую, а следовательно, и англо-германскую войну.

¹² См., например, «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, Wash., 1949, pp. 246—247, 252—254, 261, 265, 267, 273, 284.

¹³ Ibid., p. 300.

Однако в действительности все эти представления и заявления отнюдь не отражали истинных намерений английского и французского правительств, они были нужны им лишь для «внутреннего употребления», то есть для успокоения общественного мнения своих стран. На самом же деле ни английское, ни французское правительства не собирались мешать гитлеровцам захватить Чехословакию и были даже готовы помочь им в этом при условии, что это будет сделано так сказать «благопристойно», не возмущая общественного мнения, «мирным путем». Во время «майского кризиса» англо-французские правители, опасаясь возмущения общественного мнения, не решились открыто выдать Чехословакию фашистской Германии. Гитлер вынужден был временно отступить. Он стал выжидать более благоприятного момента и продолжал готовить все новые и новые провокации против Чехословакии.

Американская дипломатия в период, предшествовавший «майскому кризису» и во время самого кризиса, занимала по существу ту же позицию «умиротворения» фашистских агрессоров за счет Чехословакии, что и англо-французская дипломатия. Американские послы в Европе: Уильям Буллит в Париже, Джозеф Кеннеди в Лондоне и Хью Вильсон в Берлине, сыграли довольно видную роль в подготовке Мюнхена, в частности во время майских событий 1938 года и позднее, во время самого «мюнхенского кризиса». Вот как характеризует в своих воспоминаниях деятельность американских послов в европейских странах сторонник западной ориентации, слуга иностранных империалистов Эдуард Бенеш: «Посол Соединенных Штатов в Лондоне Джозеф Кеннеди последовательно и безоговорочно поддерживал и защищал чемберленовскую политику умиротворения как во время своего пребывания в Англии в 1938—1939 годах, так и после возвращения в Соединенные Штаты и во время предвыборной кампании за избрание Рузвельта в третий раз президентом. Чемберлен неоднократно опирался на его поддержку... Американский посол в Берлине Хью Вильсон в августе 1938 года был твердо убежден, что мирная ориентация немецкой политики не была невозможной... Посол Соединенных Штатов в Париже Уильям Буллит вначале хотя и не высказывался столь открыто, как Кеннеди, за политику

умиротворения, однако развернул в этом направлении активную деятельность. Его отношение к нам во время сентябрьского кризиса 1938 года было целиком отрицательным и он этого не скрывал. Даладье неоднократно указывал, что проводимая им политика умиротворения находилась в соответствии с позицией самих Соединенных Штатов... Буллит давал понять, что Прага чересчур сурово относится к немецкому меньшинству, что президент Бенеш неуступчивый антигерманский шовинист и что своей политикой он угрожает миру в Европе»¹⁴.

Все эти послы были яркими реакционерами, резко антисоветски настроенными, тесно связанными с американскими монополистическими кругами, да и не только американскими: некоторые из них имели также весьма тесные связи с германскими монополиями. Буллит, например, в течение 1940 года являлся вице-председателем правления компании «Америкен ИГ кемикэл» (позднее «Дженерал энилайн энд филм корпорейшн») — американского филиала немецкого концерна «ИГ Фарбениндустри» и ушел с этого поста только после того, как «Америкен ИГ кемикэл» была объявлена вражеской собственностью. Именно Кеннеди, Буллит и Вильсон являлись главными проводниками американской внешнеполитической линии в странах Европы, главными исполнителями правительственного курса США в этих странах. Послы США в Англии, Германии и Франции стали одними из основных закулисных вдохновителей мюнхенского сговора. Весной и летом 1938 года они развернули не менее активную деятельность по «умиротворению» фашистских агрессоров, по натравливанию их на Советский Союз, чем их англо-американские коллеги. Причем занимались они этой деятельностью, конечно, не без указаний и одобрения государственного департамента, о чем, в частности, свидетельствует ряд недавно опубликованных германских и английских документов.

18 марта 1938 г. вновь назначенный посол США в Англии Джозеф Кеннеди выступил на обеде в «Пилгримс клуб» с речью, основную мысль которой германский посол в США Дикгоф выразил следующим образом:

¹⁴ E. Beneš, Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství, t. I, Praha, 1947, str. 255—256.

«В настоящий период Америка готова сотрудничать с Англией в любых мероприятиях, которые могут способствовать поддержанию мира»¹⁵. Дикгоф, таким образом, совершенно правильно интерпретировал это выступление Кеннеди и подобные ему выступления других американских деятелей как готовность США сотрудничать с англо-французским блоком в деле «умиротворения» фашистских агрессоров. В этом же смысле совершенно прямо высказался и государственный секретарь Хэлл. 1 апреля 1938 г., комментируя выступление Гувера от 30 марта, Хэлл заявил, что мир испытывает сейчас «глубокую нужду в программе экономического умиротворения, которая проводится сейчас нашим правительством»¹⁶.

В апреле 1938 года член палаты представителей Скотт внес в конгресс резолюцию с требованием, чтобы американскому народу четко и ясно сказали, какие державы являются нарушителями международных договоров. «Целью этой резолюции, — писала газета «Дейли уоркер», — было дать знать американскому народу, кто угрожает всеобщему миру»¹⁷. Выступая от имени государственного департамента, Самнер Уэллес назвал лишь Японию, ведущую в то время агрессивную войну против Китая, и Италию, которая недавно захватила Абиссинию, а теперь участвовала в интервенции и в Испании. Однако он ни словом не упомянул о главном агрессоре — фашистской Германии, которая немногим более месяца назад захватила независимое государство Австрию, активно участвовала в вооруженной интервенции в Испании и теперь готовилась к захвату Чехословакии. Таким образом, заместитель государственного секретаря США выступил в роли адвоката фашистской Германии, отказавшись назвать ее в качестве главного агрессора и нарушителя международных договоров.

Американское правительство проявляло большую предупредительность по отношению к фашистской Германии. 29 апреля Риббентроп в разговоре с послом США в Берлине Вильсоном выразил свое недовольство тоном

¹⁵ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 694.

¹⁶ «The New York Times», Apr. 2, 1938.

¹⁷ «Daily Worker» (N. Y.), Apr. 28, 1938.

американской прессы. Вильсон тут же поспешил его заверить, что он немедленно доведет об этом до сведения своего правительства.

2 мая английский министр иностранных дел Галифакс завтракал с американским и французским послами. Оба посла, по словам Галифакса, «полностью разделяли его взгляд о необходимости федерализации Чехословакии»¹⁸. Между тем хорошо известно, что в лексиконе Чемберлена и Галифакса термин «федерализация» являлся лишь менее одиозным и потому более удобным синонимом слова «расчленение». Когда Галифакс говорил о так называемой «федерализации» Чехословакии, то на самом деле он имел в виду, что эта «федерализация» будет лишь этапом на пути к полному расчленению Чехословакии. Таким образом, из беседы Галифакса 2 мая можно сделать вывод, что посол США Джозеф Кеннеди полностью был в курсе планов Англии и разделял взгляды Галифакса в отношении Чехословакии.

Во время «майского кризиса», когда в ответ на концентрацию немецко-фашистских войск у чехословацких границ в Чехословакии была объявлена мобилизация, посол США в Париже Буллит в своей телеграмме госдепартаменту предлагал «попытаться найти какой-то способ, который позволил бы французам освободиться от их морального обязательства», то есть от поддержки Чехословакии. Свое предложение он обосновывал опасением, что иначе «большевизм утвердится от одного конца континента до другого»¹⁹.

В дни «майского кризиса» 1938 года, спровоцированной фашистской Германией, когда вооруженные гитлеровские банды готовы были ринуться в Чехословакию, заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес произнес 24 мая в Балтиморе речь, в которой советовал американцам заниматься своими собственными делами, а не критиковать внутреннюю политику фашистских стран. «Американцы наносят вред делу мира,—заявил Уэллес,—когда они осуждают внутреннюю политику иностранных государств... Мы отнюдь не

¹⁸ См. «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. I, p. 238.

¹⁹ A. Rothstein, The Munich Conspiracy, p. 160.

продвинем дело всеобщего мира, если будем публично критиковать внутреннюю политику других стран»²⁰.

Как стало известно, Жорж Боннэ дважды встречался с Уильямом Буллитом и вел с ним длительные беседы, которые носили, по словам Буллита, «чисто информационный характер»²¹. 24 мая представитель французского министерства иностранных дел заявил, что Боннэ через посла Буллита просил США поддержать англо-французские усилия по «умиротворению» Германии. 25 мая это заявление было опровергнуто американским посольством. Однако «нет сомнения, — писала обычно хорошо осведомленная газета «Нью-Йорк таймс», — что во время этих разговоров был сделан намек на то, что в США несомненно симпатизируют тем силам в Европе, которые стремятся помешать тому, чтобы вопрос о судетских немцах в Чехословакии был использован так, что это могло повести к опасности всеобщей войны или даже оборонительной войны со стороны Чехословацкой республики»²². Боннэ в разговоре с газетными корреспондентами не делал секрета из того, что если бы «американская пресса выразила свое сочувствие этим усилиям, то это было бы чрезвычайно ценно»²³.

Оценивая позицию правительства США во время «майского кризиса» 1938 года, германский посол в США Дикгоф писал 24 мая: «Нет никакого сомнения в том, что при настоящей ситуации американское правительство в значительной степени разделяет англо-французскую точку зрения»²⁴. А эта точка зрения, как известно, сводилась к фальшивым, лицемерным «протестам» на словах и фактической поддержке германской агрессии против Чехословакии на деле. Государственный секретарь Хэлл в порыве откровенности публично заявил, что США «не следует сейчас делать что-либо такое, что обидело бы Гитлера»²⁵.

Еще отчетливее характеризуют роль США в мюнхенском сговоре беседы американского посла в Англии

²⁰ «The New York Times», May 25, 1938.

²¹ Ibid.

²² «The New York Times», May 26, 1938.

²³ Ibid.

²⁴ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 706.

²⁵ R. Bendiner, The Riddle of the State Department, p. 58.

Кеннеди с германским послом Дирксеном, во время которых Кеннеди высказывался за установление самых дружеских отношений между США и фашистской Германией и рекомендовал ей проводить агрессию в восточном направлении, против СССР. Об этом, в частности, совершенно прямо говорится в записях целого ряда бесед, которые Кеннеди вел как с немецким послом в Лондоне Дирксеном, так и с немецким послом в США Дикгофом.

Кеннеди встретился с Дирксеном в конце мая 1938 года и сказал ему, что он вскоре собирается ехать в Вашингтон и «обсудить там с президентом Рузвельтом весь комплекс европейских вопросов. Из его (Кеннеди. — М. Б.) заявлений следует, — писал Дирксен, — что он не ограничивает свою официальную деятельность только Британией, но что он сделает доклад о положении дел во всей Европе»²⁶. В связи с этим Дирксен имел с Кеннеди разговор по вопросам, «подсказанным ему из Берлина»²⁷. Кеннеди сказал Дирксену, что он хотел бы еще раз с ним встретиться до своего отъезда в Вашингтон, с тем чтобы «переговорить с президентом Рузвельтом об улучшении германо-американских отношений на основе сегодняшнего разговора»²⁸.

За два дня до своего отъезда, 13 июня, Кеннеди имел часовую беседу с Дирксеном о целях своей предстоящей поездки в Вашингтон. Во время этой беседы Кеннеди проявил себя горячим сторонником установления самых тесных и дружественных отношений между США и гитлеровской Германией и большим почитателем «достижений» фашистского режима. Он сказал: «Если бы я не верил в возможность улучшения положения в Европе, то отказался бы от своего поста здесь»²⁹. Кеннеди был активным сторонником установления дружеских отношений США с Германией. По словам Кеннеди, президент того же мнения, что и он сам. Далее американский дипломат в Англии Джозеф Кеннеди рассыпался в похвалах успехам фашистской Германии внутри страны.

²⁶ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 369.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., vol. I, p. 714.

«Теперешнее правительство, — заявил Кеннеди, — сделало великие дела для Германии и немцы довольны и наслаждаются хорошей жизнью»³⁰. Дирксен советовал Кеннеди самому съездить в Германию, чтобы своими глазами убедиться в ее «достижениях». Кеннеди ответил ему, что «сам он очень хорошо понимает нашу политику по отношению к евреям, так как он сам происходит из Бостона, где в течение последних 50 лет евреи не допускались в гольф-клубы... Таким образом, в США такое отрицательное отношение к евреям является вполне обычной вещью, но у них люди избегают открыто поднимать шум по этому поводу»³¹. Тем самым американский посол высказал свое одобрение варварским еврейским погромам и массовому заключению немецких евреев в концлагеря и дружески посоветовал германским фашистам продолжать разбой, не поднимая по этому поводу излишнего шума.

Дирксен со своей стороны подчеркнул важность того, чтобы «Соединенные Штаты не отказывались прийти к соглашению и вступить в переговоры с тоталитарными странами, точно так же, как теперешнее британское правительство не отказалось вести переговоры с Италией и Германией... Кеннеди с этим согласился»³².

Во время беседы Кеннеди совершенно прямо и недвусмысленно дал понять Дирксену, что США не будут возражать против германской агрессии на Восток Европы. «В течение всего разговора, — отмечает Дирксен, — посол Кеннеди неоднократно выражал свое убеждение в том, что в экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке». А чтобы у Дирксена не осталось никаких сомнений, в отношении каких стран Германия должна иметь свободу рук на Востоке, «Кеннеди выразил, — записывает Дирксен, — очень пессимистичные взгляды на положение в Советском Союзе»³³. Подобные заявления Кеннеди являлись со стороны официального представителя США не чем иным, как провоцированием Германии на войну против Советского Союза.

³⁰ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 715.

³¹ Ibid., vol. I, p. 715.

³² Ibid., p. 717.

³³ Ibid., p. 718.

8 июля состоялась беседа статс-секретаря МИД Германии Вейцекера с американским послом в Германии Хью Вильсоном. Вейцекер подчеркнул, что сдержанный тон германской прессы не должен создавать впечатление, что Германия отказалась от своих требований к Чехословакии в судетском вопросе. Вильсон «сравнил тактику оттяжек Бенеша с его методами замалчивания фактов»³⁴ во время работы конференции по разоружению.

В середине июля 1938 года Кеннеди вернулся из США, а 20 июля состоялась его встреча с Дирксеном. Кеннеди рассказал ему о своих беседах в Вашингтоне с Рузвельтом относительно положения в мире. Во время этой беседы он повторил Рузвельту суть своего предыдущего разговора с Дирксеном. Кеннеди подробно изложил Дирксену мнение ряда руководящих американских политических деятелей, в том числе и Рузвельта, о международной обстановке. Он специально подчеркнул, что антифашистские настроения широких масс американского народа не оказывают никакого влияния на выработку президентом внешнеполитического курса США и правительство Соединенных Штатов готово активно участвовать в «умиротворении» фашистской Германии. Президент, по словам Кеннеди, «придерживается спокойного и умеренного образа мыслей и не позволяет себе, чтобы на него влияли настроения масс. Он готов поддержать требования Германии в отношении Англии или предпринять любые другие шаги, которые могут повести к умиротворению»³⁵.

Кеннеди дал понять Дирксену, что «нынешнее правительство США поддерживает кабинет Чемберлена и помогает ему преодолевать все трудности; именно в этом смысле надо интерпретировать поддержку стремлений Чемберлена добиться урегулирования с Германией, поддержку, которой, несомненно, будет достаточно, чтобы сломить сопротивление оппозиции в Британии»³⁶. Во время этого разговора Кеннеди очень прямо и открыто выразил действительные намерения американского пра-

³⁴ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 721.

³⁵ Ibid., p. 722.

³⁶ Ibid.

вительства в отношении Великобритании, его стремление превратить последнюю в своего младшего партнера, помешать сепаратному англо-германскому сговору, который укрепил бы позиции Англии и Германии. По мнению правительства США, необходимо поставить этот сговор под контроль США и одновременно усилить его антисоветскую направленность.

Из беседы с Кеннеди Дирксен сделал для себя следующий вывод: «США рассматривают себя в качестве защитника и покровителя Великобритании, которая, однако, за это покровительство должна платить раболепием и покорностью...». Кеннеди прямо заявил Дирксену, что «Соединенные Штаты и он сам будут зорко следить за тем, чтобы британский кабинет теперь занялся настоящим делом—в американском понимании этого слова»³⁷. Кеннеди под словами «настоящее дело» имел в виду «умиротворение» Германии за счет малых держав и направление фашистских агрессоров на Советский Союз.

Дирксен остался очень доволен этой беседой: у него имелись данные, полученные из различных источников, которые подтверждали, что американский дипломат «действовал на основе инструкций Рузвельта»³⁸. Таким образом, мнение Кеннеди являлось вместе с тем мнением правящих кругов США. Поэтому Дирксен был уверен, что Германии нечего опасаться США, которые полностью поддерживают политику Чемберлена, политику «умиротворения» фашистских агрессоров.

Во второй половине июля 1938 года английское и французское правительства для обмана общественного мнения решили провести ряд мер, направленных к тому, чтобы замаскировать их предательскую политику по отношению к Чехословакии и продемонстрировать их «готовность» ее защищать. Одним из шагов в этом направлении явился визит английского короля и королевы в Париж в 20-х числах июля 1938 года, который сопровождался большой шумихой в печати. В Париже англо-французские правители под прикрытием дымовой завесы «укрепления» англо-французского сотрудничест-

³⁷ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 723.

³⁸ *Ibid.*

ва ради «защиты» Чехословакии вели с доверенным Гитлера капитаном Видеманом закулисный торг за счет Чехословакии и СССР. Во время визита королевской четы в Париж англо-французскими правителями было принято решение направить в Чехословакию лорда Ренсимена, «основной задачей которого было добиться разрешения судето-немецкого вопроса»³⁹. Позднее Чемберлен пытался изобразить эту поездку Ренсимена как его частную инициативу. На самом деле Ренсимен ехал в Прагу не как частное лицо, а как официальный представитель реакционных кругов Англии и Франции, и вопрос о его посылке обсуждался и решался английским и французским правительствами еще в конце мая 1938 года. Известный чехословацкий общественный и государственный деятель Зденек Фирлингер пишет в своих воспоминаниях, что «миссия Ренсимена должна была быть ширмой, скрывающей от глаз английской общественности ампутацию Судетского края, судьба которого уже была решена в Лондоне»⁴⁰.

3 августа Ренсимен прибыл в Прагу и сразу же связался с генлейновцами. Во время переговоров с членами чехословацкого правительства и «изучения на месте» судетского вопроса Ренсимен требовал расторжения пакта о взаимопомощи между СССР и Чехословакией и принятия репрессивных мер по отношению ко всем патриотически настроенным организациям — в первую очередь, конечно, Коммунистической партии, — которые требовали до конца сопротивляться гитлеровской агрессии. Миссия Ренсимена в Чехословакии закончилась в середине сентября, и 16 сентября он представил Чемберлену меморандум. В нем предлагалось передать Германии те чехословацкие территории, где немцев было большинство, запретить в Чехословакии антифашистскую и антигерманскую агитацию, аннулировать советско-чехословацкий договор о взаимопомощи и заключить с Германией кабальный экономический договор. Миссия Ренсимена; таким образом, была нужна англо-французским мюнхенцам для того, чтобы прикрыть выдачу Чехословакии фашистской Германии.

³⁹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 514.

⁴⁰ Zdeněk Fierlinger, *Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje*, t. I, Praha, 1947, str. 124.

Американская дипломатия играла важную роль в попытках легализации готовившейся гитлеровцами аннексии Судетской области. Прикрытием для аннексии должен был служить так называемый «плебисцит». «Мой американский коллега (посол США в Берлине Х. Вильсон. — М. Б.) верит, — писал в Лондон английский посол в Берлине Гендерсон, — что плебисцит — это единственно возможное и прочное решение вопроса»⁴¹.

Следует отметить, что американский посол выступал с идеей плебисцита еще в то время, когда даже сами гитлеровцы через свою агентуру — генлейновцев выдвигали требование только об автономии для Судетов.

Однако возвратимся вновь к миссии Ренсимена. Американское правительство не только одобрительно отнеслось к посылке Ренсимена в Прагу, но и само предприняло определенные шаги аналогичного характера. На другой день после приезда Ренсимена в Прагу, 4 августа 1938 г., туда из Берлина на специальном самолете, пилотируемом помощником американского военного атташе в Германии Артуром Ванаменом, прилетел американский посол в Берлине Хью Вильсон. Официальное американское объяснение цели визита — обычный обмен мнениями с американским посланником в Праге Вильбуrom Карром, который «ради этого» прервал свой отпуск и возвратился в Прагу. В действительности поездка Вильсона в Прагу являлась американским дополнением миссии Ренсимена и имела те же цели. Хотя Вильсон отрицал это, однако все справедливо считали, что этот визит «даст ему возможность ознакомиться из первых рук с кризисом, связанным с национальными меньшинствами»⁴². Как писал в своих воспоминаниях Эдуард Бенеш, Хью Вильсон «приехал в августе из Берлина в Прагу, чтобы на месте получить информацию о создавшемся положении». Вильсон беседовал с американским посланником В. Карром и английским послом Ньютоном, он также встретился с лордом Ренсименом.

6 августа Вильсон был принят президентом Бенешем и имел с ним продолжительную беседу. Во время этой беседы Бенеш старался убедить Вильсона в том, что лично он, Бенеш, готов идти на самые далеко идущие

⁴¹ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939, Third Series», vol. I, p. 615.

⁴² «Daily Worker», (N. Y.), Aug. 29, 1938.

уступки гитлеровцам, «отрицая утверждение, что якобы от него исходило главное сопротивление удовлетворению требований в отношении Судетов»⁴³. Вильсон во время этой беседы выступал в роли адвоката гитлеровской Германии, убеждал Бенеша в том, что он, мол, не верит в агрессивные намерения Гитлера, что, в частности, Геринг «не хочет войны, и работает без сомнения в интересах мира, соглашения с чехословаками и с остальными странами»⁴⁴, что нужно пойти на требуемые гитлеровцами уступки и что США не окажут военной помощи «никакой европейской стране» (то есть Чехословакии.—М. Б.), что немцам в Германии живется лучше, чем в Чехословакии. Короче, «Вильсон осторожно делал все возможное для того, чтобы Бенеш почувствовал себя изолированным, чтобы он понял, что ему угрожает опасность быть представленным в качестве человека, несущего ответственность за войну, если она начнется, и за угнетение населения, говорящего по-немецки»⁴⁵. Так, американский посол внушал президенту Чехословакии мысль о том, что нужно пойти на требуемые гитлеровцами «уступки».

Американский посол остался доволен позицией чехословацкого правительства, готового пойти на уступки гитлеровской Германии, доволен тем, что «авторитетные деятели в Праге отдают себе отчет в серьезности положения»⁴⁶.

Позиция, занятая тогда Бенешем, конечно, не вызывает удивления. Он до конца своей жизни был и остался верным слугой иностранных империалистов, врагом СССР и своего народа. Вильсону, однако, не понравились настроения широких масс чехословацкого народа, потому что они, по его мнению, «недооценивают» всей опасности положения⁴⁷, Вильсон недоволен был настроением масс потому, что простой народ Чехословакии не поддавался никаким уговорам, запугиваниям и готов

⁴³ «Документы и материалы кануна второй мировой войны...», т. I, стр. 174.

⁴⁴ E. B e n e š, Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství, t. I, str. 255.

⁴⁵ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, L., 1949, p. 213.

⁴⁶ «Документы и материалы кануна второй мировой войны...», т. I, стр. 174.

⁴⁷ Там же.

был отстаивать независимость своей родной страны с оружием в руках.

Приведенные данные о визите Вильсона в Прагу позволяют безошибочно утверждать, что целью его визита было помочь Ренсимену уговорить чехословацких деятелей пойти на самые далеко идущие уступки фашистской Германии в судетском вопросе.

Если американские дипломаты в Европе вели свою антисоветскую деятельность тайно, всячески скрывая ее от мировой общественности, то некоторые фашиствующие конгрессмены до того распоясались, что стали выступать летом 1938 года с открытыми призывами к войне против Советского Союза, против коммунизма. Так, например, 10 июня 1938 г. в конгрессе США выступил с речью член палаты представителей от штата Нью-Йорк Джон О'Коннор, заявивший, что «коммунизм — это угроза Америке». Он повторил обычную клевету «о финансировании деятельности американских коммунистов Москвой» и что якобы в Советском Союзе «церковь запрещена и семья уничтожена»⁴⁸. О'Коннор закончил свою речь провокационным призывом к американцам «вышибить коммунизм—этого врага номер один, на его родину—Россию, пока он не успел втянуть нас в новую мировую войну. Уже сейчас,— утверждал О'Коннор,— в мире идут две крупных войны— в Китае и в Испании, и причиной их является коммунизм. Проснитесь, американцы,— неистовствовал О'Коннор,— преградите путь величайшей угрозе нашего времени— коммунизму»⁴⁹. Так американские реакционные правящие круги— частью втихомолку, а иногда и открыто— выступали в угоду фашистской Германии как враги чехословацкого народа, как отъявленные враги Советского государства.

Между тем американское общественное мнение все более определенно продолжало высказываться в пользу участия США в коллективном отпоре фашистским агрессорам. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опросов, проводившихся редакциями различных газет и журналов, а также Институтом общественного мнения США весной и летом 1938 года. Хотя эти результаты

⁴⁸ «Congressional Record», 1938, vol. 83, p. 11746.

⁴⁹ Ibid., p. 11747.

отражают картину далеко неполно и нужно полагать, что число высказавшихся за коллективную безопасность преуменьшено, все же результаты эти весьма интересны. Весной 1938 года подобный опрос организовал, например, журнал «Нэйшн». Вот его результаты: из 9263 опрошенных только 1493 человека, или меньше $\frac{1}{6}$, высказались за изоляционизм. По разным штатам от 80 до 88% опрошенных высказались за коллективную безопасность. Более 70% всех опрошенных считали необходимым сотрудничество США с основными неагрессивными странами. Из них 81% стоял за экономические санкции против агрессоров и 79%—за экономическую поддержку жертв агрессии. «Практически, половина всех опрошенных,—заключает журнал,—согласна с необходимостью проведения объединенных действий вплоть до угрозы оказать коллективное вооруженное сопротивление агрессии»⁵⁰. Близкие к этому данные были получены также Институтом общественного мнения в результате опроса, проведенного в конце июля 1938 года. На вопрос «на чьей стороне будут Ваши симпатии, если Англии и Франции придется вести войну с Германией и Италией», лишь 3% ответили—на стороне Германии и Италии. Не менее показательны ответы на второй вопрос: «Если Англии и Франции придется воевать с фашистскими странами, смогут ли Соединенные Штаты оставаться нейтральными?». Почти половина всех опрошенных—46%, высказалась за то, что США должны будут принять участие в войне против фашистских держав⁵¹. К лету 1938 года значительная часть американцев симпатизировала идее участия Америки в коллективных действиях против сил войны, причем весьма многие из них считали, что национальные интересы США требуют, чтобы Соединенные Штаты приняли самое активное участие в обуздании фашистских агрессоров любыми средствами вплоть до применения против них военной силы.

Если бы летом 1938 года президент Рузвельт или государственный департамент выступили с конкретным, деловым предложением по обузданию агрессоров, то, хотя такое решение и было бы принято в штыки амери-

⁵⁰ «Congressional Record», 1938, vol. 83, pp. 8730—8731.

⁵¹ «The New York Times», July 27, 1938.

канскими реакционерами, оно встретило бы полное понимание и поддержку у большинства американского народа; это решение было бы поддержано Советским Союзом и народами других стран и тогда реакционным правительствам Англии и Франции стало бы значительно труднее вести свой предательский торг с нацистскими агрессорами, и они вынуждены были бы принять участие в коллективном отпоре немецкой агрессии. В этом случае гитлеровская Германия оказалась бы в тисках режима коллективной безопасности и шансы для развязывания второй мировой войны у гитлеровских агрессоров чрезвычайно уменьшились бы. И если гитлеровцы, несмотря на эти неблагоприятные для них условия, все же решились бы развязать вторую мировую войну, они потерпели бы поражение в первый же год войны. К сожалению, этого не случилось вследствие пагубной политики, которую проводили Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция в течение всего предвоенного периода. Этого не случилось потому, что подобный курс внешней политики в корне противоречил классовым интересам американской буржуазии. Американские монополисты отнюдь не были заинтересованы в окончательном провале агрессивных планов держав «оси», они стремились лишь поставить эти планы под свой контроль и направить фашистскую агрессию в первую очередь на Восток. Поэтому вместо четкого и твердого курса на организацию коллективного отпора врагам мира государственный департамент ограничивался ни к чему не обязывающими беззубыми декларациями против «международного беззакония» и одновременно через американских послов в европейских столицах давал понять Германии, что она может не обращать внимания на все эти декларации, так как позиция США идентична по содержанию с предательской позицией английского правительства.

Американские правящие круги, естественно, не могли пройти мимо того возмущения, которое вызывали у самых широких слоев американского населения разбойничьи действия нацистов. Чтобы дать какую-то разрядку их возмущению, как-то успокоить их и убедить в том, что американское правительство разделяет возмущение общественности, 16 августа 1938 г. с речью по радио выступил государственный секретарь США Хэлл. Он заявил, что «мы не можем оставаться безразличными,

когда где-либо творятся беспорядки»,⁵² и огласил целую обширную «программу мира» из семи пунктов. «Программа мира» Хэлла включала следующие пункты: 1) экономическая реконструкция, 2) соблюдение норм международного права, 3) уважение и соблюдение договоров, включая в связи с этим изменение условий договоров, проводимое в обычном порядке в духе взаимного содействия и согласия в тех случаях, когда в этом возникнет необходимость, 4) отказ по собственному желанию от применения оружия в политике и от вмешательства во внутренние дела других стран и урегулирование всех проблем путем мирных переговоров, 5) сокращение вооружений, 6) свободный обмен идеями и сотрудничество в интеллектуальной области, 7) международное сотрудничество для проведения в жизнь этой программы⁵³. Если повнимательнее присмотреться к этой «программе мира», то становится ясно, что она отнюдь не является программой установления мира путем создания системы коллективной безопасности и организации коллективного отпора агрессорам, а, наоборот, является программой «умиротворения» их, программой поощрения агрессии на Восток. Так, в третьем пункте этой программы говорилось: «Уважение и соблюдение договоров, включая в связи с этим изменение условий договоров, проводимое в обычном порядке в духе взаимного содействия и согласия в тех случаях, когда в этом возникает необходимость»⁵⁴. Нетрудно заметить, что этот пункт вполне мог быть использован для оправдания, скажем, мюнхенского сговора. Недаром американская газета «Нью-Йорк таймс» назвала программу Хэлла «американским эквивалентом британских действий, выразившихся в посылке виконта Ренсима в Прагу»⁵⁵.

Тремя днями позже с речью выступил президент Рузвельт. Он произнес речь на открытии моста через реку Св. Лаврентия, соединившего США с Канадой, и воспользовался этим случаем для того, чтобы заявить, что «народ Соединенных Штатов не будет стоять и спокойно смотреть, если территории Канады будет угро-

⁵² «The New York Times», Aug. 17, 1938.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

жать какая-либо империя»⁵⁶. Речь Рузвельта явилась очень ловким политическим ходом: как известно, в это время никто непосредственно территории Канады не угрожал, и, наоборот, территория независимого европейского государства—Чехословакии находилась под непосредственной угрозой нашествия гитлеровских орд, и в такой международной обстановке, когда внутри США прогрессивные круги требовали от американского правительства решительных действий против фашистских агрессоров, президент Рузвельт выступил с «решительным» заявлением, что США готовы защищать не Чехословакию, а... Канаду, которая находилась на расстоянии нескольких тысяч километров от обоих мировых очагов военного пожара. Своей речью Рузвельт дал некоторую разрядку настроениям части антифашистски настроенных американцев и в то же время не сделал ни одного шага в направлении действительной организации коллективного отпора гитлеровским агрессорам.

Между тем в Европе продолжалась бурная закулисная деятельность американских дипломатов. 27 августа американский посол в Берлине Вильсон вылетел в Париж, чтобы, как было объявлено, «обсудить с американским послом Уильямом Буллитом германо-чехословацкую ситуацию»⁵⁷. 30 августа американский посол в Лондоне Кеннеди посетил британского премьера Чемберлена, с которым обсуждал вопросы, связанные с положением в Чехословакии. Чемберлен сказал Кеннеди: «Мы не в состоянии остановить Гитлера, и при существующих обстоятельствах было бы неумно произносить угрозы по адресу Гитлера. Мы не должны придерживаться того взгляда, что война неизбежна, по крайней мере до тех пор, пока мы не использовали все усилия для предотвращения ее путем применения влияния, посредничества и т. д.»⁵⁸. Кеннеди выразил свое полное согласие с мнением Чемберлена и спросил его, чем президент Рузвельт может ему помочь в этой его деятельности по «умиротворению»⁵⁹. В заключение беседы Кеннеди заве-

⁵⁶ «The New York Times», Aug. 20, 1938.

⁵⁷ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, p. 213.

⁵⁸ «Daily Worker» (N. Y.), Aug. 29, 1938.

⁵⁹ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, p. 213.

рил Чемберлена в том, что «президент (Рузвельт.— М. Б.) решил в чехословацком вопросе следовать за Чемберленом; какой бы курс Чемберлен ни избрал, он (то есть Рузвельт.—М. Б.) будет считать его правильным»⁶⁰. На следующий день Кеннеди в том же духе вел беседу с министром иностранных дел лордом Галифаксом и сказал ему, что «хотя американское общественное мнение будет очень шокировано в случае любого акта германской агрессии, оно отнюдь не будет считать необходимым или оправданным, если из-за этого Европа будет ввергнута во всеобщую войну»⁶¹.

Таким образом, во время этих бесед Кеннеди с Чемберленом и Галифаксом американский посол от имени США одобрил мюнхенскую антисоветскую внешнюю политику Чемберлена и Галифакса и как бы благословил их на дальнейшие шаги к мюнхенскому сговору с Гитлером.

Правительство Чемберлена держало государственный департамент в курсе всей своей «миротворческой» деятельности. 2 сентября 1938 г. лорд Галифакс предложил английскому послу в Вашингтоне Линдсею информировать Хэлла о результатах миссии Ренсимена, так как он «считает желательным, чтобы правительство Соединенных Штатов было осведомлено об усилиях, которые прилагает Правительство Его Величества, для того чтобы удержать Германию от насильственных действий и в то же время убедить чехословацкое правительство без всяких дальнейших промедлений или уверток сделать далеко идущие уступки, которые необходимы для достижения соглашения между чехословацким правительством и населением Судетов»⁶².

1 сентября германский поверенный в делах в Вашингтоне доносил в Берлин, что, согласно данным германского военного атташе, в американских вооруженных силах не заметно никаких приготовлений к войне и что «из разговоров в Генеральном штабе (американском.— М. Б.) Беттихер (немецкий военный атташе в США.— М. Б.) получил определенное впечатление, что Америка

⁶⁰ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, p. 213.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid., p. 211.

не стремится к войне, что там существует понимание требований судетских немцев и что Генеральный штаб работает в этом направлении»⁶³.

На другой день, 2 сентября, британский посол в Париже Эрик Фиппс беседовал с американским послом Буллитом. Буллит заявил ему, что он «совершенно ясно дал понять французскому правительству и уверен, что у них теперь нет иллюзий насчет того, что американцы не хотят воевать в Европе, так как имеется «вероятность, что они не получат ломаного гроша за свою помощь, а получают одни пинки»⁶⁴.

Буллит, по словам Фиппса, «боялся даже больше гитлеровского фанатизма каких-либо отчаянных актов немецких или русских «агентов-провокаторов». Он считал, «что величайшим желанием России является спровоцировать всеобщий военный пожар, в котором она сама почти не будет участвовать... и после которого она возродится как феникс из нашего пепла и произведет мировую революцию»⁶⁵. Так Буллит не в первый уже раз использовал пугало мировой революции для оправдания своих империалистических целей.

Позицию американского правительства во время европейского кризиса 1938 года характеризуют следующие факты. В конце августа французское правительство попросило американского посла Буллита выступить с публичным заявлением, в котором бы указывалось, что в случае европейского конфликта из-за Чехословакии США не останутся в стороне. Буллит на это согласился, однако в первоначальном тексте его выступления основной упор был сделан на то, что «необходимо положить конец вековой борьбе между Францией и Германией»⁶⁶. Эта фраза столь явно отдавала духом «умиротворения», что даже прожженные французские политиканы вынуждены были просить Буллита вычеркнуть ее из текста речи, опасаясь, что эта фраза может вызвать возмущение французского общественного мнения, и просили

⁶³ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 681.

⁶⁴ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, p. 219.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ G. Bonnet, *Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay*, Genève, 1946, p. 206.

вместо нее включить абзац с намеком на возможность участия США в европейском конфликте на стороне англо-французского блока. Буллит запросил в Вашингтоне разрешение повторить свое заявление от 22 февраля 1937 г. о том, что «мы (США.—М. Б.) надеемся остаться вне войны, но мы хорошо знаем, что всегда остается возможность, что какая-либо страна настолько обезумет, что втянет нас в войну»⁶⁷.

1 сентября, когда из Вашингтона был получен отрицательный ответ, по просьбе французского правительства Буллит еще раз связался по телефону с государственным департаментом и, наконец, 2 сентября сообщил французскому министру иностранных дел Боннэ, что «президент Рузвельт уполномочил его включить в текст его речи фразу, аналогичную той, что содержалась в речи от 22 февраля 1937 г., но в несколько более смягченной форме»⁶⁸. 3 и 4 сентября Уильям Буллит произнес в Бордо две речи, в которых совершенно определенно заявил, что «как в мирное время, так и в случае войны США и Франция будут вместе»⁶⁹. Несмотря на то что текст речей Буллита подготавливался в течение нескольких дней и был согласован с государственным департаментом и с президентом Рузвельтом, 8 сентября американское посольство во Франции опубликовало специальное опровержение, в котором дезавуировалось предыдущее заявление Буллита о том, что «США при любых условиях будут стоять на стороне Франции»⁷⁰. В существовавшей тогда международной обстановке, когда фашистские Германия и Италия готовили очередной акт агрессии, действия государственного департамента нельзя рассматривать иначе как провокационные: вначале было сделано заявление о защите Франции, а затем оно было официально опровергнуто,—это, конечно, еще сильнее подчеркивало тот факт, что, какие бы акты агрессии не совершали фашистские державы в Европе, США умывают при этом руки. Подобные опровержения нельзя рассматривать иначе как прямое поощрение фашистских стран к новым актам агрессии.

⁶⁷ G. Bonnet, *Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay*, p. 207.

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ «The New York Times», Sept. 4, 1938.

⁷⁰ «The New York Times», Sept. 9, 1938.

На пресс-конференции 9 сентября президент США пошел еще дальше. Он сказал: «В некоторых кругах США и за границей существует совершенно неверное мнение, что США каким-то образом связаны союзными обязательствами с европейскими демократиями в движении «остановить Гитлера», включая обязательство поддержать их в случае войны». Американское правительство, продолжал далее президент, «никоим образом не было связано никакими обязательствами ни с одной иностранной державой в отношении того курса, которого оно будет придерживаться во время войны». На вопрос, есть ли какие-либо основания для все растущего впечатления, что США стали «моральным союзником» блока Великобритании и Франции, имеющего целью «остановить Гитлера», это впечатление, ответил президент, «является на 100 процентов неверным»⁷¹.

Комментируя эти высказывания Рузвельта, германский поверенный в делах в Вашингтоне Томсен писал 10 сентября в Германию следующее: «В американских правительственных кругах все более прочное место начинает занимать мысль о том, что быстрое решение чехословацкой проблемы предпочтительнее, чем продолжающийся кризис. Здесь считают, что внутренняя структура чехословацкого государства настолько ослаблена союзом судетских немцев, венгров, поляков и словаков против Праги, что Чехословацкое государство больше не сможет в будущем осуществлять те функции, которые были для него предназначены при его создании»⁷².

В эти же дни Хэлл принял германского посла в США Дикгофа и сказал ему, что благоприятное изменение американской политики в отношении Германии «произойдет гораздо быстрее, чем это представляют себе германские должностные лица»⁷³.

Во время беседы Кеннеди с советником германского посольства в Лондоне фон Зельцом на вопрос последнего о позиции США в случае всеобщего конфликта Кеннеди опять ответил, что он постарается «удержать Америку вне войны, как это было во время прошлой

⁷¹ «The New York Times», Sept. 10, 1938.

⁷² «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 736.

⁷³ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 594.

мировой войны». Кеннеди вновь проявил себя горячим поклонником гитлеровского режима, рассыпавшись в похвалах его «достижениям», и заявил, что, «по его личному мнению, Гитлер сделал в Германии чудеса». В конце беседы Кеннеди не одобрил грубых приемов Гитлера для достижения своих целей. По мнению Кеннеди, грубость и частые угрозы Гитлера мешают распространению нацистских идей в США. Если бы Гитлер не действовал так грубо, то, по словам Кеннеди, «его (Гитлера.—М. Б.) идеи в экономической и политической области, благодаря которым он достиг таких выдающихся успехов в Германии, имели бы решающее влияние на экономическое развитие Соединенных Штатов и экономическое сотрудничество между всеми странами»⁷⁴. Эти слова говорят сами за себя: американский посол открыто высказал свое одобрение идеям гитлеризма и выразил лишь сожаление по поводу грубых методов, с помощью которых они проводятся в жизнь германскими фашистами; эти идеи пока невозможно применить в США. Кеннеди, однако, был твердо убежден, что со временем гитлеровские идеи будут иметь решающее влияние на экономическое развитие Соединенных Штатов.

Сопоставляя обзор высказываний американской прессы в отношении чехословацкого кризиса, германский поверенный в делах в США Томсен писал, что, хотя в ряде крупных газет и выражается время от времени «благородное негодование» по поводу политики «умиротворения» фашистских агрессоров, проводимой Чемберленом, однако в общем «большая пресса» США относится положительно к гитлеровским притязаниям в отношении Чехословакии и основная мысль всех газетных высказываний сводится к следующему: «В соответствующее время Гитлер добьется того, к чему он стремится, а именно: аннексии Судетской области»⁷⁵.

Недаром английский посол в Вашингтоне Линдсей советовал Галифаксу особенно не обращать внимания на выражение в большой американской прессе «благородного негодования» по поводу британской политики «умиро-

⁷⁴ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 744.

⁷⁵ Ibid., p. 750.

творения» агрессоров. «Я предвижу, — писал он,—что любой компромисс с ней (фашистской Германией.— М. Б.) приведет к некоторому уменьшению дружеских чувств по отношению к нам, как это уже случилось по поводу санкций или из-за отставки Вашего предшественника, но не надо придавать этому слишком большого значения. Это скорее аргумент в пользу твердости, чем аргумент против мудрого соглашения. В пользу последнего всегда будет громадное количество аргументов, в сравнении с которыми колебания американского общественного мнения ничего не стоят. Если соглашение действительно мудрое, мы будем в состоянии позднее восстановить здесь все свои утраченные позиции»⁷⁷.

Только Коммунистическая партия заняла в Соединенных Штатах позицию действительно последовательной борьбы за мир, против фашистской агрессии. 9 сентября 1938 г. в органе компартии—газете «Дейли уоркер» была опубликована передовая статья, озаглавленная: «США держат в своих руках ключ к миру во всем мире». В этой статье указывалось, что от позиции США в очень большой степени зависит, решатся ли фашистские страны начать агрессивную войну: твердая позиция США в защиту системы коллективной безопасности заставит фашистских агрессоров отступить. В статье выдвигалась целая программа конкретных действий, которые правительство США должно было предпринять в защиту мира и коллективной безопасности, а именно: объявить, что американское правительство будет рассматривать нашествие германских войск на Чехословакию как угрозу безопасности США, «объединить вокруг себя все миролюбивые народы, чтобы остановить Гитлера», «наложить эмбарго на поставки военных материалов фашистским странам и немедленно прекратить им эти поставки»⁷⁸.

Наряду с этим американская компартия выступила против роста расходов на вооружение и военные приготовления. «Мы предлагаем,—писала 12 сентября 1938 г. «Дейли уоркер», — американскую политику мира в соответствии с речью президента Рузвельта в октябре 1937 года: мы предлагаем установить карантин для

⁷⁷ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939: Third Series», vol. II, p. 301.

⁷⁸ См. «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 9, 1938.

поджигателей войны, поддержать коллективные действия... Советского Союза и других демократических стран, направленные на то, чтобы остановить и изолировать фашистов, помочь их жертвам и обеспечить мир во всем мире»⁷⁹.

Однако американское правительство в критические дни сентября 1938 года не сделало ни одного конкретного шага по пути создания системы коллективной безопасности и организации коллективного отпора фашистским агрессорам. Правящие круги США—кровь от крови и плоть от плоти американских монополистов—не стремились к созданию системы коллективной безопасности, то есть безопасности для всех, в том числе и для Советского Союза, наоборот, они хотели изолировать Советский Союз, натравить на него Германию и руками фашистских гитлеровцев уничтожить СССР.

Поэтому они не согласились принять советский план поддержания мира, отказались также самостоятельно предпринять какие-либо конкретные шаги в этом направлении. Правящие круги США знали, что коллективный отпор агрессору мог бы в конечном счете привести к краху фашизма в Центральной Европе и к образованию народно-демократических правительств. Эта перспектива никак не устраивала американских империалистов.

Американское правительство продолжало проводить политику выжидания, отказа от всяких решительных шагов и заявлений, что в тех условиях являлось прямым поощрением фашистских захватчиков. Если у немцев после выступлений некоторых официальных лиц еще могли оставаться какие-то сомнения относительно позиции США в случае немецкой агрессии против Чехословакии, то эти сомнения старались рассеять американские дипломаты в Европе, которые неоднократно заявляли гитлеровцам, что США из-за Чехословакии воевать не будут и тут же предупредительно делились с гитлеровцами своими «пессимистическими взглядами на положение в Советском Союзе» и милостиво предоставляли им «свободу рук на Востоке и Юго-Востоке», что являлось, конечно, прямым призывом к агрессии против СССР.

⁷⁹ См. «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 12, 1938.

Правительство США, таким образом, целиком разделяет с реакционными правительствами Чемберлена и Даладые полную ответственность за подготовку мюнхенского сговора. Американские государственные деятели, иногда выступавшие с туманными призывами к коллективным действиям против носителей «международного беззакония», делали это лишь для успокоения общественного мнения, для обмана народа США.

Через своих дипломатов американское правительство принимало тайное, но непосредственное и конкретное участие в подготовке мюнхенского сговора; дипломаты США в Европе по заданию государственного департамента оказывали давление на Чехословакию, побуждая ее пойти на уступки фашистской Германии, они недвусмысленно говорили, что США с «пониманием» относятся к требованиям Германии в отношении Чехословакии, они, наконец, устами официального представителя американского правительства посла Кеннеди заявили гитлеровцам, что США не будут возражать против германской экспансии в восточном направлении, против Советского Союза.

Глава IV

БОРЬБА СССР ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ЧЕХОСЛОВАКИИ, ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОТПОР ФАШИСТСКИМ АГРЕССОРАМ

Советский Союз всегда неуклонно и последовательно проводил политику предотвращения войны на основе обеспечения коллективной безопасности, политику защиты национальной независимости малых стран и народов. Вся история советско-чехословацких отношений в 30-е годы является наглядным подтверждением этого.

В трагические дни Мюнхена Советский Союз был единственным верным и последовательным другом чехословацкого народа. Советское государство было готово оказать любую, в том числе и военную, помощь народам Чехословакии даже без участия Франции при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит советской помощи. Однако тогдашнее буржуазное реакционное чехословацкое правительство, исходя из своих узкоклассовых интересов и под нажимом США, Англии и Франции, не захотело воспользоваться помощью СССР, а предпочло пожертвовать национальными интересами своей страны и позорно капитулировало.

После захвата гитлеровцами власти в Германии некоторые наиболее дальновидные западноевропейские буржуазные политические деятели, обеспокоенные ростом военной угрозы со стороны фашистской Германии, стали искать выход из создавшегося положения на пути сближения с Советским Союзом, на пути создания системы оборонительных союзов на востоке Европы, надеясь таким путем ослабить германскую угрозу.

Одним из наиболее горячих сторонников этой идеи являлся министр иностранных дел Франции Луи Барту, предложивший, чтобы СССР, Германия, Польша, Чехословакия и прибалтийские страны заключили между собой Восточноевропейский пакт о взаимной помощи. Франция должна была стать гарантом этого пакта, а СССР, в свою очередь, после некоторых изменений Локарнского пакта, должен был принять на себя обязательства гарантии выполнения Локарнского соглашения. Советское правительство согласилось на предложение Барту, однако из-за отрицательного отношения к этому Германии и Польши из идеи заключения Восточноевропейского договора о взаимопомощи ничего не вышло. Тогда Барту решил ограничиться заключением франко-советского и чехословацко-советского договоров о взаимопомощи. Однако Барту не удалось это выполнить: 9 октября 1934 г. он был убит в Марселе фашистами-устамими.

После смерти Барту французским министром иностранных дел стал Лаваль. Он не мог отказаться от подписания советско-французского договора о взаимопомощи, так как это вызвало бы возмущение французского общественного мнения. Однако Лаваль, как это вынужден признать даже такой реакционер и враг Советского Союза, как Поль Рейно, «лишил франко-советский договор его главного содержания. Проект договора, составленный Барту, содержал условие, при котором, если одна из сторон (Россия или Франция) станет объектом агрессии со стороны какого-либо европейского государства, то СССР и Франция взаимно обязываются немедленно оказать друг другу помощь и поддержку. Лаваль вычеркнул это условие, которое являлось душой договора»¹.

«Истина заключалась в том,—говорил Рейно,—что Лаваль враждебно относился к союзу с Россией»².

Все же 2 мая 1935 г. франко-советский договор был подписан. Подписывая договор, Лаваль хотел прежде всего успокоить французское общественное мнение, призывавшее к сближению с Москвой, и тем самым развязать себе руки для сотрудничества с Германией. Как указывает в своих мемуарах «На службе Чехосло-

¹ См. P. Reynaud, *La France a sauvé l'Europe*, P., 1948, p. 112.

² *Ibid.*

вацкой республики» чехословацкий общественный и политический деятель Зденек Фирлингер, Лаваль «сам признавался близким знакомым, что предварительно получил согласие Гитлера на этот «тур вальса с Советским Союзом», заверив его, что не принимает этот пакт всерьез»³.

Согласно франко-советскому договору о взаимопомощи, оба государства брали на себя обязательства в случае угрозы или опасности нападения на одно из них со стороны третьего европейского государства «приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановлений статьи 10 устава Лиги наций», а в случае, если бы против одной из стран была бы совершена неспровоцированная агрессия третьей европейской державой, то «Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку»⁴. В протоколе, приложенном к договору, было указано, что «следствием статьи III является обязательство каждой договаривающейся стороны оказать немедленно помощь другой, сообразуясь безотлагательно с рекомендациями Совета Лиги наций, как только они будут вынесены в силу статьи 16 устава. Условлено также, что обе договаривающиеся стороны будут действовать согласно, дабы достичь того, чтобы Совет вынес свои рекомендации со всей скоростью, которой требуют обстоятельства, и что если, несмотря на это, Совет не вынесет, по той или иной причине, никакой рекомендации, и если он не достигнет единогласия, то обязательство помощи тем не менее будет выполнено»⁵. Однако, несмотря на такие довольно определенные отдельные формулировки советско-французского договора о взаимопомощи, французские реакционеры постарались всячески выхолостить суть этого договора. Они всеми силами препятствовали заключению франко-советской военной конвенции, которая должна была бы конкретно определять размеры и пути оказания друг другу военной помощи.

Почти одновременно с франко-советскими происходили и советско-чехословацкие переговоры, закончив-

³ Zdeněk Fierlinger, *Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje*, t. I, str. 27.

⁴ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 31—32.

шиеся заключением советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. Текст этого договора в основном воспроизводил соответствующие статьи советско-французского договора, однако в пункте 2 протокола содержалась одна очень важная оговорка, которая гласила, что «оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь Стороне—жертве нападения будет оказана со стороны Франции»⁶. Эта оговорка лишала французское правительство возможности односторонне уклониться от выполнения обязательств франко-чехословацкого союзного договора и переложить на СССР всю тяжесть оказания помощи жертве агрессии. «Наше соглашение с СССР,—пишет Зденек Фирлингер,—вступало в силу лишь при условии, если Франция выполнит все свои обязательства. В дни Мюнхена оказалось, что такая оговорка в советско-чехословацком договоре сделала его в решающий момент недействительным. За Советским Союзом остались в лучшем случае моральные обязательства, от которых, как известно, Москва отнюдь не уклонялась»⁷.

После подписания 16 мая 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи он был вскоре ратифицирован обеими сторонами, и отношения между СССР и Чехословакией в последующие три года носили дружественный характер. Но упрочению этих хороших отношений между СССР и Чехословакией мешала, однако, неискренняя и двуличная политика чехословацких правящих кругов. С одной стороны, они стремились опереться на помощь Советского Союза против угрозы гитлеровской Германии, с другой стороны, они заигрывали с фашистской Германией, вели борьбу против прогрессивных сил внутри Чехословакии, шли на поводу у фашистской Германии в некоторых важных вопросах внешней политики.

Так, во время гражданской войны в Испании республиканское правительство перевело 1 млн. ф. ст. в Прагу для закупки оружия. Чешский Националь-

⁶ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 39.

⁷ Zdeněk Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 27.

ный банк, ссылаясь на работу «Комитета по невмешательству», не только отказался поставить на эту сумму закупленное оружие, но отказался даже вернуть эти деньги испанскому республиканскому правительству.

С благословения правящих кругов Чехословакии большую пронацистскую деятельность развил в Германии чехословацкий посланник в Берлине Мастны, который во время бесед с гитлеровскими правителями пытался убедить их в своем хорошем к ним отношении, обещал добиться запрета деятельности немецких антифашистов и высылки их за пределы Чехословакии, также обещал добиться разрешения у своего правительства на издание книги Гитлера «Майн кампф» в Чехословакии и т. д. Еще в ноябре 1937 года Мастны заявил статс-секретарю германского МИД Маккензену, что он, Мастны, относится к числу тех чехов, «которые искренне обеспокоены тем, не окажутся ли особые отношения с Россией, порожденные критическими обстоятельствами.., тяжким бременем для политической позиции Чехословакии в вопросах отношений с другими государствами»⁸. Так официальный дипломатический представитель Чехословакии в Берлине совершенно прямо высказывал гитлеровцам свое отрицательное отношение к советско-чехословацкому договору о взаимопомощи — этому краеугольному камню в системе чехословацкой обороны против германской агрессии. Более того, Мастны, стремясь продемонстрировать свое усердие в деле достижения сотрудничества с фашистской Германией, выдвинул идею о необходимости тесного сотрудничества чехословацкой полиции с гестапо «для проведения оборонительных мероприятий против коммунизма»⁹, то есть встал на путь прямого предательства национальных интересов своей страны. По инициативе Мастны в Германию для изучения немецкого «опыта» были направлены два высокопоставленных офицера чехословацкой полиции¹⁰.

Особенно антисоветски и пронацистски были настроены лидеры чехословацкой аграрной партии: премьер-министр Годжа и вице-премьер Беран. В беседе с немец-

⁸ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 35.

⁹ Ibid., p. 36.

¹⁰ Ibid.

ким посланником в Праге Эйзенлором 27 февраля 1938 г. Беран заявил ему, что «аграрная партия настроена против идеи коллективной безопасности и является сторонницей сближения с Германией». По словам Берана, его партия—непримиримый противник коммунизма, но она «не может рисковать разрывом договорных отношений с Советской Россией, пока не будет знать, что ее усилия будут оценены нами»¹¹.

Во время другой беседы с Эйзенлором Беран призывал Германию вмешаться во внутренние дела Чехословакии, он говорил ему, что «Германия должна помочь ликвидировать в Чехословакии марксизм или решительно его ослабить». Беран также объявил себя сторонником сближения Чехословакии с фашистской Германией и противником советско-чехословацкого и франко-чехословацкого договоров о взаимной помощи. «Если будут установлены удовлетворительные отношения с рейхом,—сказал он Эйзенлору,—то пакты с Францией и Россией потеряют свое значение и важность, даже если они формально и будут существовать»¹².

Чехословацкие правящие круги заявляли о своей готовности расторгнуть советско-чехословацкий договор о взаимопомощи не только гитлеровцам, но и англо-французским мюнхенцам и их американским покровителям. Например, 30 августа 1938 г., в те дни, когда опасность германского вторжения в Чехословакию стала уже совершенно явной, чехословацкое правительство пошло на прямой акт национальной измены, поставив в известность британское правительство, что оно «готово обсудить свои политические связи с Советской Россией»¹³. Тем самым буржуазное правительство Чехословакии готово было в угоду англо-франко-американским империалистам само, своими руками, выбить основной, краеугольный камень в обороне своей страны, каким являлся советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

Совершенно правильно Фирлингер пишет: «...Внутренний враг усиливался и находил все больше союзников

¹¹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, pp. 141—142.

¹² Ibid., pp. 195—196.

¹³ Ibid., p. 61.

не только в среде чехословацких немцев, но и среди правых политических партий. Всем известно, что на последних выборах партия Генлейна получила голоса почти всех немцев и смогла выступить как сильнейшая партия лишь потому, что пользовалась поддержкой аграриев... Реакционные аграрии собирались использовать генлейновскую оппозицию в борьбе против социалистических течений, для того чтобы добиться изменения курса нашей внешней политики. Аграрии верили, что таким путем можно будет наладить мирные отношения с Гитлером и с фашизмом»¹⁴.

Но не только лидеры аграрной партии пытались заигрывать с фашистской Германией: не менее гнусную политику вел и сам президент Бенеш. Еще в декабре 1936 года он принял гитлеровских эмиссаров и беседовал с ними в течение семи часов. Известный чехословацкий историк Ян Пахта пишет: «После подробного обсуждения экономических, политических и национальных вопросов, обнаружившего каких-либо принципиальных разногласий между участниками беседы, Бенеш предложил гитлеровским представителям, чтобы министерства внутренних дел Германской империи и нашей (Чехословацкой.—М. Б.) республики, в том случае, если чехословацко-германское соглашение будет заключено, договорились о сотрудничестве в деле борьбы с пропагандой и деятельностью Коммунистического Интернационала на чехословацкой и германской территориях. Это соглашение о совместных действиях против коммунизма не должно было бы включаться в союзное соглашение, но составило бы лишь его секретное дополнение»¹⁵. Гитлер не принял этого предложения Бенеша, так как не хотел связывать себе руки обязательством отказаться в дальнейшем от посягательств на целостность Чехословакии. Однако Бенеш еще не раз возвращался к своей идее антисоветского и антикоммунистического союза Чехословакии с Германией. Так, во время беседы с Эйзенлором 11 ноября 1937 г. Бенеш подчеркнул, как писал сам Эйзенлор, что «он (Бенеш.—М. Б.) никогда

¹⁴ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 36—37.

¹⁵ «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. Сборник докладов, прочитанных на научной конференции историков в Праге в ноябре 1949 г.», ИЛ, 1951, стр. 81.

не станет заигрывать с третьими странами за нашей спиной, если можно будет достигнуть постоянных взаимоотношений с Германией...»¹⁶. Он заявил Эйзенлору, что «его пакт с Россией—это пережиток прежней эпохи». По словам Эйзенлора, Бенеш сказал ему, что «он не допускает коммунистической пропаганды и хочет установить регулярное сотрудничество своей охранной полиции с нашей (то есть с гестапо.—М. Б.), чтобы обнаруживать и пресекать такую пропаганду»¹⁷. Во время беседы с немецким поверенным в делах в Праге Генке 27 августа 1938 г. Бенеш вновь подчеркнул, что в случае установления добрососедских отношений с Германией «вопрос о пакте с Россией потеряет практически всякую актуальность»; Бенеш, по словам Эйзенлора, опасался лишь двух вещей: «войны и, после этого, большевистской революции»¹⁸.

Фирлингер опубликовал в феврале 1952 года в газете «Руде право» статью под названием «Политика нашей буржуазии была направлена против мира». В этой статье Фирлингер дает уничтожающую характеристику предательской роли Бенеша, которую тот сыграл как в роковые дни Мюнхена, так и после них. По словам Фирлингера, Бенеш еще в 1929 году выпустил секретную книгу «Мой ответ д-ру Крамаржу», где высказывался за интервенцию империалистических держав против Советской России. «Несмотря на неудачу военной интервенции против России,—пишет Фирлингер,—он остался принципиальным противником какого бы то ни было соглашения с Советской Россией».

Книга Бенеша «Мой ответ д-ру Крамаржу» помогает лучше понять политику Бенеша и в последующее время, в те годы, когда гитлеровская Германия начала угрожать миру в Европе и независимости Чехословакии. «И тогда Бенеш в порядке тайных переговоров готов был отказаться от союзного договора с Советским Союзом, одновременно делая вид, что стремится к заключению этого

¹⁶ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D» (1937—1945)», vol. II, p. 37.

¹⁷ Ibid., p. 132.

¹⁸ Ibid., p. 633.

договора., — пишет Фирлингер. — В этом отношении его политика была аналогична политике Лавала, который заключением союзного договора с Советским Союзом лишь подыгрывался к широкому движению народа, видевшему в Советском Союзе своего союзника и защитника в борьбе против фашизма и нацизма. Но и позже в момент величайшей опасности, грозившей стране в дни Мюнхена, когда открытая и решительная политика, ориентирующаяся на помощь Советского Союза и всех прогрессивных сил Европы, могла спасти Чехословакию, Бенеш остался верен своей политике беспрекословной зависимости от западной буржуазии и ее дипломатии. Он не изменил своей точки зрения и в период второй мировой войны. Больше того, он продолжал проводить эту политику и в послевоенные годы, когда англо-американский империализм хотел снова вовлечь нас в антисоветскую коалицию и превратить в активных участников его темных и преступных планов».

Еще более убийственную характеристику деятельности Бенеша дал заместитель председателя Совета Министров Чехословакии В. Копецкий в своем докладе «За марксистско-ленинскую идейность и партийность против космополитизма и объективизма в науке». Копецкий отмечает, что «именно д-р Бенеш из всех сил пытался поставить существование Чехословацкой республики в полную зависимость от милости западных держав... Д-р Бенеш стремился к тому, чтобы культивируемая вера в союз с предательскими западными державами разоружила народы Чехословакии, толкала их на путь самоубийства... Он содействовал распространению мысли о капитуляции, подкрепляемой теорией о незначительности нашего народа и о невозможности защищать нашу родину от агрессоров. И в роковые дни Мюнхена в 1938 году на действиях Бенеша можно было видеть, к каким последствиям приводят утрата национальной гордости, космополитизм, служение чужим интересам и равнодушие к судьбам собственного народа. Космополитический характер взглядов привел его к тому, что он подчинился мюнхенскому диктату западных держав и стал могильщиком чехословацкой самостоятельности. В то время как чехословацкий народ, исполненный любви к родине и преданный идее чехословацкой самостоятельности, был готов защищать республику, д-р Бе-

неш предавал республику и бросил народ Чехословакии на произвол немецкого фашизма»¹⁹.

Таким образом, чехословацкие правящие круги, выражавшие интересы реакционной чехословацкой буржуазии, которая боялась и ненавидела свой народ и готова была ради сохранения своих классовых привилегий пойти даже на предательство национальных интересов, не хотели настоящего искреннего сотрудничества с Советским Союзом. Они боялись фашистской Германии, но еще больше боялись того, что союз с СССР может укрепить позиции демократических сил внутри Чехословакии. Поэтому они проводили политику заигрывания с фашистской Германией, они шли на поводу у англо-французских «умиротворителей» и их американских покровителей, стремившихся ценою выдачи Чехословакии фашистской Германии подтолкнуть Германию на агрессию против Советского Союза. В докладе чехословацкого историка Яна Пахты делаются совершенно правильные выводы о том, что «в мюнхенской капитуляции наша (то есть чехословацкая.—М. Б.) буржуазия приняла участие как класс, в том числе и ее так называемые «демократические» деятели, которые с самого момента создания нашей государственной и национальной самостоятельности в большинстве своем занимали антисоветскую позицию и поддерживали прямо или косвенно несправедливый эксплуататорский строй в нашей (то есть Чехословацкой.—М. Б.) республике»²⁰.

Подобная неискренняя позиция чехословацкого правительства, являвшаяся по существу позицией национального предательства, конечно, не могла не мешать развитию советско-чехословацкого сотрудничества. Однако, несмотря на такую позицию чехословацких правящих кругов, Советское правительство всегда делало все от него зависящее, чтобы добросовестно выполнять свои обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи, всячески содействовало укреплению обороноспособности Чехословацкой республики. «Внешняя

¹⁹ См. В. Копецкий, За марксистско-ленинскую идейность и партийность, против космополитизма и объективизма в науке, «Rudé právo», 23 февраля 1952.

²⁰ «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. Сборник докладов, прочитанных на научной конференции историков в Праге в ноябре 1949 г.», стр. 79.

политика Советского Союза,—пишет Фирлингер,—была целиком верна идее коллективной безопасности... Советский Союз был искренне предан этой идее, несмотря на то что обстановка в остальной Европе могла побудить его к комбинациям вроде тех, на которые шли многие политики других стран, как, например, полковник Бек, Жорж Боннэ, Лаваль и др., стремившиеся соглашением с фашизмом купить себе безопасность за счет другого государства. Историческая заслуга СССР в том, что он никогда не дал себя соблазнить подобной дешевой игрой»²¹.

Выступая 8 июня 1935 г. на приеме в честь находившегося тогда в Советском Союзе Э. Бенеша, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил: «Продолжающаяся систематическая упорная борьба против коллективной организации безопасности требует усиленной деятельности со стороны тех государств, которые в этой организации заинтересованы. Наши государства внесли свою лепту в это дело, но я уверен, что на этом не остановится их дальнейшая совместная работа за мир. Этим сотрудничеством, равным образом дальнейшим развитием экономических и культурных отношений мы будем заполнять вновь открывшуюся страницу истории взаимоотношений наших государств»²². И Советский Союз действительно делал все от него зависящее для укрепления и развития советско-чехословацкого сотрудничества во всех областях, в том числе и в экономической, и в военной.

В конце мая 1935 года, вскоре после подписания советско-чехословацкого договора, СССР посетила чехословацкая военная делегация во главе с командующим авиацией генералом Файфром. В августе 1935 года советская военная делегация, возглавляемая маршалом Шапошниковым, принимала участие в маневрах чехословацкой армии. В сентябре 1935 года начальник генерального штаба чехословацкой армии генерал Крейчи присутствовал на маневрах Красной Армии. Эти маневры произвели на него настолько большое впечатление, что он выступил со специальным заявлением, в котором

²¹ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 41.

²² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 45.

выражал свое восхищение Красной Армией. «Подобные заявления и демонстрации разного рода, а также практическое сотрудничество в области авиации, взаимопомощь в вооружении, взаимная политическая и военная информация и т. д.,—признает Бенеш,—имели место и в 1936 и 1937 годах еще более часто...»²³.

В 1937 году между Москвой и Прагой была достигнута договоренность о регулярном обмене военными миссиями. Летом 1937 года в Чехословакию прибыла советская военная миссия, которая осмотрела чехословацкие пограничные укрепления, военные заводы и авиацию. Было заключено соглашение об оказании Советским Союзом помощи Чехословакии в деле оснащения ее аэродромов.

В этом же году Фирлингер, который был в то время посланником Чехословакии в СССР, договорился с руководителями Советского правительства о поставках Чехословакии советских самолетов и о покупке у СССР патента на их производство. Для переговоров с представителями Советского правительства о взаимных поставках оружия в Москву прибыл генеральный директор оружейных заводов Шкода инженер Громадко, представитель чехословацкой химической промышленности генерал Гусак и представитель оружейных заводов в Брно. В начале 1938 года Громадко подписал с СССР в Москве соглашение об экономическом сотрудничестве, согласно которому Чехословакия и СССР должны были делиться новейшим техническим опытом, и СССР, кроме того, гарантировал Чехословакии новые промышленные заказы.

В середине 1938 года Прагу посетили представители Вооруженных Сил СССР, которые встретились и обсудили с представителями чехословацкого генерального штаба ряд вопросов, осмотрели пограничные укрепления и встретились с чехословацким министром обороны. В апреле 1938 года была оформлена продажа Чехословакии 40 самолетов, причем по просьбе представителей Чехословакии первый платеж за них был отсрочен месяца на три-четыре²⁴.

²³ E. Beneš, Paměti. Od Mnichova knové válce a k novému vítězství t. I, str. 65—66.

²⁴ См. «Новые документы из истории Мюнхена», Госполитиздат, 1958, стр. 29.

В мае 1938 года Фирлингер писал президенту Бенешу о ходе советско-чехословацких экономических переговоров: «Я полагаю, что у советских представителей складывается хорошее впечатление от общения с генералом Гусаком и инженером Громадко... Незадолго перед отъездом генерала Гусака нам был предложен проект широкого технического сотрудничества, о котором Вам подробнее доложит генерал Гусак.

Руководствуясь Вашими указаниями, генерал Гусак в моем присутствии на вопрос об отношении к подобному сотрудничеству ответил положительно, причем с полной определенностью и без всяких оговорок. Я был очень рад этому, ибо чем дальше, тем больше сознаю, до какой степени наши государственные интересы требуют лояльности и теснейшего контакта с Советским Союзом, который становится важным фактором стабилизации Европы»²⁵. Как указывает Фирлингер, чехословацкий военный атташе в Москве полковник Дастых также являлся горячим сторонником советско-чехословацкого сближения.

В течение первой половины 1938 года инженер Громадко с группой экспертов еще дважды побывал в Москве и получил возможность осмотреть некоторые авиационные заводы. Вместе с Громадко в СССР приезжал генерал Гусарек, ведавший в Чехословакии строительством пограничной укрепленной зоны. Гусареку «было показано все, что нам требовалось знать,—как признает сам Бенеш,—то есть состояние работ по подготовке советских войск к обороне своей территории, состояние военной промышленности и особенно состояние боевой готовности наземных войск и авиации»²⁶. В конце июня 1938 года чехословацкие военные и промышленные специалисты были приняты И. В. Сталиным²⁷. В Москве между представителем чехословацкого генерального штаба полковником Фр. Моравцем и советскими военачальниками было достигнуто соглашение о сотрудничестве в области военной информации. В конце июля 1938 года чехословацкий авиационный атташе поручик

²⁵ Zd. Fierlinger, *Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje*, t. I, str. 69.

²⁶ E. Beneš, *Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství*, t. I, str. 69.

²⁷ См. Zd. Fierlinger, *op. cit.*, t. I, str. 119.

Пекарж был принят командующим советскими военно-воздушными силами, который имел с ним продолжительную беседу. Во время этой беседы произошел обмен информацией о состоянии советской и чехословацкой военной авиации.

В начале августа в Москву опять прибыл инженер Громадко в сопровождении начальника артиллерийского управления министерства национальной обороны генерала Нетика и представителя оружейных заводов в Брно генерала Мара. Они вели переговоры о дальнейшем укреплении сотрудничества между СССР и Чехословакией в военной и промышленной областях.

Таким образом, Советское правительство добросовестно выполняло советско-чехословацкий договор о взаимной помощи и делало все возможное для укрепления советско-чехословацкого сотрудничества.

Захват Австрии гитлеровской Германией создал угрозу независимости Чехословацкого государства. Советский Союз был первым и единственным государством, которое сразу же после захвата Австрии четко и определенно заявило, что оно добросовестно выполнит свои обязательства по отношению к Чехословакии. 15 марта 1938 г. на приеме в иранском посольстве к М. М. Литвинову обратились корреспонденты с просьбой высказаться по вопросу о позиции СССР в случае нападения Германии на Чехословакию. Литвинов ответил, что «СССР, разумеется, выступит на помощь Чехословакии»²⁸. На вопрос, каким же путем Советский Союз сможет вмешаться в конфликт, он ответил: «Уж какой-нибудь коридор всегда найдется»²⁹. Позднее в отдельном интервью корреспонденту французской газеты «Тан» Литвинов вновь подчеркнул, что для оказания помощи Чехословакии «пути будут найдены»³⁰.

15 марта Фирлингер был принят заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкиным. Во время беседы Потемкин подчеркнул: «Что касается Советского Союза, то никто и никогда не мог

²⁸ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. I, p. 65.

²⁹ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 72.

³⁰ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. I, p. 65.

еще упрекнуть его в уклонении от принятых им на себя международных обязательств»³¹. Фирлингер рассказал Потемкину о своей беседе с французским послом в Москве Кулондром, во время которой Фирлингер заявил Кулондру, что он «уверен в лояльном выполнении Советским Союзом своих договорных обязательств в отношении Чехословакии»³².

17 марта 1938 г. народный комиссар иностранных дел Литвинов принял иностранных и советских корреспондентов и изложил им точку зрения правительства СССР относительно международной ситуации, сложившейся в результате новых актов агрессии в Европе. Осудив гитлеровскую агрессию против Австрии, Литвинов подчеркнул, что захват Австрии создает угрозу «территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное порабощение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты»³³. Литвинов заявил, что Советское правительство «по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»³⁴.

Министр иностранных дел Чехословакии приветствовал заявление народного комиссара иностранных дел и

³¹ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 17.

³² Там же.

³³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 343.

³⁴ Там же, стр. 344.

заявил советскому поверенному в делах Александровскому, что оно само по себе «является значительной поддержкой для Чехословакии»³⁵. «Уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии, в случае действительной нужды, — заявил позднее Крофта в другой беседе с советским поверенным в делах, — действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию»³⁶.

Однако шаги Советского Союза, вытекавшие из договора с Чехословакией, не встретили поддержки со стороны западных держав. Британский министр иностранных дел лорд Галифакс совершенно откровенно высказался против системы коллективной безопасности, против конференции, в которой не будут участвовать страны-агрессоры. В ответ на ноту посла СССР Майского он заявил: «По мнению Правительства Его Величества, конференция, на которой будут присутствовать лишь некоторые европейские державы и которая ставит себе целью не столько достигнуть урегулирования важнейших проблем, сколько организовать объединенные действия против агрессии, не обязательно будет иметь положительный эффект на перспективы мира в Европе»³⁷. Такого же мнения придерживались и Соединенные Штаты Америки.

В течение всего критического полугодия с апреля по сентябрь 1938 года Советское правительство, верное заключенным договорам, не оставляло ни у кого сомнений в том, что оно обязательно выполнит свои обязательства по советско-чехословацкому договору.

Через несколько дней после заявления Литвинова иностранным и советским корреспондентам советский посол в Париже Суриц в разговоре с французскими государственными деятелями вновь откровенно заявил, что СССР окажет Чехословакии помощь, предусмотренную советско-чехословацким договором. На вопрос Поля Бонкура, какова будет позиция Советского Союза, если Франция будет вынуждена прийти на помощь Чехосло-

³⁵ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 23.

³⁶ Там же, стр. 50—51.

³⁷ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. I, p. 110.

вакии, Суриц сказал, что «русское правительство ответило, что оно немедленно выполнит свои обязательства»³⁸.

Советское правительство придавало очень большое значение укреплению советско-чехословацких отношений. Как сообщил Фирлингер в МИД Чехословакии, в середине апреля в Кремле состоялось совещание, посвященное советско-чехословацким отношениям, на котором присутствовали государственные деятели СССР. Доклад о политическом положении в Чехословакии сделал советский полпред в Чехословакии Александровский³⁹. О решениях этого совещания Фирлингер был немедленно поставлен в известность заместителем наркома иностранных дел СССР Потемкиным, причем Фирлингера просили немедленно передать эту информацию в Прагу. Суть принятого решения, по словам Фирлингера, сводилась к тому, что «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать. Ворошилов настроен весьма оптимистически. Желание оказать действительную помощь будет здесь всегда, пока Чехословакия не откажется от проведения демократической политики»⁴⁰.

Во время майских дней Советский Союз посетила чехословацкая делегация, которая была принята председателем ЦИК СССР М. И. Калининым. Как писала чехословацкая пресса, Калинин заявил, что «Советская Россия всегда выполняла каждое соглашение, заключенное ею с иностранным государством, и именно так она и поступит в случае агрессии против Чехословакии. Если договоры о дружбе между СССР, Францией и Чехословакией будут такими прочными, как того хочет Советская Россия, они окажут положительное влияние на британскую политику и будут иметь еще большее значение, чем они имеют сейчас»⁴¹.

³⁸ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. I, p. 197.

³⁹ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 26.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. I, pp. 288—289.

Летом 1938 года международная обстановка стала очень напряженной и вопрос о советской помощи Чехословакии приобрел сугубо практическое значение. Поэтому Советское правительство занялось изысканием конкретных путей оказания военной помощи Чехословакии, изучением возможности оказания такой помощи через территорию Румынии, Польши, прибалтийских стран. Советское правительство стало также все время настаивать перед Францией и Чехословакией на необходимости проведения консультаций генеральных штабов и заключения военных конвенций.

В середине мая 1938 года в Женеве проходила 101 сессия Лиги Наций. Во время сессии М. М. Литвинов имел беседу с французским и английским министрами иностранных дел Боннэ и Галифаксом и с румынским представителем Комненом. Боннэ опять задал Литвинову вопрос, что предпримет Советский Союз, если наступит конфликт в отношениях между Германией и Чехословакией. Литвинов сказал Боннэ, что СССР отделяют от Германии Прибалтика, Польша и Румыния и необходимо совместно и срочно оказать дипломатическое давление на эти страны, чтобы добиться их согласия на пропуск советских войск. Литвинов во время беседы с Боннэ поставил также вопрос о необходимости начать переговоры между французским и советским генеральными штабами по поводу военных мероприятий, необходимых для оказания помощи Чехословакии. В ответ Боннэ предложил вместо переговоров между генштабами провести переговоры через французского военного атташе в Москве, а также, «вздыхая, заявил, что Польша и Румыния решительно сопротивляются пропуску наших (советских.—М. Б.) войск, и на этом... разговор прекратился»⁴². Никаких результатов не дали и беседы с Галифаксом и Комненом. Во время этой беседы Литвинова с Боннэ и Галифаксом ярко проявилась антисоветская тенденция англо-французских правящих кругов, их стремление втянуть СССР в войну с Германией, а самим уклониться от выполнения своих обязательств и остаться в стороне. Правящие круги Англии, Франции и США, как уже точно установлено, отнюдь не были заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в ее

⁴² См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 41—45.

защите от угрозы германской агрессии, они готовы были вслед за Австрией отдать Гитлеру и Чехословакию, лишь бы он начал свой антикоммунистический крестовый поход против СССР; их идеалом была не система коллективной безопасности, а антисоветский пакт четырех при молчаливом покровительстве США.

В связи с тем, что панская Польша не скрывала своих намерений использовать возможную агрессию гитлеровской Германии против Чехословакии для того, чтобы урвать в свою пользу часть чехословацкой территории, Советское правительство дало понять, что эти действия нельзя будет рассматривать иначе, как прямую помощь Германии и совместное с ней наступление на Чехословакию. Советское правительство незамедлительно поручило полпредству СССР во Франции выяснить у Боннэ, будет ли Франция считать себя союзницей Польши в соответствии со смыслом франко-польского союзного договора, если СССР решит оказать отпор польской интервенции против Чехословакии, или нет. При этом в телеграмме указывалось, что Советский Союз нисколько не опасается проникновения в печать слухов об этом демарше, «который уже сам по себе может несколько удерживать Польшу от осуществления своих агрессивных замыслов»⁴³. 8 июня советский поверенный в делах в Париже посетил Боннэ с целью выяснить вопрос о поведении Франции в случае нападения Польши на Чехословакию. Боннэ уклонился от ясного ответа, сказав, что нет необходимости обсуждать вероятность польского нападения на чехов, поскольку польский посол в Париже Лукасевич в ответ на неоднократные запросы с полной определенностью заявил от имени своего правительства, что в случае нападения Германии на Чехословакию Польша останется нейтральной. Боннэ также высказался против конкретизации условий советско-французского военного сотрудничества, так как «сейчас, когда Англия так тесно сотрудничает с Францией в решении центральноевропейской проблемы, нужно избегать всего, что вызвало бы неудовольствие английских консерваторов»⁴⁴.

9 июня на приеме у американского посла в СССР Джозефа Дэвиса состоялась беседа Литвинова с Фир-

⁴³ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 52.

⁴⁴ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 110—113.

лингером и французским послом Кулондром. Литвинов вновь поставил вопрос о том, чтобы Франция повлияла на Румынию и Польшу и правительства этих стран разрешили проход советских войск на помощь Чехословакии через свою территорию. «По мнению Литвинова, возможность прохода советских войск через Румынию,— пишет Фирлингер об этой беседе,—очень важна, не говоря уже о немедленной помощи авиацией. Необходимо незамедлительно наладить связь между советской и чехословацкой территориями». Фирлингер согласился с этим, сказав, что «лучшим решением вопроса был бы, разумеется, проход войск через Польшу, но в нынешней обстановке необходимо предусмотреть транзит через Румынию». Фирлингер также спросил Литвинова, «возможно ли в случае вооруженного советского выступления дать «транзитным государствам», то есть Польше и Румынии, полную гарантию их территориальной целостности? Литвинов ответил, что это само собой разумеется»⁴⁵. Таким образом, Советское правительство делало все от него зависящее, чтобы устранить препятствия, мешавшие оказанию эффективной помощи Чехословакии.

25 июня 1938 г. Фирлингер беседовал с английским послом в Москве лордом Чилстоном. Последний поинтересовался мнением Фирлингера о возможной позиции Советского Союза в случае конфликта. Фирлингер сказал ему, что «Советское правительство при каждом подходящем случае заверяет нас, что полностью выполнит свои союзные обязательства», и рассказал о решениях апрельского совещания в Кремле, о которых было поставлено в известность чехословацкое правительство⁴⁶.

«Литвинов,—пишет Фирлингер,—не упустил ни одной возможности подготовить почву для улучшения отношений с Румынией и Польшей, ибо от сотрудничества с этими странами зависела эффективность советской помощи Чехословакии»⁴⁷.

По просьбе Литвинова и Потемкина, Фирлингер неоднократно просил Кулондра, чтобы тот настоял в Па-

⁴⁵ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 108.

⁴⁶ Ibid., str. 114—115.

⁴⁷ Ibid., str. 117.

риже на необходимости совместных совещаний представителей генеральных штабов, однако ответы Кулондра становились все более уклончивыми.

В июле 1938 года Фирлингер имел в Праге беседу с президентом Бенешем, во время которой выразил свое твердое убеждение в том, что СССР выполнит свои обязательства перед Чехословакией. «В том, что она (Москва.—М. Б.) пойдет с нами и окажет нам поддержку, у меня нет сомнений», — сказал Фирлингер⁴⁸.

После возвращения из Праги Фирлингер встретился с Литвиновым и спросил его, «каково его мнение о территориальных уступках, на которых, возможно, будет настаивать Ренсимен, и порекомендует ли нам Советский Союз такую хирургическую операцию при условии, что мы за это получим совместную гарантию безопасности Чехословакии от всех четырех держав. Надо учитывать, что в противном случае та же ампутация может быть позднее навязана нам на еще худших условиях. Литвинов решительно предостерег от подобных уступок, разумеется, тотчас прибавив, что Советское правительство не может давать нам никаких советов»⁴⁹.

Во время пребывания Литвинова в Женеве в середине августа он вновь беседовал с румынским министром иностранных дел Комненом о проходе советских войск через румынскую территорию в случае, если Советский Союз должен будет прийти на помощь Чехословакии. Румыния в принципе выразила на это согласие, при условии, что Франция будет на стороне Чехословакии и что—как следовало ожидать—Лига наций осудит немецкую агрессию. 11 августа Литвинов встретился в Женеве с Боннэ и вновь подтвердил позицию Советского Союза относительно выполнения Советским Союзом своих обязательств по советско-чехословацкому пакту. Боннэ, однако, вернулся в Париж, так и не дав Литвинову ясного ответа, как поступит в этом случае Франция.

Вскоре после этих бесед Потемкин информировал Фирлингера об их результатах, повторив заявление «о несомненном желании и воле Советского Союза всеми средствами выступить за нас. Предложение созвать совещание генштабов, говорил Потемкин, не связано

⁴⁸ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 127.

⁴⁹ Ibid., str. 130.

с остальными советскими предложениями о совместной декларации держав и о применении статьи 11 Устава Лиги наций: эти предложения выдвинуты для того, чтобы предпринять что-нибудь и в политическом плане, и о них можно спорить. Советское правительство хочет совместных военных мероприятий для того, чтобы противостоять кампании некоторых кругов, утверждающих, что Советы подстрекают Чехословакию к несговорчивости и провоцируют в Европе войну, в которой сами в конечном счете не будут участвовать, используя ее для подрывной пропаганды»⁵⁰. Потемкин также показал Фирлингеру телеграмму Литвинова о женевских беседах с Боннэ. Из телеграммы явствовало, что Боннэ отверг все предложения Литвинова, мотивировав отказ неприемлемостью этих предложений для англичан. Сам же Боннэ ничего взамен этого не предложил.

Советское правительство все время пыталось побудить правительства западноевропейских стран занять более твердую позицию по отношению к германской агрессии, пыталось договориться с ними о совместных действиях по поддержанию системы коллективной безопасности. 17 августа советский посол в Великобритании Майский посетил лорда Галифакса с целью убедить английское правительство более четко определить свое отношение к германской агрессии против Чехословакии. Галифакс на это ответил: «Мы уже определили нашу позицию перед парламентом в речи 24 марта, и не может быть и речи об изменении того, что было нами сказано. Майский выразил сожаление,—записал Галифакс,— что мы не считаем возможным определить нашу позицию более точно, и сказал, что в случае любого нападения Германии на Чехословакию Советское правительство, говоря его словами, «конечно, исполнит свой долг»⁵¹.

В конце августа германский посол в Москве фон дер Шуленбург попытался выяснить у Литвинова, какую позицию займет Советский Союз в случае возникновения конфликта между Германией и Чехословакией. Шуленбург сказал, что «Германия нападет на Чехословакию только в случае провокационного акта со стороны чехов».

⁵⁰ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 142.

⁵¹ «Documents on British Foreign Policy 1919 — 1939. Third Series», vol. II, p. 107.

На это ему было твердо заявлено, что провокационный акт со стороны чехов—невероятная вещь и что немцы, конечно, будут агрессорами в случае любого конфликта, который может возникнуть⁵². Если Германия нападет на Чехословакию, то «мы (Советский Союз. — М. Б.) также выполним свои обязательства перед Чехословакией»⁵³.

В критические дни сентября 1938 года Советский Союз никогда не отказывался выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому договору. Фирлингер сообщил 3 сентября английскому послу лорду Чилстону, что Литвинов заверил его опять в том, что «в случае германского нападения на Чехословакию и в случае вовлечения Франции в войну, Советское правительство выполнит свои договорные обязательства»⁵⁴.

В начале сентября посол Майский вновь посетил Галифакса и сообщил ему о том, что Литвинов довел до сведения французского посла в Москве Кулондра, что «СССР готов вместе с французским правительством и правительством Соединенного Королевства направить Берлину общую ноту»⁵⁵. Однако это советское предложение опять не встретило у Галифакса никакой поддержки.

Французское правительство, будучи связано договором о взаимопомощи с Чехословакией, в то же время оказывало на нее совместно с Англией и США давление, толкая ее на уступки гитлеровской Германии. Чтобы скрыть свои неблагоприятные действия, французская дипломатия попыталась свалить на СССР вину за срыв подготовки к оказанию помощи Чехословакии. 1 сентября временный поверенный в делах Франции в СССР Пайяр информировал Потемкина, что попытки французского правительства воздействовать на Польшу и Румынию якобы «не дали положительного результата»⁵⁶. В связи с этим Пайяру поручено французским МИД поставить перед Советским правительством следующий вопрос: «...На какую помощь со стороны СССР могла бы

⁵² См. «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, p. 141.

⁵³ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 66.

⁵⁴ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, p. 229.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 272.

⁵⁶ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 68.

рассчитывать Чехословакия, если принять во внимание затруднения, имеющиеся со стороны Румынии и Польши»⁵⁷. В свете дальнейших событий создается впечатление, что французское правительство надеялось получить от СССР отрицательный ответ, который оно могло бы использовать как предлог для того, чтобы самому отказаться от помощи Чехословакии. Однако из этого ничего не вышло. В тот же день Литвинов обратил внимание Пайяра на то, что Франция была обязана помогать Чехословакии независимо от советской помощи, в то время как советская помощь обусловлена французской, и поэтому СССР имеет большее право интересоваться помощью Франции. Наряду с этим Литвинов подчеркнул, что «мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»⁵⁸. Одновременно было предложено созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий для определения конкретной помощи Чехословакии, так как трудно себе представить общую защиту Чехословакии тремя государствами без предварительного обсуждения практических мер их военными экспертами. Советский Союз также предложил созвать международное совещание с участием Англии, Франции и СССР для вынесения общей декларации, которая могла бы оказать некоторое сдерживающее влияние на Гитлера⁵⁹.

Через три дня Пайяр вновь посетил Потемкина; он хотел «еще уточнить» ответ Советского Союза. Потемкин вновь повторил и разъяснил советский ответ. Пайяр также поинтересовался советской позицией в случае нападения Польши на Чехословакию. Ему было сказано, что хотя «формально условия советско-чехословацкого пакта не обязывают нас (Советский Союз.—М. Б.) к оказанию помощи Чехословакии в случае нападения на нее Польши», однако «само собой разумеется, что, не принимая на себя формально обязательства такой помощи, СССР вовсе не лишил себя тем самым права принимать по своему усмотрению то или иное решение, если Польша нападет на Чехословакию»⁶⁰.

⁵⁷ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 69.

⁵⁸ Там же, стр. 70.

⁵⁹ Там же, стр. 70—72.

⁶⁰ Там же, стр. 75.

Французская дипломатия преднамеренно исказила четкую и недвусмысленную позицию Советского правительства и даже попыталась ввести в заблуждение Фирлингера. Но Фирлингер был хорошо информирован о действительной позиции Советского Союза. Сообщая в Прагу о своей беседе с французским послом в Москве Кулондром, Фирлингер одновременно писал, что, как ему стало известно, в Кремле «обсуждался даже вопрос о действиях и без Франции. Настроение, следовательно, по отношению к нам очень твердое и решительное»⁶¹.

11 сентября Потемкин в беседе с Кулондром вновь повторил основные пункты советской позиции, которые сводились к следующему:

«1. Обращение к Лиге наций на основании статьи 11 Устава для констатации авторитетнейшей частью Лиги факта угрозы германской агрессии и для соответствующего воздействия на позицию стран, идущих за Францией, Англией и СССР.

2. Совещание СССР, Франции и Англии, имеющее целью опубликование декларации, могущей предупредить нападение Германии на Чехословакию.

3. Консультация представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии.

4. Не допускающее никаких недоразумений и криво толков заявление наркома о решимости правительства СССР в случае нападения Германии на Чехословакию выполнить вместе с Францией все свои обязательства по советско-чехословацкому пакту „с использованием всех доступных нам для этого путей”»⁶².

При этом Потемкин подчеркнул, что «только явно недобросовестное использование нашего ответа могло создать впечатление о его неясном и уклончивом характере».

18 сентября 1938 г. в Лондоне во время встречи Чемберлена с Даладье и Боннэ был окончательно разработан не без ведома США план позорной мюнхенской сделки, предусматривавший отторжение у Чехословакии значительной части ее территории. 19 сентября чехословацкому правительству был вручен англо-французский

⁶¹ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 78.

⁶² Там же, стр. 81—82.

меморандум, требовавший передачи гитлеровской Германии чехословацкой территории, на которой немцы составляли более пятидесяти процентов населения. После отрицательного ответа на этот меморандум со стороны Чехословакии правительства Англии и Франции 21 сентября сделали новый нажим на Чехословакию, потребовав от нее передать фашистской Германии указанные территории. Если Чехословакия откажется удовлетворить это требование, ей было заявлено, что «она будет нести ответственность за развязывание войны»⁶³ и, кроме того, было подчеркнуто, что «если же при этих обстоятельствах возникнет война, Франция не присоединится, т. е. не выполнит договора»⁶⁴. Это был ничем не прикрытый ультиматум. Крофта записал после беседы с английским и французским посланниками: «Оба добавили, что необходимо ответить как можно быстрее и что необходимо принять все без оговорок. Оба говорили категорически от имени обоих правительств и со всей решительностью»⁶⁵.

На другой день правительство Чехословакии, которое и раньше противилось больше для виду, ради успокоения общественного мнения, согласилось с англо-французским ультиматумом. Бенеш по этому поводу говорил французскому посланнику в Праге Делакура, что «он сам думает о передаче судетской территории Германии»⁶⁶. Так «защищали» Чехословакию от германской агрессии ее англо-французские союзники.

По-иному вел себя Советский Союз. В самые критические для судеб Чехословакии дни 19 сентября президент Бенеш пригласил к себе советского полпреда Александровского и задал ему два вопроса относительно позиции СССР в случае германской агрессии против Чехословакии: окажет ли СССР, согласно договору, немедленную, действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь, а также окажет ли СССР помощь в качестве члена Лиги наций на основании статей 16 и 17 Устава. Народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов незамедлительно направил Александровскому телеграмму, в которой для передачи

⁶³ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 113.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 114.

⁶⁶ Там же, стр. 93.

президенту Чехословацкой республики сообщалось следующее:

«1) На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2) Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст. ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3) Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство»⁶⁷.

Содержание ответов Советского правительства было передано Бенешу Александровским по телефону 20 сентября 1938 г. во время заседания правительства Чехословакии, на котором обсуждался англо-французский ультиматум⁶⁸.

19 сентября Бенеша посетил К. Готвальд. Во время беседы Готвальд на вопрос Бенеша о линии поведения СССР ответил, что не его дело отвечать за СССР, но «никто не имеет оснований сомневаться в том, что СССР выполнит свои обязательства. Если же речь идет о чем-нибудь сверх обязательств, то пусть Бенеш сформулирует точно и запросит правительство СССР». Однако Бенеш ничего «сверх обязательств» не запросил. Но это и понятно в свете капитулянтской политики буржуазного правительства Чехословакии⁶⁹.

Во время беседы с Фирлингером Потемкин обещал ему в ответ на просьбу чехословацкого правительства направить в Прагу в его распоряжение специалистов и высших офицеров авиации, причем Фирлингеру было сообщено, что «все пожелания генерала Файфра приняты во внимание и соответствующие воздушные советские силы готовы в случае необходимости немедленно вылететь в Чехословакию»⁷⁰. Так действовал Советский Союз.

⁶⁷ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 103—104.

⁶⁸ Там же, стр. 104.

⁶⁹ Там же, стр. 101—102.

⁷⁰ Там же, стр. 144.

Капитуляция правительства буржуазной Чехословакии перед англо-французским ультиматумом не спасла положения. По примеру гитлеровской Германии, панская Польша начала концентрировать войска на границе с Чехословакией, намереваясь отторгнуть от нее ряд пограничных территорий. В связи с этим 22 сентября министр иностранных дел Чехословакии Крофта просил через полпреда Александровского передать Советскому правительству, что «было бы хорошо, если бы Москва обратила внимание Варшавы на то, что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию»⁷¹. На другой же день Советское правительство вручило польскому поверенному в делах в Москве ноту, в которой обращало внимание польского правительства на то, что, если бы «войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой Республики и заняли ее территорию, Правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить правительство Польской Республики, что на основании ст. 2-й Пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 года, Правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор»⁷². Совершенно ясно, что именно советское предупреждение заставило панскую Польшу серьезно задуматься и временно отказаться от ее выступления против Чехословакии.

Советский Союз был единственным государством, сохранившим верность своим договорным обязательствам по отношению к Чехословакии; он никогда не старался заставить Чехословакию пойти на уступки гитлеровцам и тем самым избавить союзников Чехословакии от необходимости выполнять свои обязательства перед ней. Выступая 21 сентября 1938 г. на пленуме Лиги наций, Литвинов заявил: «Связанный с Чехословакией пактом о взаимной помощи Советский Союз в дальнейшем воздерживался от всякого вмешательства в переговоры чехословацкого правительства с судето-немцами,

⁷¹ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 131.

⁷² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 390.

считая это внутренним делом чехословацкого правительства. Мы воздерживались от всяких советов чехословацкому правительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам, ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту»⁷³.

В кризисные дни конца сентября Советский Союз по-серьезному готовился к оказанию военной помощи Чехословакии. В порядке предупредительной меры 30 стрелковых дивизий, а также кавалерия были придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе, были приведены в полную боевую готовность технические войска—авиация и танковые части. Об этих мерах было своевременно информировано французское военное командование. Однако Францию и Англию эта информация не интересовала, для них вопрос о расчленении Чехословакии был давно решенным⁷⁴.

Англо-французский ультиматум Чехословакии с требованием передачи Судетской области Германии являлся нарушением Францией ее обязательств, предусмотренных во франко-чехословацком договоре, где сказано, что СССР окажет помощь Чехословакии лишь в том случае, если Франция выполнит свои договорные обязательства перед нею. А так как Франция их нарушила, то и Советское правительство формально освобождалось от своих обязательств. Уже после принятия чехословацким правительством германо-англо-французского ультиматума, о котором были хорошо осведомлены США, правительство Чехословакии запросило Советское правительство, какова будет позиция СССР. «Этот вторичный запрос вполне понятен,—говорил 23 сентября 1938 г. Литвинов в политической комиссии Лиги наций,—ибо после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта. Тем не менее советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что

⁷³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 387.

⁷⁴ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 139—140.

в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт»⁷⁵. Однако Франция не только не собиралась прийти на помощь Чехословакии, но, наоборот, совместно с Англией договорилась с фашистскими Германией и Италией о немедленном и безоговорочном удовлетворении всех требований Гитлера в отношении Чехословакии. Решения мюнхенской конференции были предъявлены Чехословакии в ультимативной форме и ее мнения о них не спросили.

30 сентября Бенеш информировал об этом советского полпреда и заявил ему, что Чехословакия поставлена перед выбором: либо начать войну с Германией, имея против себя Англию и Францию.., либо капитулировать перед агрессором. Бенеш просил до 8—9 часов вечера по московскому времени сообщить «отношение СССР к этим обеим возможностям, т. е. к дальнейшей борьбе или капитуляции»⁷⁶. Однако еще до истечения установленного им же самим срока Бенеш информировал Александровского, что «больше не настаивает на ответе на свой последний вопрос, потому что правительство уже приняло решение принять все условия».

У каждого непредубежденного исследователя невольно создается впечатление, что, поставив свой вопрос об отношении СССР к альтернативе, стоявшей перед Чехословакией, Эдуард Бенеш хотел лишь выгородить себя перед историей. В пользу этого вывода говорит, в частности, и такой факт: по сообщению французского посланника Делакура, Бенеш и премьер Годжа в беседе 20 сентября сами просили предъявить им ультиматум, чтобы иметь для себя прикрытие⁷⁷.

Все честные люди на Западе высоко оценивали последовательную борьбу Советского Союза в критические сентябрьские дни 1938 года в защиту национальной независимости Чехословакии, за мир во всем мире, за коллективный отпор фашистским агрессорам. «Во время этой азартной и циничной игры Гитлера на человеческой

⁷⁵ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 389—390.

⁷⁶ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 151.

⁷⁷ См. «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», t. II, P., 1951, p. 273.

глупости, — пишет Фирлингер, — Москва сохраняла спокойствие и равновесие, ожидая дальнейших ходов Берлина. Она не дала ни запугать, ни обмануть себя и уже во всяком случае не прельстилась каким-либо завоевательным сотрудничеством, в чем ее подозревал Запад. В этом неоценимая заслуга советской политики; в период всеобщей растерянности она оставалась единственной твердой точкой опоры, чрезвычайно ценной для политически мыслящего и непредубежденного человека»⁷⁸.

Однако в ряде стран Западной Европы, Америки и даже в самой Чехословакии нашлись клеветники, пытавшиеся опорочить внешнюю политику Советского Союза и его позицию в чехословацком вопросе. Каких только вздорных сплетен и злобной клеветы ни распространялось в эти дни!.. Сообщалось, например, что правительство СССР будто бы уполномочило Даладые выступить в Мюнхене от имени СССР, что правительства Англии и Франции якобы регулярно информировали правительство СССР о положении чехословацкого вопроса, причем между Боннэ и советским полпредом в Париже Сурицем, а также Галифаксом и советским полпредом в Лондоне Майским якобы происходили длительные совещания по этому вопросу, клеветнически утверждалось, что СССР не оказал Чехословакии помощи «ввиду своей военной слабости» и т. д. Все эти злостные и клеветнические выдумки ни на чем не основаны. Многочисленные документы, опубликованные в последнее время как в СССР, так и за границей, неопровержимо свидетельствуют, что Советский Союз не участвовал и не мог участвовать в сговоре США, Англии и Франции с фашистскими агрессорами за счет Чехословакии. В то же время эти документы показывают, что чехословацкое буржуазное реакционное правительство, боясь своего народа и отражая классовые интересы буржуазии, не приняло руку помощи со стороны СССР и во имя классовых интересов пошло на измену национальным интересам своей страны. Чехословацкая буржуазия и сам Бенеш думали о помощи СССР, как о крайне нежелатель-

⁷⁸ Zď. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 189.

ном для чехословацкой буржуазии средстве защиты Чехословакии от нападения Гитлера⁷⁹.

В трагические для Чехословакии сентябрьские дни 1938 года Советский Союз продемонстрировал перед всем миром свою непоколебимую верность заключенным договорам в борьбе с фашистской агрессией. Все попытки изобразить советскую позицию в чехословацком вопросе как уклончивую и неопределенную позорно провалились.

Вся деятельность Советского правительства в кризисные для Чехословакии дни является блестящим опровержением этих лживых выдумок. В критические дни 1938 года И. В. Сталин просил лидера компартии Чехословакии К. Готвальда передать Бенешу, что «Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция, что было условием советской помощи, и даже в том случае, если тогдашняя бековская Польша или боярская Румыния откажутся пропустить советские войска. Конечно, подчеркнул Сталин, Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи». Содержание этой беседы К. Готвальд передал тогдашнему президенту Бенешу. «Позже,—указывает К. Готвальд,—аналогичные сообщения чехословацкому правительству сделали также официальные представители Советского Союза, что, впрочем, признал сам Беран в своем заявлении после капитуляции Чехословакии»⁸⁰. Однако, как пишет К. Готвальд, господствующая клика чехословацкой буржуазии в страхе за свои классовые интересы не приняла протянутой руки помощи Советского Союза, а предпочла позорную капитуляцию.

* * *

Советский Союз неуклонно и последовательно боролся за создание системы коллективной безопасности и за организацию коллективного отпора агрессорам. Исходя из основных принципов своей мирной ленинской внешней политики, Советский Союз заключил с Чехословакией договор о взаимной помощи.

⁷⁹ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 147—148.

⁸⁰ «За прочный мир, за народную демократию!», 21 декабря 1949 г.

Реакционная буржуазия, стоявшая у власти в Чехословакии, проводила в отношении СССР двуличную политику, заигрывала с гитлеровской Германией, стремилась использовать советско-чехословацкий договор о взаимопомощи лишь как дополнительный козырь в своих попытках сближения с Германией.

Советское государство, несмотря на неискреннюю политику чехословацкой реакционной буржуазии, делало все от него зависящее для выполнения своих обязательств по договору о взаимопомощи. Был установлен тесный контакт между генеральными штабами СССР и Чехословакии, успешно развивалось сотрудничество и в экономической области.

В тяжелые для чехословацкого народа месяцы 1938 года Советский Союз никогда не оставлял ни у кого сомнений, что он точно выполнит свои договорные обязательства перед Чехословакией. Руководители Советского правительства неоднократно во всеуслышание заявляли о готовности СССР оказать Чехословакии военную помощь, если Франция также окажет эту помощь. Советские представители делали все от них зависящее для укрепления сотрудничества с Чехословакией в экономической и военной области. Чтобы поставить вопрос о помощи Чехословакии на практическую основу, советские представители настойчиво добивались от Румынии и Польши разрешения на пропуск советских войск в Чехословакию. Советский Союз предотвратил нападение Польши на Чехословакию, сделав панской Польше серьезное предупреждение.

Наконец, когда стало ясно, что Франция изменила своим союзным обязательствам в отношении Чехословакии, Советский Союз выразил готовность оказать Чехословакии военную помощь, даже если Франция этого не сделает при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи. Однако реакционная чехословацкая буржуазия отвергла это благородное предложение Советского Союза и предпочла позорную капитуляцию.

Советский Союз, таким образом, всегда честно и добросовестно выполнял свой союзнический долг и свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии.

Глава V

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ДНИ «МЮНХЕНСКОГО КРИЗИСА»

(15 сентября—5 октября 1938 г.)

Особенно ярко мюнхенский характер американской внешней политики проявился в последние недели сентября 1938 года, в кризисные для Чехословакии дни. Американские монополистические круги были заинтересованы в том, чтобы сохранить германский фашизм как ударную силу мирового империализма и направить ее против Советского государства. В то же время они опасались, что Англия и Германия могут сговориться за счет Чехословакии без участия США и заключат между собой союз, который значительно усилит позиции Англии и фашистской Германии и соответственно ослабит международные позиции США. Вся деятельность американской дипломатии в кризисные недели сентября сводилась к тому, чтобы с помощью показных жестов в пользу коллективной безопасности успокоить общественное мнение внутри страны и в то же время подтолкнуть германскую агрессию в восточном направлении, в первую очередь против СССР. Американское правительство совершенно ясно дало понять Германии, что Соединенные Штаты Америки не будут препятствовать германской агрессии против Чехословакии. Правительство США прикрывало своим моральным авторитетом предательскую политику «умиротворения», проводимую английским и французским правительствами, а в некоторых случаях даже и непосредственно помогало им в проведении этой политики, стараясь ни в коем случае не выпускать из-под своего внимания подготовку мюнхенского сговора с фашистски-

ми агрессорами, чтобы, с одной стороны, усилить его антисоветскую направленность и, с другой стороны, помешать слишком большому укреплению позиций как Англии, так и Германии. Как уже указывалось, суть американской позиции сводилась к тому, что США отнюдь не возражали против антисоветского мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами, однако они хотели, чтобы этот сговор был достигнут при их помощи и содействии и при их собственном руководящем участии.

12 сентября Гитлер произнес в Нюрнберге речь, полную угроз и запугиваний. Секретарь премьер-министра Англии заявил представителям печати, что Чемберлен «очень разочарован и задет речью фюрера». Тем не менее он «готов рассмотреть далеко идущие германские предложения, включая плебисцит, готов принять участие в проведении их в жизнь и готов защищать их перед публикой»¹. Такие же настроения царили и в правящих кругах Франции. 14 сентября германский поверенный в делах в Париже Бройер писал в министерство иностранных дел Германии, что «стремление избежать европейской войны, которая будет здесь очень непопулярна, становится более заметным, чем когда-либо раньше. Готовность идти на уступки за последние дни возросла»².

Имея подобные данные о настроениях английских и французских правящих кругов, Гитлер через два дня выступил с новой, еще более неистовой речью, в которой заявил, что Германия закончила свои военные приготовления и готова выдержать самые серьезные испытания.

Вечером 14 сентября Чемберлен решил лететь к Гитлеру и лично договориться с ним обо всем. 15 сентября он прибыл в Берхтесгаден (Оберзальцбург) и в этот же день состоялась его трехчасовая беседа с Гитлером. Во время беседы Чемберлен заявил, что он «придает очень большое значение англо-германскому сближению»³. Чемберлен предложил Гитлеру свое содействие по «изменению отношений между Чехословакией и Россией таким образом, чтобы, с одной стороны, Чехословакия была освобождена от обязательств в отношении России в случае, если последняя подвергнется напа-

¹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)» vol. II, p. 754.

² Ibid., p. 762.

³ Ibid., p. 787.

дению, и, с другой стороны, Чехословакия, как и Бельгия, будет лишена возможности получать помощь от России или другой страны»⁴. Подобное заявление означало согласие Англии на расчленение Чехословакии фашистской Германией и прямое подталкивание Германии на войну против СССР, причем Гитлеру предупредительно указывалось, что если он нападет на СССР, то ни Франция, ни Чехословакия не выполнят своих обязательств по договорам о взаимопомощи с СССР. По словам Чемберлена, Великобритания не была заинтересована в судето-немецком вопросе, как таковом... и поэтому «как человек практический, он (Чемберлен.—М. Б.) уже задавался вопросом, как проводить на практике возможное решение относительно включения судетских немцев в состав рейха»⁵. Что касается его лично, то он (Чемберлен) признает принцип отделения судетской территории⁶, но просит отсрочки, чтобы проконсультироваться с Францией. Во время этой беседы Чемберлен также спросил у Гитлера, не хочет ли он чего-либо еще от Чехословакии, помимо Судетской области, и тот ему прямо ответил, что «если судетские немцы воссоединятся с рейхом, тогда произойдет отделение венгерского меньшинства, отделение польского меньшинства, отделение словацкого меньшинства, а то, что останется, будет столь мало, что об этом он не будет ломать себе голову»⁷, то есть Гитлер откровенно заявил Чемберлену, что конечной его целью является полное уничтожение чехословацкого государства. Однако это заявление было воспринято Чемберленом спокойно и не встретило у него никаких возражений. Чемберлен уже во время первого свидания с Гитлером в Берхтесгадене пришел к выводу, что единственным выходом из создавшейся обстановки является «принятие принципа самоопределения» (то есть передачи Гитлеру Судетской области). Таким образом, уже во время первого свидания в Берхтесгадене Чемберлен проявил свою готовность принять к исполнению требования Гитлера.

⁴ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 793.

⁵ Ibid., p. 796.

⁶ Ibid.

⁷ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, doc. 928.

В те дни, когда Чемберлен договаривался с Гитлером в Берхтесгадене об условиях выдачи ему Чехословакии, американское правительство не ударило палец о палец, чтобы предотвратить эту постыдную сделку. Более того, правительство США фактически авансом одобрило эту сделку.

Перед отъездом Чемберлена к Гитлеру английское правительство просило США «прокомментировать» этот его шаг, то есть, попросту говоря, одобрить его. И вот на пресс-конференции 15 сентября государственный секретарь США Хэлл не только не осудил переговоры в Берхтесгадене, но, наоборот, отозвался о переговорах Чемберлена с Гитлером весьма положительно, назвав их «исторической встречей»⁸. 15 сентября виднейшая американская газета «Нью-Йорк таймс» сокрушалась, что инициатива встречи с Гитлером принадлежит не Рузвельту, и призывала его «последовать великолепному примеру господина Невилля Чемберлена. Он должен лично обратиться к канцлеру Гитлеру с предложением созвать конференцию глав европейских государств»⁹. Газета открыто призывала американское правительство принять участие в сговоре с фашистскими агрессорами.

На другой день после берхтесгаденского свидания Чемберлена с Гитлером состоялось заседание американского правительства, на котором обсуждалось международное положение. После заседания один из помощников Рузвельта заявил представителям печати, что «в намерения правительства не входит поддерживать какие-либо сообщения, имеющие целью втянуть Соединенные Штаты в возможный европейский конфликт». Он подчеркнул, что США «не находятся в союзе ни с какими странами», и вновь сослался на заявление Рузвельта в Гайд-Парке, в котором последний отрицал, что американское правительство действительно находится в союзе или намеревается вступить в союз с другими демократическими странами. Помощник президента сказал, что «это заявление по-прежнему остается ответом Рузвельта на все подобные сообщения»¹⁰. Понятно, что такие заявления

⁸ «The New York Times», Sept. 16, 1938.

⁹ «The New York Times», Sept. 15, 1938.

¹⁰ «The New York Times», Sept. 17, 1938.

со стороны американских официальных лиц отнюдь не способствовали делу мира, они лишь давали еще большую уверенность фашистским агрессорам в том, что все их притязания не встретят отпора со стороны так называемых демократических стран.

В дни берхтесгаденской встречи состоялось еще одно важное свидание, которое, однако, прошло незамеченным. 15 сентября из Швейцарии во Францию прибыл заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес. Считалось, что Уэллес находился в отпуске и прибыл во Францию как частное лицо. Однако на другой день он пригласил на завтрак в американское посольство французского премьера Даладье, вице-преьера Шотана и министра иностранных дел Боннэ. На завтраке присутствовал также американский посол в Париже Уильям Буллит. Согласно сообщениям печати, во время беседы за завтраком «обсуждался вопрос о европейском кризисе»¹¹. Самнер Уэллес без всяких обиняков заявил французским министрам, что им «нечего рассчитывать получить из США в помощь Франции ни одного солдата и ни одного су кредита»¹². По словам Уэллеса, «американское общественное мнение на 80% враждебно всякому вмешательству в европейские дела»¹³. Уэллес, таким образом, дал понять, что американское правительство одобряет намечавшуюся сделку по передаче Чехословакии фашистским агрессорам, что поэтому оно не стало бы помогать Франции, если бы та в соответствии с условиями союзного договора, связывавшего ее с Чехословакией, предприняла попытку помочь последней в борьбе против гитлеровской агрессии. Правда, тогдашнее правительство Франции и не собиралось помогать своему союзнику и заявление Уэллеса больше нужно было ему для того, чтобы оправдать свою политику перед лицом общественного мнения своей страны. Но промюнхенская политика Вашингтона очень ярко отразилась в этом эпизоде.

Таким образом, находясь в Европе, Самнер Уэллес не только собирал информацию о позиции французского правительства в чехословацком вопросе, но и вполне

¹¹ «The New York Times», Sept. 17, 1938.

¹² G. Bonnet, Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay, p. 212.

¹³ Ibid.

ясно дал понять французским министрам, что американское правительство одобряет проводимую ими политику «умиротворения» Германии путем дальнейших уступок за счет Чехословакии. Получив благословение заместителя государственного секретаря США, французские мюнхенцы еще более рьяно занялись своей грязной работой.

Еще дальше в поощрении гитлеровцев пошел американский посол в Лондоне Кеннеди. В середине сентября Кеннеди представил в государственный департамент текст своей речи, которую он собирался произнести в Шотландии. В этом тексте содержалась фраза о том, что он «не может понять, почему кто-то должен хотеть идти на войну ради спасения чехов»¹⁴. Эта фраза оказалась даже в государственном департаменте настолько одиозной, что ее вычеркнули из первоначального текста. Вычеркнута фраза из текста речи не потому, конечно, что в государственном департаменте думали иначе, чем Кеннеди, а потому, что сочли излишним возбуждать подобными неосторожными высказываниями американское общественное мнение, настроенное в массе своей в пользу участия США в коллективном отпоре врагам мира.

В эти же дни, примерно в середине третьей недели сентября, президент Рузвельт прислал через посла Буллита заместителю французского министра авиации Ги Ла Шамбру частное письмо, в котором предупреждал его, а через него и французское правительство, что в случае, если разразится европейская война, американское правительство вынуждено будет аннулировать французские заказы на самолеты, сделанные еще в мае 1938 года, так как тогда вступит в действие «закон о нейтралитете»¹⁵. Совершенно очевидно, что это письмо американского президента также стоит в ряду действий американского правительства, поощрявших политику «умиротворения» фашистских агрессоров, проводившуюся англо-французским блоком.

К числу подобного же рода действий правящих кругов США следует отнести также и заявление 17 сен-

¹⁴ «Collier's», Oct. 18, 1947, p. 14.

¹⁵ G. Bonnet, Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay, pp. 212, 342.

тября председателя сенатской комиссии по иностранным делам сенатора Питтмена. В этом заявлении говорилось, что «сенат Соединенных Штатов не будет голосовать ни за какой договор, ни за какую резолюцию, ни за какие меры, предусматривающие вступление Соединенных Штатов в иностранную войну, так же как ни за какой союз и ни за участие ни в каких совместных действиях ни с каким иностранным правительством ни в какой иностранной войне»¹⁶.

18 сентября в Лондоне состоялось совещание Даладье и Боннэ с Чемберленом и Галифаксом, а 19 сентября английский и французский посланники в Праге вручили президенту Бенешу совместную англо-французскую ноту, в которой говорилось, что «оба правительства вынуждены прийти к заключению, что поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено, если эти районы (Судеты.—*М. Б.*) сейчас же не передать Германской империи»¹⁷.

В обмен за эту ампутацию Чехословакии была обещана «международная гарантия» ее новых границ. Весьма многозначительной была последняя фраза ноты: «Премьер-министр (Чемберлен.—*М. Б.*) должен возобновить переговоры с г-ном Гитлером не позднее среды, а если представится возможным, даже раньше. Поэтому мы полагаем, что нам надлежит просить вас дать ответ как можно раньше»¹⁸. По существу это был самый настоящий ультиматум.

Ответ Чехословакии был вручен посланникам вечером 20 сентября. Правительство Чехословакии просило Англию и Францию пересмотреть свое решение и передать вопрос на арбитражное разбирательство в соответствии с германо-чехословацким договором 1926 года. На другой день, 21 сентября, британское правительство направило Чехословакии новую ноту, в которой предлагало чехословацкому правительству «спешно и серьезно взвесить все последствия, прежде чем оно создаст ситуацию, за которую Правительство Его Величества не

¹⁶ G. Bonnet, *Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay*, p. 213.

¹⁷ «Документы и материалы кануна второй мировой войны...», т. I, стр. 203.

¹⁸ Там же, стр. 205.

могло бы принять на себя ответственность»¹⁹. Под давлением Англии и Франции чехословацкое правительство, которое и раньше противилось больше для виду, ради успокоения общественного мнения внутри страны, согласилось с англо-французским ультиматумом.

22 сентября в Годесберге состоялась вторая встреча Чемберлена с Гитлером. Чемберлен заявил о согласии английского и французского правительств на германские требования в отношении Судетов, однако Гитлеру этого уже показалось мало и он потребовал удовлетворения территориальных притязаний Польши и Венгрии к Чехословакии. 23 сентября по просьбе Чемберлена Риббентроп представил ему германские требования в письменном виде. В германском меморандуме срок начала эвакуации чехами Судетской области был назначен на 6 часов утра 26 сентября. После длительных переговоров гитлеровцы согласились оттянуть этот срок до 1 октября 1938 г. 24 сентября Чемберлен вылетел в Лондон. В тот же день английский посланник в Праге Ньютон вручил чехам немецкий ультиматум.

Англо-французская дипломатия старалась за счет Чехословакии удовлетворить все требования Гитлера. Ценой за эту сделку со стороны Германии должна была стать ее готовность начать агрессивную войну против Советского Союза. Еще во время первого свидания с Гитлером в Берхтесгадене Чемберлен спрашивал Гитлера, устранил ли все его (Гитлера) затруднения, если советско-чехословацкий договор «будет изменен таким образом, что Чехословакия не будет больше вынуждена приходить на помощь России, если на Россию будет совершено нападение и что, с другой стороны, Чехословакия будет лишена возможности давать убежище русским силам на аэродромах или других местах»²⁰. Это заявление Чемберлена лишний раз подтверждает, что истинный смысл политики «умиротворения», проводимой Англией, Францией с согласия США, заключался в том, чтобы направить германскую агрессию на Советский Союз.

¹⁹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны...», т. I, стр. 225.

²⁰ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vol. II, doc. 895.

Большая часть американской прессы и радио, принадлежащих капиталистическим монополиям, в это время вела разнузданную кампанию в пользу отказа от помощи Чехословакии в случае гитлеровского нашествия, поощряя тем самым фашистскую Германию на дальнейшие разбойничьи действия. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», касаясь выдачи Чехословакии гитлеровцам, писала, что «эта жертва может быть оправдана, если она действительно поможет сохранить мир»²¹. 20 сентября сенатор Бора заявил по радио, что «граждан Соединенных Штатов не интересуют европейские границы или планы европейских держав в отношении европейских дел»²².

Американские реакционные газеты старались ввести своих читателей в заблуждение, используя их настроения в пользу коллективной безопасности. Например, газета «Нью-Йорк пост» пыталась выставить предательскую политику Чемберлена как политику коллективной безопасности, политику создания «карантина для агрессоров». Газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм» 19 сентября в передовой статье нападала на Советский Союз, обвиняя его во всех бедах, и защищала нацистских поджигателей войны.

К хору американских пособников гитлеровских агрессоров присоединил свой голос и грязный листок американских троцкистов, который в одном из своих сентябрьских номеров назвал Чехословакию «одним из чудовищных национальных уродов»²³.

Целый ряд американских газет, вроде «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн», занимался отысканием поводов для оправдания предательских действий Чемберлена и Даладье. 22 сентября 1938 г. газета «Нью-Йорк таймс» в передовой, озаглавленной «Эпитафия», писала: «Возможно, станет ясно, что Франция и Великобритания, стоящие перед лицом ужасной альтернативы, имели меньше возможностей для выбора, чем это кажется миру», а газета «Уорлд телеграмм» пыталась внушить своим читателям, что ничего уже сделать нельзя, что «время для оказания помощи Чехословакии

²¹ A. Тоунбее, A Survey of International Affairs 1937, vol I, 1938, p. 600.

²² Ibid., p. 601.

²³ Цит. по «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 23, 1938.

уже прошло»²⁴. 20 сентября газета «Филадельфия дейли ньюс» поставила все точки над «и», заявив в оправдание Чемберлена и Даладье, что сейчас такое время, когда «необходимо выбирать наименьшее из двух зол—фашизм или коммунизм, и они выбирают фашизм»²⁵.

Подобные высказывания достаточно ярко показывают, на чьей стороне были симпатии американских монополистов. Совершенно очевидно, что вся эта разнузданная кампания в американской прессе и радио против оказания помощи жертве фашистской агрессии—Чехословакии и против участия США в организации системы коллективной безопасности способствовала лишь дальнейшему разжиганию appetitов фашистских агрессоров. Разоблачая эту разнузданную кампанию клеветы на Советский Союз, кампанию за отказ от системы коллективной безопасности и за выдачу Чехословакии Гитлеру, проводившуюся в американской прессе, орган компартии США газета «Дэйли уоркер» писала: «Целью всех этих опасных трескучих фраз является отвлечь внимание американского народа от нацистских поджигателей войны и их посыльных—чемберленов и даладье»²⁶.

Широкие круги американской общественности осуждали вероломные действия фашистских агрессоров. Голос простых американцев можно было услышать на многочисленных митингах в защиту Чехословакии, проходивших по всей стране; они высказывали свое мнение в тысячах писем, которые присылались в редакции газет и лишь небольшая часть которых печаталась, и в телеграммах президенту Рузвельту и государственному секретарю Хэллу, содержавших требование наложить эмбарго на торговлю со странами «оси».

Вот лишь несколько примеров подобных писем и телеграмм. 20 сентября «Комитет объединенных действий в пользу мира» направил Рузвельту телеграмму с требованием добиваться «мирного урегулирования нынешнего кризиса в Европе путем всемирного сотрудничества, которое спасет целостность Чехословакии»²⁷. Исполком организации «Ассоциации сторонников Лиги

²⁴ Цит. по «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 23, 1938.

²⁵ Цит. по «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 24, 1938.

²⁶ «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 20, 1938.

²⁷ «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 21, 1938.

Наций» 19 сентября заявил, что «не должно быть дальнейших отступлений от существующих средств коллективной безопасности»²⁸. В тот же день съезд представителей профсоюзов штата Нью-Йорк, входивших в КПП и представлявших 700 тыс. членов, принял резолюцию, в которой призывал «правительство Соединенных Штатов сотрудничать в объединенных усилиях против поджигателей войны для сохранения мира и демократии»²⁹.

В 20-х числах сентября целый ряд профсоюзов выражал свою солидарность с Чехословакией и требовал оказать ей помощь. Союз типографских рабочих, например, обещал поддержку президенту и его сторонникам «в любых их действиях по созданию «карантина» и оказанию сопротивления агрессивным странам, которые хотят уничтожить демократию»³⁰. В том же духе высказывались профсоюзы проводников вагонов-ресторанов и спальных вагонов, профсоюз рабочих оптовой торговли и универсальных магазинов, профсоюз художников и т. д. 23 сентября телеграммы Рузвельту и Хэллу с требованием помочь Чехословакии направили организация «Наследники Революции» и Конгресс негритянской молодежи Юга, происходивший в Ричмонде. 24 сентября в Бостоне состоялся многотысячный митинг в защиту Чехословакии³¹. Наконец, 25 сентября в Нью-Йорке, в Мэдисон-сквер-Гарден был созван грандиозный митинг, который прошел под лозунгом «Спасем Чехословакию»³².

Американский народ в массе своей, таким образом, отнюдь не был настроен изоляционистски, наоборот, он требовал, чтобы Соединенные Штаты активно включились в организацию коллективного отпора фашистским агрессорам. Эти настроения порою даже находили отражение и на страницах некоторых американских буржуазных газет.

Настроения американского народа очень беспокоили гитлеровских авантюристов, которые боялись, что под давлением возмущенного их злодеяниями общественного мнения правительство Соединенных Штатов будет вы-

²⁸ «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 21, 1938.

²⁹ Ibid.

³⁰ «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 22, 23, 1938.

³¹ «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 24, 1938.

³² «Daily Worker» (N. Y.), Sept. 26, 1938.

нуждено предпринять какие-либо конкретные шаги в направлении оказания сопротивления нацистской агрессии. Поэтому германская дипломатия очень внимательно следила за тоном американской прессы, которая до некоторой степени все же отражала истинные настроения американцев. 23 сентября статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вёрман пожаловался американскому послу Вильсону на неблагодарный по отношению к действиям фашистской Германии тон американской прессы. Вильсон немедленно сообщил об этом разговоре с Вёрманом в государственный департамент и просил то же самое сделать посла в Париже Буллита. Вскоре Буллит получил ответ, что «государственный департамент делает все возможное для улучшения тона прессы». Вильсон немедленно сообщил об этом ответе Вёрману и добавил, что «он со своей стороны также не одобряет подобного отношения прессы»³³.

В Германии очень хорошо знали, что правящие круги США в основном одобрительно относились к агрессивным планам Гитлера. Чрезвычайно четко эти настроения американских правящих кругов обрисованы в донесении от 24 сентября германского поверенного в делах в Вашингтоне Томсена и военного атташе генерал-лейтенанта Беттихера в МИД Германии. Они пишут:

«Беседы с руководящими лицами американской армии показывают, что здесь руководствуются желанием избежать мер, которые могут показаться провоцирующими войну. Здесь существует понимание германских требований к Чехословакии, в особенности в отношении освобождения судетских немцев, и здесь надеются, что это будет разрешено мирными средствами. В военных и политических кругах существует убеждение, что Америка должна избегать того, чтобы становиться на сторону так называемых демократий. Здесь существует ясно выраженная антипатия по отношению к России, так как считают, что последняя стремится столкнуть державы друг с другом, чтобы тем самым содействовать распространению коммунизма... В США все еще не заметно никаких военных приготовлений или каких-либо мер для

³³ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 893.

проведения мобилизации промышленности или в отношении экспорта сырья для военных целей... За чехословацкой мобилизацией здесь следят с беспокойством»³⁴.

Оценивая позицию американского правительства как агрессивным планам Германии в отношении Чехословакии в дни «мюнхенского кризиса», американская газета «Вашингтон пост» писала 25 сентября: «Как раз в то время, когда Гитлер готов был вторгнуться в Чехословакию, мы предупредили его, что не будем делать никакого различия между рейхом и его жертвой»³⁵. Как показывают, однако, факты, американское правительство не только одинаково относилось к агрессору и к жертве агрессии, но фактически к агрессору—Германии — оно относилось гораздо более благосклонно, поощряя ее на дальнейшие акты агрессии.

Президент Рузвельт в последнюю неделю сентября поддерживал постоянную телефонную связь с Римом, Берлином, Лондоном и Парижем, однако вплоть до 25 сентября не предпринимал никаких активных действий.

24 сентября Уильям Буллит позвонил Рузвельту из Парижа и предложил ему американский вариант мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами. Буллит посоветовал Рузвельту обратиться с призывом к правительствам Англии, Франции, Италии, Германии и Польши прислать в Гаагу своих делегатов, чтобы совместно с представителем США обсудить создавшееся положение³⁶. Подразумевалось, конечно, что решающую роль на этой конференции будут играть США. Наряду с этим из числа участников этой конференции Буллит хотел исключить два государства, наиболее заинтересованных в чехословацком вопросе и в поддержании всеобщего мира и коллективной безопасности—Чехословакию и СССР.

Буллит подчеркивал, что «важно не включать правительство Советской России в число участников конференции». Характерно, что даже Чехословакия исключалась из числа участников намечавшегося Буллитом

³⁴ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 923.

³⁵ Цит. по «Temps», 26 Sept. 1938.

³⁶ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 591.

совещания. Состав совещания, предложенного Буллитом, отличался от состава участников мюнхенского сговора лишь наличием в нем США и Польши.

По существу план Буллита был американским вариантом сделки с фашистскими агрессорами за счет Чехословакии. Вместе с тем это был план изоляции Советского Союза и провоцирования войны между Германией и СССР.

Между тем американское общественное мнение в последние недели сентября все громче и настойчивее требовало, чтобы США вмешались в европейский конфликт и организовали коллективный отпор агрессорам. Американское правительство не могло с этим не считаться. В то же время реакционные монополистические круги США оказывали на правительство давление, чтобы оно, с одной стороны, не мешало гитлеровской агрессии в восточном направлении и, с другой стороны, не упустило бы предполагаемый сговор с фашистской Германией из-под своего наблюдения и контроля и приняло бы в нем негласное, но руководящее участие, с тем чтобы помешать укреплению империалистических позиций других его участников. Именно под влиянием всех этих факторов и родилось первое послание Белого дома Гитлеру и Бенешу.

25 сентября 1938 г. утром Хэлл собрал у себя заместителя государственного секретаря Уэллеса, помощника государственного секретаря Бэрла и нескольких других видных чиновников государственного департамента для обсуждения международного положения. Было решено составить проект послания президента США Чехословакии и Германии с призывом к миру. Вскоре по поручению Хэлла Бэрл и Моффат составили это послание. В их тексте имелась фраза: «Если... заинтересованные стороны попросят моих услуг, чтобы помочь им выработать соглашение, я дам им на это мое согласие»³⁷. Таким образом, в первоначальном тексте послания Гитлеру и Бенешу государственный департамент прямо выражал свое согласие принять участие в мюнхенском сговоре с Гитлером. В окончательном тексте эта фраза была, однако, вычеркнута как слишком

³⁷ J. Alsop and R. Kintner, *American White Paper*, N. Y., 1940, p. 9.

одиозная, как слишком прозрачно намекавшая на подлинные цели Вашингтона.

Послание было подписано президентом и ночью отправлено в Берлин и Прагу. Однако американский посол в Берлине Хью Вильсон не вручил его немедленно Гитлеру, а утром 26 сентября зашел к статс-секретарю МИД Германии Вёрману и частным образом дал ему ознакомиться с текстом послания, чтобы Вёрман конфиденциально предупредил Гитлера и Риббентропа и те имели время и возможность подготовиться к ответу. Официально текст послания был вручен МИД Германии лишь во второй половине дня³⁸.

Послание призывало Гитлера не прерывать переговоров, в нем выражалась надежда на то, что Германия не применит силы для достижения своих целей. Из текста послания было ясно, почему Рузвельт был так озабочен тем, чтобы Гитлер не прибегал к военной силе для удовлетворения своих притязаний к Чехословакии. Будучи дальновидным политиком, Рузвельт хорошо понимал, что начать войну гораздо легче, чем ее кончить, что война чревата революцией. Поэтому он предупреждал Гитлера, что «экономическая система каждой втянутой в войну страны будет обязательно потрясена, а ее социальная структура может полностью рухнуть»³⁹. Послание призывало Гитлера продолжать переговоры и давало ему понять, что все «спорные вопросы» будут разрешены в пользу Гитлера.

Послание Белого дома Гитлеру было продиктовано отнюдь не стремлением остановить зарвавшегося агрессора, а страхом перед возможными социальными потрясениями в результате войны. Это послание, таким образом, отнюдь нельзя рассматривать как какой-то шаг по пути организации коллективного отпора агрессорам. Наоборот, это был скорее американский эквивалент полетов Чемберлена к Гитлеру. Цель этого послания, — с одной стороны, дать какую-то разрядку настроениям масс в пользу якобы активных действий США в защиту мира, в пользу организации коллективного отпора агрес-

³⁸ См. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. II, p. 938.

³⁹ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», p. 425.

сорам (это послание было представлено именно как такое активное действие) и, с другой стороны, не помешать «миротворческой» деятельности Чемберлена и Даладье, взяв в то же время на себя роль верховного арбитра. Послание Белого дома облегчало английским и французским «мюнхенцам» обработку общественного мнения: они могли сослаться на то, что США также поддерживают переговоры с Гитлером.

Один из близких Рузвельту журналистов Фредерик Эссери писал позднее об этом послании: «Мы искали в нем глубокого значения, но не могли ничего найти под поверхностью. Оно казалось тем, чем было на самом деле: призывом к миру без всякого конкретного плана, как его достичь»⁴⁰. Сам Рузвельт давал примерно такую же оценку своему посланию к Гитлеру. 27 сентября, на пресс-конференции, его попросили дать оценку этому посланию; он в ответ рассказал анекдот о президенте Кулидже, который на вопрос о содержании прослушанной им проповеди ответил, что она была о грехе и что священник был против греха. «Так же и он, Рузвельт, против зла и за мир»⁴¹. Действительно, в этом послании не высказывалось мнения по существу германских требований к Чехословакии, а лишь выражалась надежда, что Германия не будет применять силы для достижения своих целей. Тем самым этот призыв к миру на самом деле становился призывом к «умиротворению» фашистских агрессоров.

Неудивительно, что послание Рузвельта Гитлеру с такой радостью было встречено в лагере англо-французских «умиротворителей»,—ведь оно лило воду на их мельницу. Боннэ, например, позднее писал об этом послании: «Его умеренный и примирительный тон не оставлял никаких сомнений относительно намерений Соединенных Штатов, оно (послание. — М. Б.) рекомендовало и поддерживало «ради блага человечества» дружественное соглашение между сторонами»⁴², то есть между агрессором и его жертвой. Сторонники политики «умиротворения» в Англии и Франции, таким образом, совершенно правильно расценили послание Белого дома

⁴⁰ «Four Days», ed. by M. M. Killanin, L., 1938, p. 205.

⁴¹ Ibid., p. 206.

⁴² G. Bonnet, Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay, p. 275.

Гитлеру как прямое и открытое одобрение со стороны американского правительства проводившейся ими политики сговора с гитлеровцами.

Нужно отметить, что послание Белого дома сыграло предназначенную ему роль во внутривластической жизни США; широкие массы американского народа не заметили, что в этом послании был лишь призыв к фашистским агрессорам не прибегать к войне для получения того, что им дадут и без войны; американцы расценили послание Рузвельта как вклад в дело коллективной безопасности, как инициативу США в направлении организации коллективного отпора агрессорам, хотя на самом деле ничего подобного там не было. Только такой неправильной оценкой этого послания можно объяснить ту широкую поддержку, которую оно получило в США.

Совершенно очевидно, что американское послание подобного рода не только не оказало на Гитлера сдерживающего влияния, но наоборот, Гитлер, почувствовав, что ни США, ни Англия, ни Франция не окажут ему никакого сопротивления, стал вести себя еще наглее. В ответ на послание Рузвельта и письмо Чемберлена, переданное ему личным представителем Чемберлена Горацием Вильсоном, в котором содержалось предложение созвать новую конференцию держав по чехословацкому вопросу, Гитлер произнес в Спорт-паласе речь, полную злобных нападок на Чехословакию и угроз, что если до 1 октября 1938 г. он не получит Судеты, то Германия оккупирует их с помощью военной силы. Поздно ночью Чемберлен заявил по поводу этой речи, что он «читал речь Гитлера и очень тронут его ссылками на усилия, которые я (то есть Чемберлен.—М. Б.) делал для того, чтобы спасти мир». Чемберлен обещал также проследить за тем, чтобы чехословацкое правительство «честно, полностью и с разумной быстротой» выполнило свои обязательства при условии, что германское правительство согласится на установление условий передачи путем переговоров, а не путем применения силы⁴³.

27 сентября английский посол Гендерсон сообщил Гитлеру, что английское и французское правительства

⁴³ См. «The Times», Sept. 27, 1938.

потребовали от Чехословакии немедленно приступить к передаче Германии Судетской области.

В эти же кризисные дни Рузвельт в беседе с министром финансов США Моргантау высказал мнение, что если все же Чехословакия будет воевать, то его совет Франции состоит в том, чтобы сидеть за линией Мажино, а не наступать, так как если даже несколько стран будут атаковать Германию, то у них будет всего лишь 40—60 шансов из 100 на успех⁴⁴. Французским правителям в случае войны советовали бросить своего союзника—Чехословакию на произвол судьбы и выдать ее Гитлеру, если не дипломатическим, то военным путем.

27 сентября в Вашингтоне Самнер Уэллес и Бэрл составили проект второго послания Рузвельта Гитлеру, взяв за основу план, выдвинутый Буллитом 24 сентября. В первоначальном проекте они предлагали созвать мирную конференцию и даже указали ее место и дату—29 сентября 1938 г. в Гааге, во Дворце Мира. На эту конференцию намечалось направить американского представителя, кроме того, предполагалось, что США выразят «готовность принять участие в любом экономическом урегулировании, достигнутом параллельно с политическим урегулированием»⁴⁵.

Во втором послании президент опять уговаривал Гитлера не прибегать к применению военной силы ввиду того, что англо-французский блок уже давно согласился со всеми его требованиями и заставил чехословацкое правительство с ними согласиться. В послании прямо говорилось, что «ответственные государственные деятели заявили, что соглашение между правительством германской империи и чехословацким правительством уже в принципе достигнуто, хотя точный срок, методы и детали проведения его в жизнь еще остаются нерешенными»⁴⁶. Рузвельт опять выдвигал идею Буллита, идею о «скорейшем созыве международной конференции стран, непосредственно заинтересованных в настоящем споре, в каком-либо нейтральном месте в Европе», причем он заявлял, что «если Гитлер согласится

⁴⁴ См. «Collier's», Oct. 18, 1947, p. 14.

⁴⁵ J. Alsop and R. Kintner, American White Paper, p. 10.

⁴⁶ «Peace and War, United States Foreign Policy 1931—1941», p. 429.

принять участие в этой конференции, то мир признает это как выдающуюся историческую заслугу перед человечеством». Дата и место созыва этой конференции не указывались, но в общем схема Буллита, предложившего созыв конференции шести стран без участия СССР и Чехословакии, оставалась без изменений.

Вскоре, однако, было решено отказаться от столь прямого участия США в этом сговоре, поэтому от этих предложений отказались и в тексте остался только призыв «встретиться где-нибудь в нейтральном месте в Европе», чтобы разрешить все важные европейские проблемы.

Заместителю государственного секретаря Уэллесу было предложено немедленно связаться по телефону с Кеннеди и Буллитом и попросить их выяснить отношение Чемберлена и Даладье к содержанию второго послания Белого дома Гитлеру. Вечером они позвонили в Вашингтон и сообщили, что оба премьера «горячо одобряют» этот план⁴⁷.

Ночью 27 сентября президентом Рузвельтом вместе с Хэллом, Уэллесом и Бэрлом был выработан текст конфиденциального послания Белого дома Муссолини, в котором последнего просили уговорить Гитлера «не прибегать к военной силе, так как по всем спорным вопросам может быть достигнуто соглашение путем переговоров или иными мирными средствами»⁴⁸. По существу это было повторение содержания первого послания Белого дома Гитлеру, на этот раз обращенное к Муссолини. Понятно, что и это послание к Муссолини не могло оказать никакого сдерживающего влияния на фашистских агрессоров, а лишь еще больше разожгло их аппетиты.

Вечером 27 сентября с речью по радио выступил Чемберлен. Смысл его выступления состоял в том, что он не потерял еще надежду на мирное разрешение кризиса и ради этого готов даже в третий раз съездить на поклон к Гитлеру. Чемберлен заявил: «Как бы мы ни симпатизировали маленькой стране, стоящей перед лицом большого и сильного соседа, мы ни при каких

⁴⁷ J. Alsop and R. Kintner, *American White Paper*, p. 11.

⁴⁸ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941»,
1р. 427.

обстоятельствах не можем пойти на то, чтобы из-за этой страны вовлечь в войну всю Британскую империю»⁴⁹. Тем самым открыто признавалось, что Великобритания не будет воевать из-за Чехословакии, что она готова ее предать на любых условиях. И вот это предательское заявление Чемберлена президент позднее в разговоре с одним из доверенных лиц Мэреем назвал «спокойным и прекрасным»⁵⁰. Представление о настроениях, царивших в это время в американских правящих кругах, дает близкий к Белому дому журналист Фредерик Эссери: «Здесь хорошо понимали, что территория Судет обязательно будет причиной беспокойств для чехословацкого правительства и что также до некоторой степени справедливо и разумно было бы уступить ее Германии»⁵¹. В правящих кругах США, таким образом, в самые кризисные дни сентября 1938 года царил отнюдь не дух необходимости дать коллективный отпор агрессорам, а дух «умиротворения», дух поощрения гитлеровцев на новые агрессии.

После речи Чемберлена Рузвельт получил из Европы сообщение о том, что Гитлер якобы готовится ввести свои войска в Чехословакию утром 28 сентября. Как теперь стало известно, Гитлер в те дни не решился бы воевать из-за Чехословакии, если бы был уверен, что встретит коллективный отпор со стороны других держав. Об этом, в частности, в один голос заявляли на Нюрнбергском процессе германских военных преступников гитлеровские генералы Кейтель, Йодль и Гальдер. На вопрос, что сделал бы Гитлер, если бы встретил сопротивление со стороны Англии и Франции, Гальдер ответил: «Для людей, которые были в курсе дела, наше стратегическое развертывание перед лицом Чехословакии было не чем иным, как блефом». Йодль заявил, что «фюрер, конечно, не предпринял бы военных действий против Чехословакии, если бы предвиделось вмешательство Англии и Франции», наконец, Кейтель сказал: «Я уверен в одной вещи: если бы политическая обстановка не была благоприятной после Годесберга и Мюнхена,

⁴⁹ «The Times», Sept. 27, 1938.

⁵⁰ A. C. Murray, *At Close Quarters: a Sidelight on Anglo-American Diplomatic Relations*, L., 1946, p. 95.

⁵¹ «Four Days», ed. by M. M. Killanin, p. 205.

мы никогда не вступили бы в Чехословакию. Я совершенно уверен, что если бы Даладье и Чемберлен заявили в Мюнхене: «Мы выступаем», то мы ни в коем случае не прибегли бы к военным мерам. Мы не смогли бы этого сделать. У нас не было средств, чтобы форсировать богемскую линию Мажино, и у нас не было войск на западе». Гитлер, следовательно, боялся франко-советского союза, боялся также оппозиции внутри страны, но Англия, Франция и США подбадривали, воодушевляли его. Правительства западноевропейских стран нарочно подхватывали вопли геббельсовской пропаганды о неизбежности войны, для того чтобы им было легче запугать народы своих стран и, обманув их, предать Чехословакию и натравить Гитлера на Советский Союз.

27 сентября вечером английский посол в Берлине Гендерсон имел с Гитлером беседу, во время которой сообщил ему о телефонном разговоре Чемберлена с Рузвельтом о проекте созыва конференции. Гендерсон сообщил Гитлеру, со слов Чемберлена, что на этой конференции «Германия сможет получить удовлетворение своих основных требований, не обращаясь к войне, и что Чемберлен готов обсудить с ним этот вопрос заново»⁵². Это лишний раз свидетельствует о том, что американское предложение о созыве международной конференции было на руку Гитлеру, что это была очередная попытка сторговаться с фашистскими агрессорами за счет Чехословакии, попытка натравить Германию на Советский Союз. Оценивая второе послание Белого дома Гитлеру, Фирлингер пишет: «Предложение Рузвельта (о созыве конференции.—М. Б.) в то время помогло лишь тем, кто толкал на новые уступки и подготовлял Мюнхен»⁵³.

О том, что послание Белого дома являлось лишь очередной попыткой изолировать СССР и решить судьбы Европы без его участия, свидетельствует также и такой факт: 28 сентября 1938 г. американский поверенный в делах в СССР Керк обратился по поручению американского правительства к правительству Советского Союза с нотой, в которой выражалось мнение, что, «если бы

⁵² «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», p. 429.

⁵³ Zd. Fierlinger, Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, str. 163

Глава СССР или Советского Правительства счел необходимым немедленно обратиться с подобным же призывом к Германии и Чехословакии от собственного лица, обращая их внимание на чрезвычайную важность отказа от применения силы при урегулировании возникшего между ними конфликта,—собираемый эффект такого выражения общего мнения даже в последнюю минуту мог бы повлиять на дальнейшее развитие событий и содействовать сохранению мира в Европе»⁵⁴.

В этой ноте и намека нет на приглашение СССР участвовать в предполагаемой международной конференции по вопросу о судьбе Чехословакии, хотя, несомненно, Советский Союз был «непосредственно заинтересованной страной». Американская нота лишь предлагает СССР принять участие в уговаривании фашистских агрессоров, чтобы они подождали применять военную силу для международного разбоя, так как то, что они хотят захватить силой, им и так готовы уступить. Советское правительство не сочло возможным заниматься уговариванием фашистских агрессоров, так как это коренным образом противоречило его миролюбивой внешней политике. Оно заявило, что «наиболее эффективное средство для предупреждения дальнейшей агрессии и для предотвращения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции.., которая могла бы изыскать практические меры для противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями»⁵⁵. Советское правительство выразило готовность принять активное участие в такой международной конференции. Однако американское правительство отнюдь не стремилось содействовать созыву конференции с участием СССР, которая смогла бы принять эффективные меры по обузданию агрессоров и способствовала бы установлению мира. Правительство США предпочитало использовать любые способы «умиротворения», но не прибегать к мерам коллективного отпора агрессии. .

Об этом свидетельствуют, в частности, такие факты: 28 сентября состоялась беседа Хэлла с немецким послом

⁵⁴ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 391.

⁵⁵ Там же, стр. 391—392.

в США Дикгофом, во время которой Хэлл выразил Дикгофу сожаление, что грубые методы, которые применяет германский канцлер, «мешают восстановлению доверия со стороны банкиров и деловых людей, которые в ином случае сотрудничали бы с немецкими банкирами самым широким образом»⁵⁶. В тот же день американское правительство предложило послу США в Японии Грю обратиться к японскому министру иностранных дел генералу Угаки и попросить его, чтобы японское правительство повлияло на своих германских «друзей», уговорив их не прибегать к военной силе, так как они и без этого получают требуемое. Комментируя это обращение США к Японии, Хэлл заявил, что этот шаг американского правительства являлся «частью американской политики поощрения мирного урегулирования споров между народами»⁵⁷. Американские правящие круги делали, таким образом, все, что было в их силах, чтобы уговорить фашистского агрессора не захватывать Чехословакию всю сразу, а сделать это по частям с благословения так называемых «западных демократий», причем они подчеркивали, что согласившись на эту «уступку», Гитлер окажет «выдающуюся историческую услугу человечеству».

Вся реакционная печать как в США, так и за границей, широко использовала послания Рузвельта Гитлеру в качестве ширмы для прикрытия грязного сговора с фашистскими агрессорами в Мюнхене.

28 сентября Чемберлен выступил в палате общин с докладом о своих переговорах с Гитлером в Берхтесгадене и Годесберге и сообщил парламенту, что он вновь едет в Германию по приглашению Гитлера для продолжения переговоров.

29 сентября в Мюнхене открылось совещание четырех держав—Германии, Великобритании, Франции и Италии. На этом совещании Гитлер потребовал немедленной передачи Судетской области и районов, пограничных с Австрией. Чехословакия должна была очистить эти районы до 10 октября. Кроме того, совещание должно

⁵⁶ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», p. 430.

⁵⁷ «The New York Times», Sept. 29, 1938; «Four Days», ed. by M. M. Killanin, p. 210.

было «урегулировать» вопрос о польском и венгерском меньшинствах. Муссолини заявил, что «в принципе все уже договорились и что сейчас речь идет только о том, чтобы претворить теорию в практику»⁵⁸. Гитлер на этом совещании потребовал, чтобы чехословацкий представитель не принимал участия в работе конференции, ему следует сообщить только окончательное решение четырех держав по чехословацкому вопросу. Чемберлен и Даладьё с этим согласились. Даладьё при этом сказал, что «он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких областей. Он встал на эту точку зрения, несмотря на то, что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор. «В том случае, если привлечение к работам совещания представителя Праги наталкивается на трудности, он готов отказаться от этого, так как все дело в том, чтобы вопрос был решен быстро»⁵⁹. Чемберлен и Даладьё заявили о своем намерении заставить Чехословакию выполнить условия мюнхенского соглашения. Чемберлен сказал, что «они должны также позаботиться о том, чтобы чешское правительство по безрассудству и упрямству не отказалось от очищения территории»⁶⁰, а Даладьё угрожающе добавил, что «французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства»⁶¹. Понятно, что при наличии такого единства мнений четырех держав судьба Чехословакии была решена молниеносно. К двум часам ночи был выработан и подписан текст мюнхенского соглашения и дополнительных деклараций к нему. Все требования Гитлера были полностью удовлетворены. Для обмана общественного мнения была принята декларация о гарантии новых границ Чехословакии. С помощью этой декларации Чемберлен и Даладьё пытались представить свое предательство Чехословакии как «заботу о мире». Так англо-французский блок с согласия США выдал Чехословакию фашистской

⁵⁸ «Документы и материалы кануна второй мировой войны...», т. I, стр. 278.

⁵⁹ Там же, стр. 284.

⁶⁰ Там же, стр. 283.

⁶¹ Там же, стр. 280.

Германии. Ценой за эту сделку должна была стать агрессия фашистских стран против СССР.

Правильно писала американская газета «Орегониан»: «Нужно ли было Чемберлену лично обращаться к германскому диктатору, чтобы он согласился принять то, что он все время требовал? Наверняка телеграммы было бы вполне достаточно, телеграммы меньше чем из десяти слов, что-нибудь вроде: „Берите то, что Вы хотите...”»⁶².

Соглашение четырех держав в Мюнхене отнюдь не являлось капитуляцией демократических стран перед агрессивными фашистскими странами, как это пытались и пытаются представить многие буржуазные историки. В Мюнхене Чемберлен и Даладьё отнюдь не капитулировали перед фашистскими агрессорами, отступив якобы перед угрозой войны, а, наоборот, вполне сознательно вступили с Гитлером в сговор, выдав ему Чехословакию и потребовав за это начать агрессию против СССР. Все события последующих лет, вся практическая деятельность и политика англо-французского блока и стоявших за их спиной США неопровержимо свидетельствуют, что «неслыханный акт предательства со стороны английского и французского Правительств по отношению к чехословацкому народу и его республике вовсе не был случайным эпизодом в политике этих государств, а являлся важнейшим звеном в этой политике, преследовавшей цель направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза»⁶³.

Этот сговор англо-французского блока с фашистскими агрессорами произошел, как это видно по неопровержимым фактам, с благословения американского правительства и при его активной помощи. После заключения сделки в Мюнхене целый ряд американских государственных деятелей выступили с одобрением этого соглашения и дали ему положительную оценку. Рано утром 1 октября 1938 г., как раз в те часы, когда немецко-фашистские войска вступали на землю Чехословакии, посол США во Франции Буллит явился к французскому министру иностранных дел Боннэ с буке-

⁶² См. А. Тоунбее, A Survey of International Affairs 1937, vol. I, 1938, p. 604.

⁶³ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 31.

том цветов и «передал ему братские и радостные поздравления Америки»⁶⁴. На состоявшейся 30 сентября пресс-конференции Рузвельт уклонился от прямой оценки мюнхенского соглашения, но с большой похвалой отозвался о работе во время европейского кризиса госдепартамента и сотрудников американских посольств и миссий за границей. Более прямо высказался государственный секретарь США Хэлл — в этот же день он прямо заявил о результатах мюнхенского соглашения, что «они вызывают всеобщее чувство облегчения»⁶⁵. И, наконец, о том, что США непосредственно помогали англо-французскому блоку прийти к соглашению с фашистскими агрессорами, предельно ясно сказал заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес в речи по радио 3 октября 1938 г. «В течение последней недели,—заявил Уэллес,—современный цивилизованный мир стоял у входа в долину смерти. Великие европейские державы находились на грани того, чтобы ввергнуть свои народы во всеобщую европейскую войну... Каждый мужчина и женщина в США разделяют всеобщее чувство облегчения по поводу того, что война была предотвращена. Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что призыв сохранить мир, исходивший не только от народа Америки, но и со стороны народов всего мира, явился главным фактором, предупредившим войну»⁶⁶. В те дни, когда фашистская Германия после уничтожения независимости Австрии захватила Судеты и поставила под угрозу независимость Чехословакии, когда Италия после захвата Абиссинии проводила совместно с Германией интервенцию в Испании, а Япония развертывала свою агрессию против Китая, в дни после позорного мюнхенского сговора — Уэллес заявил, что «сейчас больше, чем когда-либо ранее за прошедшие двадцать лет, представляется возможность установления между народами мира нового всемирного порядка, основанного на справедливости и законе»⁶⁷. И это было сказано после позорного мюнхенского сговора, установившего в Европе разбойничий фашистский «новый порядок»!

⁶⁴ G. B o n n e t, Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay, p. 294.

⁶⁵ «The New York Times», Oct. 1, 1938.

⁶⁶ Цит. по D. S m i t h, America and Axis War, N. Y., 1947, p. 150.

⁶⁷ «The New York Times», Oct. 4, 1938.

Позиция американского правительства в период сентябрьского кризиса встретила всеобщее одобрение в реакционных кругах США и за границей. Представитель американских монополий, ярый реакционер и изоляционист, бывший президент Герберт Гувер полностью солидаризировался со всеми действиями правительства США во время кризиса, действиями, направленными на подбадривание фашистских агрессоров, и заявил о своей поддержке позиции американского правительства в этом вопросе. Целый ряд газет выступил со статьями, одобряющими мюнхенский сговор и позицию США во время сентябрьского кризиса. «Америкен джорнэл», например, писала: «Мы не заинтересованы в защите того, что не является нашим»⁶⁸, а газета «Дэйли ньюс» в передовой статье советовала правительству пойти еще дальше по пути «умиротворения» агрессоров, и в частности Японии, и «передать ей Филиппинские острова»⁶⁹.

Известный американский журналист Артур Крок писал в газете «Нью-Йорк таймс»: «Подразумевается, что наше правительство через президента связало себя с соглашением (в Мюнхене), которое основано на нарушении договоров. Следовательно, это правительство путем прямых обращений г-на Рузвельта к Гитлеру и Муссолини прекратило длинную серию официальных нападок на диктаторов, обратившись к ним с призывом и получив их согласие принять плоды агрессии вместо того, чтобы грубо сорвать эти плоды. Правительство в Вашингтоне... придерживается позиции одобрения мюнхенского соглашения». И далее Крок призывал США проводить новую внешнюю политику, базирующуюся на этом соглашении, политику отказа от коллективной безопасности, политику поощрения агрессии. «Таким образом,—с удовлетворением заключает Крок,—теперь уже трудно представить, чтобы правительство вернулось к своим намекам о том, что необходимо создать «карантин» для Германии и Италии»⁷⁰.

Активная роль, которую сыграли США в сентябрьские дни 1938 года в деле «умиротворения» фашистских агрессоров, открыто признавалась членами английского

⁶⁸ Цит. по А. Т о у н б е е, A Survey of International Affairs 1937, vol. I, 1938, p. 604.

⁶⁹ «Daily Worker» (N. Y.), Oct. 4, 1938.

⁷⁰ «The New York Times», Oct. 5, 1938.

правительства. Чемберлен в речи от 3 октября, например, не без основания заявил «о моральной ответственности правительства Соединенных Штатов за Мюнхен»⁷¹, а 20 октября английский посол в США Линдсей передал Хэллу письмо английского короля Георга VI, в котором тот писал Рузвельту: «Я должен сказать Вам, как сильно я приветствовал Ваше вмешательство во время недавнего кризиса. Я не сомневаюсь, что оно весьма содействовало сохранению мира»⁷². Английский мюнхенец Сэмюэль Хор (лорд Темплвуд) прямо пишет о «параллельных усилиях Вашингтона и Лондона, принятых ими во время чехословацкого кризиса»⁷³, — откровеннее не скажешь!

В ответ на предательскую политику США, Англии и Франции в Соединенных Штатах Америки прошли бурные, негодующие митинги протеста против мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами. Особенно большие митинги прошли в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сиэттле, Сан-Луи, Балтиморе и других городах. Однако для прогрессивных американских кругов еще долго оставалась неясной активная роль США в подготовке этого сговора, и они продолжали во всем винить лишь капитулянтскую политику Англии и Франции, не замечая того, что американское правительство выступало по существу в роли закулисного вдохновителя и организатора мюнхенского сговора.

* * *

1 октября германские войска вторглись в западные районы Чехословакии, захватив даже те территории, где по мюнхенскому соглашению предполагалось провести плебисцит.

От фашистской Германии не отставали и более мелкие империалистические хищники: Польша и Венгрия. Польское правительство еще 22 сентября спешно денонсировало польско-чехословацкий договор о национальных меньшинствах и вскоре предъявило Чехословакии ультиматум с требованием передачи Польше Тешинской

⁷¹ «The New York Times», Oct. 4, 1938.

⁷² «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, p. 595.

⁷³ Viscount Templewood (Sir Samuel Hoare), Nine Troubled Years, p. 270.

области. Чехословакия вынуждена была удовлетворить это требование и 2 октября польские войска вступили в Тешин. Одновременно с этим Венгрия потребовала присоединения пограничных с ней районов Чехословакии, населенных венграми. Ее требования также были удовлетворены. 5 октября Бенеш ушел с поста президента; новое чехословацкое правительство было еще более реакционным и предательским, оно стало уже совершенно открыто и не стесняясь перед чехословацким народом проводить политику прислужничества перед гитлеровской Германией.

Однако существование даже урезанной Чехословакии, фактически потерявшей свою национальную независимость, не удовлетворяло гитлеровцев: они хотели окончательно уничтожить чехословацкое государство, стереть его с лица земли. Для достижения этой цели они решили использовать словацких фашистов-глинковцев и организовать сепаратистский путч. 13 марта 1939 г., по указке из Берлина, словацкие фашисты объявили «независимость» Словакии. В этот же день в Карпатскую Украину вступили венгерские войска. 15 марта германские войска также вступили на территорию Чехословакии и оккупировали Чехию и Моравию. В Берлин были вызваны новый чехословацкий премьер Гаха и министр иностранных дел Хвалковский, которые покорно подписали документ о включении Богемии и Моравии в качестве протектората в Германскую империю.

Правительства Англии, Франции и США, вместо того чтобы предпринять какие-то меры против нарушения Германией недавно подписанного ею же самой мюнхенского соглашения, ограничились лишь формальными нотами протеста, которые по существу означали признание совершившегося факта. Интересно отметить, как оценивал американскую позицию во время захвата Чехословакии Германией известный английский буржуазный историк Тойнби. Он писал: «Когда Чехословацкой республике пришел конец весной 1939 года, позиция США по этому вопросу была сходна с той, которую они заняли годом раньше в отношении аннексии Австрии»⁷⁴.

Только правительство СССР в ноте от 18 марта заклеямило захват Чехословакии гитлеровской Германией

⁷⁴ А. Тоунбее, *A Survey of International Affairs 1937*, vol. I, 1938, p. 605.

при пособничестве Англии, Франции и США как насилие и агрессию. В ноте подчеркивалось, что действия Германии создали и усилили угрозу всеобщему миру, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁷⁵.

Приведенные выше неопровержимые факты свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты принимали самое деятельное участие в подготовке мюнхенского сговора и сыграли не последнюю роль во время самого кризиса. Отказ США от участия в коллективном отпоре агрессорам, поддержка ими англо-французской политики «умиротворения» Гитлера, давление, оказанное на Чехословакию—все это говорило о том, что позиция американского правительства по существу мало чем отличалась от антисоветской мюнхенской позиции англо-французского блока.

На основе анализа многочисленных документов можно утверждать, что Соединенные Штаты Америки играли активную, хотя и закулисную роль в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами.

Мюнхенская политика правящих кругов США, Англии и Франции способствовала расширению агрессии фашистских держав и привела ко второй мировой войне.

Принятие предложений СССР об организации коллективного отпора фашистским агрессорам «сделало бы невозможным развязывание Германией мировой войны в 1939 г. и спасло бы многие миллионы человеческих жизней. Факты свидетельствовали, что единый фронт СССР, США, Франции и Англии, основанный на принципах коллективной безопасности, мог бы остановить фашистскую агрессию мирными средствами. Но западные державы с безрассудным упрямством продолжали поощрять гитлеровскую авантюру»⁷⁶.

⁷⁵ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 411.

⁷⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», Воениздат, 1960, стр. 150—151.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Было бы неправильно думать, что послевоенный агрессивный курс внешней политики США—курс на проведение политики «с позиции силы»—является чем-то случайным. Наоборот, этот курс является естественным результатом развития американского империализма еще в годы, предшествовавшие второй мировой войне, естественным продолжением антисоветской мюнхенской внешней политики, проводившейся американскими империалистами в предвоенные годы.

Известно, что буржуазные апологеты американского империализма создали так называемую теорию «исключительности» американского империализма, согласно которой капитализм в США развивается якобы по особым, лишь ему одному свойственным законам, и поэтому носит в Соединенных Штатах якобы «народный», «демократический» характер. Назначение этой антинаучной «теории»—затушевать капиталистическую эксплуатацию в США и колониальный гнет американского империализма, идеологически обезоружить американский народ, в первую очередь рабочий класс, скрыть гнилость и неизбежную обреченность капиталистической системы. Марксисты-ленинцы неоднократно выступали с критикой пресловутой теории «исключительности», с цифрами и фактами в руках убедительно доказывали, что неправильно рассматривать американский капитализм как нечто стоящее вне и над мировым капитализмом, что на

него распространяются все основные черты, присущие мировому империализму, и поэтому неправильно переоценивать специфические особенности американского империализма.

Разновидностью теории «исключительности» в применении к истории американской внешней политики являются утверждения буржуазных историков о том, что в США, в отличие от других стран, капитализм развивался якобы мирным путем, без насилий, грабежей, угнетения и колониальных войн. С легкой руки бывшего президента Вильсона, которого В. И. Ленин назвал главой американских миллиардеров, прислужником капиталистических акул, широкое распространение получили лживые утверждения о том, что Соединенные Штаты при проведении своей внешней политики не стремятся к территориальным захватам, к приобретению колоний и сфер влияния, что в своей внешней политике они якобы руководствуются исключительно альтруистическими и гуманитарными соображениями. Во всех этих рассуждениях нет ни грана правды: внешняя политика американского империализма на всем протяжении истории США ничем по существу не отличалась от политики захвата и угнетения других стран и народов, проводившейся другими империалистическими державами. Ее отличие состояло лишь в том, что империалистическая сущность ее прикрывалась в демагогических целях всевозможными псевдодемократическими ярлыками.

США в силу ряда исторических причин на всем протяжении своего существования почти не приходилось защищать территорию своего государства от нападения извне, они были в основном заняты расширением территории своего господствующего класса за счет территорий других стран и народов. Достаточно указать, что еще в доимпериалистический период за 125 лет, с 1776 по 1900 год, США расширили свою территорию почти в десять раз, причем за это время они вели 114 войн, в большинстве своем это были бесчеловечные истребительные войны против колониальных народов. В XX веке, в период империализма, агрессивный, захватнический характер американской внешней политики отнюдь не изменился, а лишь еще более усилился. В первые два десятилетия XX века США установили насильственным путем свой экономический и политический

контроль над большинством стран Карибского моря. В это время, прикрываясь флагом панамериканизма, империализм Соединенных Штатов стремился подчинить своему господству все Западное полушарие. Используя так называемую доктрину «открытых дверей», США пытались внедриться в Китай и другие азиатские страны. Еще в эти годы В. И. Ленин писал, что «идеализированная демократическая республика» — США «оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»¹.

Американские империалисты принимали самое активное участие в первой мировой войне, которая явилась для них выгодным бизнесом. В годы первой мировой войны американские миллиардеры награбили десятки миллионов долларов баснословных прибылей. И на каждом из этих долларов следы крови. Еще не кончилась первая мировая война, а американские империалисты уже начали готовиться к новой войне: за годы первой мировой войны американское правительство довело «до бешенства вооружение Соединенных Штатов явно в целях второй великой империалистской войны»², — писал В. И. Ленин.

Особенно хищнический, агрессивный характер американской внешней политики проявился в отношении к Советской России. Англо-американская буржуазная историография лживо утверждает, что США всегда относились к Советской России благожелательно, якобы никогда не вмешивались в ее внутренние дела, не старались ей вредить и не посягали на советскую территорию. На самом деле все эти утверждения являются сплошной фальсификацией исторических фактов.

Американский империализм принимал самое деятельное участие в организации вооруженной интервенции иностранных держав против молодого Советского государства, США были оплотом всех антисоветских сил, боровшихся против Советской России. Более того, американские империалисты сами принимали непосредственное участие в нашествии иностранных войск на

¹ В. И. Ленин, Ценные признания Питирима Сорокина, Соч., т. 28, стр. 169.

² В. И. Ленин, Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, Соч., т. 23, стр. 180.

Россию. Президент США Вильсон приехал в Париж на Версальскую мирную конференцию с готовой программой уничтожения Советской власти и расчленения России.

Этим бредовым планам не суждено было осуществиться: советский народ под руководством Коммунистической партии разгромил иностранных, в том числе и американских, интервентов и вышвырнул их из пределов нашей Родины. Но этот предметный урок не пошел впрок американским империалистам: после окончания гражданской войны и военной интервенции они пытались задушить Советскую Россию с помощью голода, организовывали внутри Советского Союза контрреволюционные заговоры, засылали шпионов и диверсантов. Именно США были той капиталистической страной, которая дольше всех «не признавала» Советский Союз и никак не могла расстаться с мыслью о восстановлении капитализма в СССР. Именно США своими кредитами помогли восстановить германский военно-промышленный потенциал, лелея мечты об использовании германского империализма в качестве ударной силы против Советского Союза. США принимали также деятельное участие в подготовке антисоветского мюнхенского соглашения с фашистскими агрессорами. Во время второй мировой войны, которая в целом носила антифашистский, освободительный характер, в Англии и США неуклонно возрастала активность реакционных сил, стремившихся сорвать согласованные действия союзных держав, затянуть войну, обескровить СССР и спасти фашистских агрессоров от полного разгрома. Это нашло свое выражение в оттягивании открытия второго фронта, в отношении США и Англии к оказанию экономической помощи СССР и во всей их политике и стратегии во второй мировой войне и в вопросах послевоенного устройства. После окончания второй мировой войны заправила Уолл-стрита поставила своей целью не только удержать и закрепить завоеванные за время войны позиции, но и максимально их расширить. Таким образом, история внешней политики США в новое и новейшее время — это история американской империалистической экспансии.

Внешняя политика США в предмюнхенский период складывалась под влиянием целого ряда факторов,

которые порой действовали в различных направлениях и тем самым затушевывали антисоветский, мюнхенский характер американской внешней политики. Для капиталистических стран предмюнхен был периодом серьезных потрясений как в области экономики, так и в области политики. Это были годы депрессии, а позднее — годы нового экономического кризиса, годы серьезных политических конфликтов и потрясений. Со второй половины 1937 года капиталистический мир вступил в полосу очередного экономического кризиса. Этот кризис отличался в худшую сторону от всех предыдущих: он начался не после процветания, а после депрессии и некоторого оживления, не перешедшего в процветание. Он начался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй мировой войны, наконец, он был не всеобщим, а захватил вначале главным образом экономически мощные страны, не перешедшие еще на рельсы военной экономики. Обострение экономического положения капиталистических стран привело к дальнейшему обострению империалистической борьбы.

В этот период происходило дальнейшее обострение всех присущих мировому капитализму противоречий, а именно: противоречий между важнейшими империалистическими странами, между странами-победительницами и побежденными странами, между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами, между буржуазией и пролетариатом. Наконец, обострилось также основное противоречие нашего времени—противоречие между капиталистическим миром в целом и страной социализма—СССР. Только приняв во внимание действие всех этих противоречий, можно понять внешнюю политику США.

Основное, коренное противоречие нашей эпохи—противоречие между миром капитализма и миром социализма—побуждало американские правящие круги, выражавшие интересы американских монополий, объединить свои усилия с другими капиталистическими державами в их борьбе против СССР и против революционного движения во всем мире. Классовая ненависть американских империалистов к Советскому Союзу порою настолько ослепляла их, что толкала на действия, противоречившие национальным интересам США. Именно этим объясняется

позиция Соединенных Штатов во время захвата Германией Австрии и расчленения Чехословакии.

Итак, после раскола мира на два лагеря одним из главных факторов внешней политики империалистических государств стала борьба со страной социализма, революционизирующей весь мир. Отсюда—стремление правящих кругов империалистических стран отодвинуть на второй план противоречия в своем собственном лагере и создать единый фронт для похода против СССР. Но внутриимпериалистические противоречия ликвидировать невозможно.

Перед второй мировой войной существовали остреешие империалистические противоречия между США и Германией, США и Японией, США и Англией, Англией и Германией, Францией и Германией, Францией и Италией и т. д. Эти обострившиеся внутриимпериалистические противоречия капитализма налагали свой отпечаток на внешнюю политику США, и порою этот отпечаток оказывался на некоторое время даже решающим для определения линии этой политики.

Соединенные Штаты вели ожесточенную борьбу с Англией, добиваясь отмены имперских преференций, они стремились получить широкий доступ на имперские рынки и постепенно прибрать Британскую империю к рукам. Поэтому США позволяли себе даже иногда заигрывать с буржуазной верхушкой национально-освободительных движений в английских колониях, видя в этом удобное средство подрыва британских позиций. С другой стороны, японская угроза на Дальнем Востоке и боязнь Германии, как наиболее опасного конкурента, толкали США и Англию к сближению.

Между США и Германией, США и Японией существовали, однако, гораздо более глубокие противоречия, чем между США и Англией. Уже в то время американский монополистический капитал начал лелеять мечты об «американском веке», мечты об установлении американского господства во всем мире. Американский империализм еще не проводил тогда открыто агрессивного курса, потому что рассчитывал достичь своих целей путем мирного экономического подчинения других стран. Поэтому США на этом этапе были против расчленения Британской империи, они стремились целиком ее сохранить «для себя». Отсюда всевозможные проекты созвать

в конце 1937 — начале 1938 года международную конференцию под руководством Вашингтона, на которой США предполагали навязать другим странам свою «экономическую программу мира», отсюда же антисоветские проекты конференции пяти держав в Вашингтоне (без СССР) для достижения «всеобщего мирного урегулирования».

Гитлеровская Германия и империалистическая Япония, будучи наиболее агрессивными настроенными государствами, стремились к тому, чтобы завоевать Британскую империю по частям, установить свое господство в Европе и Азии, а затем начать борьбу за мировое господство. Это грозило нанести прямой ущерб интересам кошелька магнатов американского капитала, в корне противоречило их собственным империалистическим планам. Исходя из своих чисто империалистических интересов, США никак не могли допустить разгрома Британской империи и чрезмерного усиления позиций фашистских стран в Европе, что нарушило бы европейское и мировое равновесие сил.

Это, например, прекрасно понимал германский поверенный в делах в Вашингтоне Томсен, писавший: «Если Англия окажется вовлеченной в борьбу не на жизнь, а на смерть, Америка, как и в 1917 году, будет пытаться любыми возможными средствами предотвратить поражение Англии, так как это будет иметь результатом изменение равновесия сил в Европе и Азии, что непосредственно затрагивает Америку»³.

Мюнхенская политика правящих кругов США, Англии и Франции способствовала расширению агрессии фашистских держав и привела ко второй мировой войне, первые удары которой были направлены на капиталистические страны Европы. Но почему же Соединенные Штаты Америки участвовали в этой войне в составе антигитлеровской коалиции? Почему США приняли участие в войне против гитлеровской Германии? Решающим фактором, определившим присоединение США к антигитлеровскому фронту, оказалось наличие более тесных экономических связей между американскими и английскими монополиями, чем между американскими

³ См. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, p. 730.

и германскими монополиями⁴, большая заинтересованность американских монополий в сохранении Британской империи и в усилении ее эксплуатации совместно с английскими монополиями, наконец, более острые противоречия между американским империализмом и империалистами Германии и Японии, в которых США видели своих наиболее опасных империалистических конкурентов в Европе и на Дальнем Востоке. Приведем некоторые цифры, достаточно ярко показывающие большую экономическую заинтересованность США в странах Британской империи в период перед второй мировой войной. В 1938 году экспорт из США составил 3094,4 млн. долл., из них в страны Британской империи—718,7 млн. долл., то есть примерно $\frac{1}{4}$ всего американского экспорта. В 1939 году экспорт из США в Англию и страны Британской империи составил 1109 млн. долл., или 38% всего американского экспорта (3177 млн. долл.), в том же году США импортировали из Англии и стран Британской империи товаров на сумму 719 млн. долл., или 32% всего американского импорта (2318 млн. долл.). Для сравнения следует указать, что в том же 1939 году экспорт из США в страны «оси» (Германию, Италию и Японию) составил лишь 337 млн. долл., или 10% американского экспорта, импорт из тех же стран в США равнялся 253 млн. долл., или 11% американского импорта⁵.

Еще более яркая картина получается при рассмотрении распределения американских заграничных инвестиций. Около $\frac{3}{4}$ суммы прямых американских инвестиций за границей приходилось на Канаду и страны Латинской Америки. В конце 1940 года общая сумма прямых инвестиций США в Европе составляла 1420 млн. долл., из них на Англию и Францию приходилось 658 млн. долл., или 46% общей суммы, а на Германию—349 млн. долл., или 24% общей суммы прямых инвестиций США в Европе⁶. Приведенные цифры, конечно, не отражают всех сторон экономических взаимоотношений США и других стран, однако они все же в какой-то степени показывают

⁴ См. Р. Палм Датт, Кризис Британской империи, ИЛ, 1950, стр. 80.

⁵ См. «БСЭ», т. 51, 1945, стр. 667—668.

⁶ Там же, стр. 660.

огромную экономическую заинтересованность США в странах англо-французского блока.

Во время второй мировой войны, в отличие от справедливых освободительных целей Советского Союза, империалисты США и Англии, продолжая свою предвоенную мюнхенскую политику, ставили себе в войне другую цель—избавление от конкурентов на рынках (Германия, Япония) и утверждение своего господствующего положения. Гитлеровские планы мирового господства и установление господства Японии на Тихом океане представляли серьезную опасность для США, угрожали их империалистическим интересам, и американские монополисты были вынуждены временно (и то частично) отказаться от попыток создания единого антисоветского фронта и вступить в войну против своих германских и японских соперников. Практически империалистические противоречия между США, Англией и Францией, с одной стороны, и странами фашистского блока—Германией, Италией и Японией—с другой, оказались настолько сильными, что попытки создать единый фронт империалистических держав для «крестового похода» против СССР потерпели крах. Поэтому вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами. И когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, то империалисты Англии, Франции и США не только не смогли присоединиться к ней, но, наоборот, были вынуждены вступить в коалицию с СССР против гитлеровской Германии.

Именно интересы американской империалистической экономики и определили позицию США во время второй мировой войны, они же оказывали большое влияние на американскую внешнюю политику в предвоенный период, придавая ей тогда видимость псевдодемократической, якобы антимюнхенской политики. Важное значение для выработки внешней политики США имело противоречие между буржуазией и пролетариатом. Хотя в США основное направление внешней политики диктовалось монополиями, однако правящим кругам все же приходилось в какой-то степени учитывать и настроения широких масс американского народа, а также народов других стран. Борьба народных масс Европы и Америки против фашизма в значительной степени помешала созданию единого антисоветского фронта. Эта борьба

народных масс в известной степени влияла и на формирование внешнеполитического курса правящих кругов Америки. Один из лидеров Коммунистической партии Соединенных Штатов Джильберт Грин писал: «Важным фактором, который помог определить курс США во второй мировой войне, были настроения и борьба народа и в первую очередь рабочее движение... Именно эта позиция рабочего класса и борьба народа помогли придать форму внешней политике Рузвельта»⁷. Влиянием этого фактора объясняются некоторые относительно прогрессивные, хотя и непоследовательные до конца внешнеполитические акты американского правительства. Эти внешнеполитические акты, направленные на поддержание коллективной безопасности, были, конечно, очень немногочисленны, робки, и являлись в значительной степени маскировкой империалистической сущности внешней политики США, но все же их нельзя полностью сбрасывать со счетов.

Наконец, большое влияние на выработку внешнеполитической линии США оказывали серьезнейшие противоречия, существовавшие между американскими монополистами, борьба и грызня между собой отдельных монополистических групп.

Одним из проявлений этих противоречий между интересами различных монополистических групп являлось наличие в рядах самого правящего класса Америки сторонников двух различных концепций по вопросам американской внешней политики — изоляционистов и сторонников более активной внешней политики.

Согласно определению реакционного американского историка Чарльза Бирда, изоляционизм—это «отказ от участия в Лиге наций; невмешательство в политические раздоры в Европе и Азии; неучастие в войнах на других континентах; нейтралитет, мир и оборона Соединенных Штатов путем соответствующих мероприятий; внешняя политика, дружественная по отношению ко всем нациям, отвечающим взаимностью. Изоляционист может симпатизировать поддержанию доброй воли и мира между народами всеми средствами, совместимыми с неучастием в любых группировках наций, уполномоченных определять, кто является «агрессорами», и пускать против них

⁷ «Political Affairs», 1949, Oct. pp. 77—78.

в ход механизм санкций и принуждений»⁸. Это определение изоляционизма сделано буржуазным реакционным историком. На самом деле изоляционизм использовался правящими кругами США в качестве удобной маскировки для их антисоветской мюнхенской внешней политики. Суть изоляционизма состоит именно в отказе от участия в коллективном отпоре агрессорам. Изоляционизм получил довольно широкое распространение среди представителей значительной части правящих кругов США в результате разочарования в том, что американским империалистам после первой мировой войны не удалось продиктовать европейским странам свои условия и установить свое мировое господство. Изоляционисты считали, что германский и японский империализм не угрожают непосредственно интересам США, они всеми силами натравливали фашистских агрессоров на Советский Союз. Одновременно они придерживались того мнения, что от войны между англо-французским блоком и фашистскими странами американский империализм может только выиграть и еще больше укрепить свои позиции. Изоляционизм носил, таким образом, открыто антисоветский характер и понятно, что изоляционистская внешняя политика США весьма устраивала германских фашистов и японских империалистов. Германский посол в США Дикгоф писал, например, в конце 1937 года Риббентропу: «С точки зрения интересов Германии, мы должны приветствовать отношение и деятельность изоляционистов, так как, учитывая современное состояние общественного мнения в Соединенных Штатах, мы никак не можем рассчитывать на активное вмешательство Америки на нашей стороне в случае мирового конфликта»⁹. Это вынужден признать и известный американский историк Бэзил Раух, который писал: «Британская политика умиротворения, проводимая премьер-министром Чемберленом, дополнялась и подкреплялась американской политикой нейтралитета: и та и другая открыли двери к расширению нацистской Германии, а также Италии и Японии»¹⁰.

⁸ Ch. A. Beard, American Foreign Policy in the Making 1932—1940, p. 17.

⁹ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1938—1945)», vol. I, p. 654.

¹⁰ B. Rauch, The History of the New Deal 1933—1938, p. 334.

Американские реакционеры использовали изоляционизм в качестве удобного прикрытия своей помощи фашистским государствам Германии и Италии в удушении Испанской республики. Прикрываясь своим «нейтралитетом», США помогли Германии захватить Австрию, поощряли ее агрессию против Чехословакии. Таким образом, американская политика изоляционизма по существу ничем не отличалась от англо-французской политики «невмешательства», то есть политики поощрения фашистских агрессоров.

О реакционной, антисоветской сущности «изоляционизма» и «нейтралитета» — этого американского варианта политики «невмешательства», то есть политики попустительства и подталкивания фашистских агрессоров на войну с СССР — много и подробно писалось в трудах советских историков, и поэтому она достаточно хорошо известна и полностью разоблачена. Гораздо меньше в советской исторической литературе освещен вопрос о роли сторонников более активной внешней политики США, вроде Хэлла, Уэллеса и других. Реакционная, антисоветская деятельность многих руководящих деятелей из американского госдепартамента, лишь слегка прикрытая псевдодемократической фразеологией, в советской исторической литературе недостаточно раскрыта. Между тем сторонники более активной внешней политики Соединенных Штатов были плоть от плоти американского правящего класса и выражали интересы американского империализма. Однако защиту этих интересов они осуществляли в гораздо более тонкой и завуалированной форме. Хэлл, Уэллес и др. выступали под лозунгами защиты коллективной безопасности и организации коллективного отпора фашистским агрессорам и понятно, что эти лозунги очень импонировали широким массам демократически настроенных трудящихся, ненавидящих фашизм как в США, так и за границей.

Однако действительной целью сторонников более активной внешней политики США из американского госдепартамента являлась не борьба с фашистскими агрессорами, а обеспечение интересов американского империализма, укрепление его позиций во всем мире. Поэтому еще в предвоенный период эти представители правящих кругов США, прикрываясь лозунгами борьбы

с фашизмом, вместо действительной борьбы с ним, увеличивали мощь своего военно-морского флота и приобретали себе новые военно-морские базы. Сторонники более активной внешней политики не менее рьяно, чем изоляционисты, натравливали фашистские страны на Советский Союз, и до тех пор, пока фашистская Германия и империалистическая Япония выражали желание воевать с СССР, и те и другие стояли за оказание этим странам самой широкой помощи и поддержки. Когда же все яснее стало вырисовываться, что фашистские державы собирались начать войну с англо-французским блоком и зарились на ту добычу, в отношении которой Уолл-стрит имел свои собственные планы; когда стало ясно, что победа фашистских стран над англо-французским блоком грозит нарушить равновесие сил в Европе, да и во всем мире, лишь тогда некоторые более дальновидные представители американских империалистов пришли к выводу, что нужно на какое-то время отложить планы всемирного «крестового похода» против СССР и заняться разгромом своих наиболее опасных империалистических соперников—Германии и Японии, претендовавших на мировое господство. Конечно, сторонники более активной внешней политики США отнюдь не стремились к полному разгрому фашистских держав, они хотели лишь умерить их аппетиты, наказать их за то, что те «не по чину берут». Это с предельным цинизмом уже в годы войны признал американский журнал «Ридерс дайджест», который писал: «Мы не желаем, чтобы Германия была разгромлена полностью... Надо отстегать Гитлера настолько, чтобы он признал, что мы—Америка—являемся величайшей державой мира, а затем сохранить Гитлера в Европе для несения полицейской службы и поддержания порядка»¹¹. Таким образом, идеи сторонников более активной внешней политики носили столь же антисоветский характер, как и идеи изоляционизма, но лишь более умело замаскированные. В целом же и те и другие идеи выражали две стороны одной и той же медали — империалистической внешней политики США. Изоляционисты и сторонники более активной внешней политики выражали интересы одного и того же правящего класса — интересы американских

¹¹ Цит. по «Правда», 8 февраля 1951 г.

монополий. И те и другие сходились в одном и самом главном: они ненавидели Советский Союз и хотели натравить на него фашистских агрессоров, используя для этого Гитлера. Конечная цель как тех, так и других была одна и та же: уничтожение Советского Союза и установление американского мирового господства, но расходились они между собой во мнениях только по вопросу о способах достижения этой цели. Разногласия между ними были, таким образом, частными, неглубокими, касались лишь методов, а не существа дела. Тем не менее эти разногласия накладывали определенный отпечаток на формирование внешней политики США.

Американская внешняя политика предвоенного времени складывалась под влиянием борьбы сторонников этих двух внешнеполитических концепций внутри американского правящего класса и представляла некий компромисс между ними. Этим объясняется тот факт, что когда заходила речь об организации коллективного отпора агрессорам, о создании системы коллективной безопасности, США уклонялись от этого, ссылаясь при этом на свой изоляционизм, на свой «нейтралитет»; когда же речь шла о том, чтобы как-то поощрить антисоветскую политику англо-французского блока, политику сговора с фашистскими агрессорами, политику «канализации» германской агрессии на Восток, тогда американские дипломаты отбрасывали фиговый листок изоляционизма и совместно со своими англо-французскими коллегами развивали бурную деятельность по созданию проектов «умиротворения» Европы без СССР и против СССР.

В отличие от Англии и Франции, Соединенные Штаты Америки в течение всего периода подготовки мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами оставались в тени, и поэтому неприглядная роль, которую сыграла американская дипломатия в его подготовке, до сих пор остается недостаточно раскрытой. А между тем, как показывают многие факты, США принимали в этом самое деятельное и живейшее участие. Вашингтон стоял за спиной Лондона и Парижа, когда те, систематически вводя в заблуждение общественное мнение лицемерной демонстрацией своего «миролюбия», стремились «канализировать» гитлеровскую агрессию в восточном направлении, рассчитывая вызвать столкновение между Германией и СССР. «Демократические государства (т. е.

Англия и Франция. — М. Б.) желают, чтобы на Востоке дело дошло до военных столкновений между Германией и Россией». Так авторитетно разъяснял подлинный смысл Мюнхена непосредственно после заключения этой сделки не кто иной, как посол США в Париже Уильям Буллит в разговоре с польским послом в Вашингтоне.

Не подлежит сомнению, что подобные планы отвечали интересам ведущих монополий США. Последние желали большой войны в Европе и даже видели в ней единственный реальный выход из тяжелого экономического положения, в котором находились тогда США. Так же, как Англия и Франция, США рассчитывали, что война между Германией и СССР будет означать разгром социализма и одновременно резкое ослабление германской конкуренции на мировых рынках. Так же, как Англия и Франция, США сами не хотели принимать участия в этой войне, предпочитая воевать чужими руками.

Вместе с тем тот факт, что подобную войну активно готовили Лондон и Париж, и Вашингтону оставалось лишь поощрять их, был чрезвычайно удобен для американской дипломатии. В сложившихся условиях Вашингтон мог без большого труда демонстрировать «невмешательство» в европейские дела, чего требовали влиятельные изоляционистские круги страны, и время от времени официально «осуждать» гитлеризм и его агрессивные замыслы, что отвечало настроениям народных масс.

Эти сложные маневры правящих кругов США, так же как и отсутствие американских представителей в Мюнхене, намного облегчили задачу тех историков, которые пытаются скрыть подлинную роль Вашингтона в мюнхенском сговоре. Следует учесть и то обстоятельство, что часть американской буржуазии понимала опасный, авантюристический характер мюнхенских расчетов на войну чужими руками, что вытекавшие отсюда противоречия в лагере господствующего класса тормозили кристаллизацию внешнеполитического курса США, который ко времени Мюнхена еще не приобрел достаточной четкости. В позиции США в период подготовки мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами, как в фокусе, отразились основные черты американской внешней политики того времени: ее антисоветская империалистическая сущность, с одной стороны, и стремление прикрыть и замаскировать эту сущность пышными декларациями в пользу мира и

коллективной безопасности — с другой. В целом внешняя политика США в 1937—1938 годах — это американский вариант антисоветской мюнхенской политики сговора с фашистскими агрессорами и натравливания их против СССР.

Со времени мюнхенского сговора прошло более двадцати лет, богатых событиями огромной исторической важности. В свете их с особой силой подтверждается антинародная, антисоветская империалистическая сущность внешней политики США, которую проводило правительство Эйзенхауэра — Никсона. Сговор правительств Англии, Франции и стоявших за их спиной США с фашистскими агрессорами отнюдь не являлся случайным эпизодом, он был естественным и закономерным этапом антисоветской внешней политики этих стран, получившей позднее наименование мюнхенской. В 1939 году гитлеровская Германия, вопреки ожиданиям англо-франко-американских мюнхенцев, которые все время подталкивали ее на войну против СССР, начала войну против Англии и Франции.

В период второй мировой войны образовалась великая коалиция государств и народов СССР, США и Англии против фашистских поработителей.

Важное значение для определения направления внешней политики США в военные годы имел тот факт, что президентом США в то время был Ф. Рузвельт. Он сумел в наиболее ответственный момент истории подняться над ограниченностью своего класса и понять важность и необходимость дружественных отношений между США и СССР. Поэтому в годы второй мировой войны он активно содействовал созданию антигитлеровской коалиции, в которой США участвовали вместе с СССР и другими странами.

После окончания второй мировой войны, основную тяжесть которой вынес на своих плечах Советский Союз, в международной обстановке и в положении отдельных стран произошли коренные изменения. Гитлеровская Германия и империалистическая Япония оказались разгромленными, от империалистической системы отпал ряд стран на Востоке Европы и в Азии, возникла мировая социалистическая система, чрезвычайно возросли мощь и международный авторитет Советского Союза, усилилась национально-освободительная борьба колониальных народов.

После второй мировой войны США взяли курс на раздувание «холодной войны», на подготовку войны против СССР и других социалистических стран. В этих планах, как и перед второй мировой войной, роль главной ударной силы против социалистических стран США отводят возрождаемому германскому милитаризму. Вашингтон опять идет по пути Мюнхена.

Поступательный ход истории остановить нельзя. Все попытки империалистов остановить прогресс общества обречены на провал. Несмотря на все провокационные действия правящих кругов США, направленные на срыв наметившегося ослабления международной напряженности, в последнее время в США все громче раздаются трезвые голоса людей, призывающих признать реальные факты действительности и встать на путь мирного сосуществования со странами социалистического лагеря.

В послании главы Советского правительства Н. С. Хрущева президенту США Д. Кеннеди 22 апреля 1961 г. сказано, что Советский Союз искренне желает договориться с Соединенными Штатами Америки и другими странами мира «о разоружении, а также о других вопросах, решение которых способствовало бы обеспечению мирного сосуществования, признания за всеми народами такого социального и политического устройства, которое они сами установили у себя, способствовало бы действительному уважению воли народов и невмешательству в их внутренние дела»¹².

¹² «Правда», 23 апреля 1961 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения В. И. Ленина

- Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22.
- Ленин В. И., Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, Соч., т. 23.
- Ленин В. И., Война и революция, Соч., т. 24.
- Ленин В. И., Письмо к американским рабочим, Соч., т. 28.
- Ленин В. И., Ценные признания Питирима Сорокина, Соч., т. 28.

Партийные документы. Выступления государственных деятелей Советского Союза и других социалистических стран

- «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет», Партиздат, 1934.
- Декларация Информационного совещания представителей некоторых компартий по вопросу о международном положении, «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г.», Госполитиздат, 1948.
- Защита мира и борьба с поджигателями войны. Резолюция Информационного бюро, «Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г.», Госполитиздат, 1949.
- Готвальд К., И. В. Сталин и чехословацкий народ, «За прочный мир, за народную демократию!», 21 декабря 1949 г.
- Димитров Г., Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма (VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала), Партиздат, 1935.
- Жданов А. А., О международном положении. Доклад, сделанный на Информационном Совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., Госполитиздат, 1947.
- Калинин М. И., О международном положении. Доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 г., Госполитиздат, 1938.

- «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года», Госполитиздат, 1960.
- Сталин И. В., О правых фракционерах в американской компартии. «Большевик», 1930 г., № 7.
- Сталин И. В., Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом, «Вопросы ленинизма», изд. 10-е.
- Сталин И. В., Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы ленинизма», изд. 11-е.
- Сталин И. В., Речь на собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946.
- Хрущев Н. С., Речь на девятой Общегерманской рабочей конференции в Лейпциге 7 марта 1959 г., «Мир без оружия — мир без войн», т. 1, Госполитиздат, 1960.
- Хрущев Н. С., Речь на митинге трудящихся Москвы, посвященном дружбе народов Советского Союза и Германской Демократической Республики 19 июня 1959 г., «Мир без оружия — мир без войн», т. 1.
- Хрущев Н. С., Речь на митинге в Берлине 20 мая 1960 г., «Правда», 21 мая 1960 г.

Опубликованные документы, выступления иностранных государственных деятелей

- «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», Госполитиздат, 1948.
- «Документы и материалы кануна второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии», тт. I, II, Госполитиздат, 1948.
- «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, М., 1946.
- «Сен-Жерменский мирный договор», М., 1925.
- «Версальский мирный договор», М., 1925.
- «American Foreign Policy. Debate Handbook 1938—1939», ed. by B o w e r, vols. I, II, N. Y.
- «Les Archives secrètes du Compte Ciano 1936—1942», P., 1948.
- «British—American Alliance, Annual Debater's Help Book», vol. V, N. Y., 1938.
- «Congressional Record», 1938, vol. 83.
- «Documentary Background of World War II 1931—1941», ed by J. W. G a n t e n b e i n, N. Y., 1948.
- «Documents on American Foreign Relations», vol. I, Boston, 1939.
- «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», vols. I, II, L., 1949.
- «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945)», vol. I, Wash., 1949; vol. II, Wash., 1949; vol. III, Wash., 1950.
- H i n t o n H. B., Cordell Hull. A Biography, N. Y., 1942.
- H o o v e r H., Addresses upon the American Road 1933—1938, N. Y., 1938.
- «Nazi Conspiracy and Aggression», vols. I, VI, Wash., 1946.
- «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», Wash., 1943.
- «Proceedings of the International Military Trial», vol. I, L., 1946.
- «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt», vols. 6, 7, N. Y., 1941.

«United States and Italy 1936—1946. Documentary Record», U. S. Department of State, 1946.

Справочники

«The Encyclopedia Americana 1938», vol. 13, N. Y.

«Handbuch der deutschen Aktiengesellschaften 1936», B.

Young R., Handbook on American Underwriting of Foreign Securities, Wash., 1930.

Периодические издания

Газеты

«Правда», 1937—1938 гг.

«Daily Worker», (N. Y.), 1937—1938.

«The New York Times», 1937—1938.

«New York Herald Tribune», 1937—1938.

«New York Sun», 1938.

Журналы

«Большевик», 1938 г.

«Вопросы истории», 1938, 1948, 1950—1958 гг.

«Current History», 1938.

«The Economist», 1936—1938.

«Foreign Affairs», 1937—1939.

«Fortune», 1937—1938.

«Life», 1937—1938.

«The Nation», 1937—1938.

«The New Republic», 1937—1938.

«Newsweek», 1937—1938.

«Political Affairs», 1949—1950.

«Press Releases», 1937—1938.

«Saturday Evening Post», 1937—1938.

«Time», 1937—1938.

Литература мемуарного характера

Beneš E., Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství, tt. I, II, Praha, 1947.

Bonnet G., Défense de la paix de Washington au Quai d'Orsay, Genève. 1946.

Churchill W., The Second World War, vol. I, L., 1948.

Churchill W., Step by Step 1936—1939, N. Y., 1939.

Davies J. E., Mission to Moscow, N. Y., 1943.

Dodd W., Ambassador Dodd's Diary 1933—1938, N. Y., 1941.

Fierlinger Z., Ve službách ČSR, paměti z druhého zahraničního odboje, t. I, Praha, 1947.

Flandin P. E., Politique Française 1919—1940, P., 1947.

Hassel U., The von Hassel Diaries 1938—1944, N. Y., 1947.

Henderson N., The Failure of a Mission. Berlin, 1937—1939, N. Y., 1940.

Laval P., The Unpublished Diary of Pierre Laval, L., 1948.

McIntire, Twelve Years with Roosevelt, N. Y., 1946.

«The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, II, N. Y., 1948.

Morgenthau H., Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace, N. Y., 1948.

Murray A. C., *At Close Quarters: a Sidelight on Anglo-American Diplomatic Relations*, L., 1946.

Reynaud P., *La France a sauvé l'Europe*, P., 1948.

Ripka H., *Munich: before and after. A Fully Documented Czechoslovak Account of the Crises of September 1938 and March 1939*, L., 1939.

Schuschnigg K., *Austrian Requiem*, N. Y., 1946.

Stimson H. L. and Bundy McG., *On Active Services in Peace and War*, N. Y., 1947.

Viscount Templewood (Sir Samuel Hoare), *Nine Troubled Years*, L., 1954.

Welles S., *The Time for Decision*, N. Y., 1944.

Wilson H., *Diplomat between Wars*, N. Y., 1941.

Исторические исследования, монографии, публицистика и обзоры

«История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959.

Гус М., *Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики*, Госполитиздат, 1951.

Р. Палм Датт, *Кризис Британской империи*, ИЛ, 1950.

Иванов Л. Н., *Мюнхенская политика западных держав и роль СССР как действительного фактора мира*, М., 1947.

Пахта Я., *Внутренние причины мюнхенской капитуляции, «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. Сборник докладов, прочитанных на научной конференции историков в Праге в ноябре 1949 г.»*, ИЛ, 1951.

Норден А., *Так делаются войны*, ИЛ, 1951.

Норден А., *Уроки германской истории*, ИЛ, 1948.

Сейерс М. и Кан А., *Тайная война против Америки*, ИЛ, 1947.

Мейер Г. Д., *Неизбежна ли гибель Америки?* ИЛ, 1950.

Аллен Дж., *Международные монополии и мир*, ИЛ, 1948.

Бердж У., *Международные картели*, ИЛ, 1947.

Сэсюли Р., *ИГ Фарбениндустрii*, ИЛ, 1948.

Alsop J. and Kintner R., *American White Paper*, N. Y., 1940.

Ambruster H. W., *Treason's Peace*, N. Y., 1947.

«The Annual Register. A Review of Public Events at Home and Abroad for the Year 1938», L., 1939.

Armstrong H. F., *When there is no Peace*, N. Y., 1939.

Bemis S. F., *A Diplomatic History of the United States*, N. Y., 1955.

Beard Ch. A., *American Foreign Policy in the Making 1932—1940*, N. Y. — L., 1946.

Beard Ch. A., *Giddy Minds and Foreign Quarrels*, N. Y., 1939.

Bendiner R., *The Riddle of the State Department*, New York—Toronto, 1942.

Bolles B., *Who Makes Our Foreign Policy?* N. Y., 1947.

Borchard E., *American Foreign Policy*, 1946.

Buell R., *Isolated America*. L. — N. Y., 1940.

Bullit W. C., *Report to the American People*, Boston, 1940.

Cartier R., *Les secrets de la guerre dévoilés par Nuremberg*, P., 1947.

Dutt Palmer R., *World Politics 1918—1936*, N. Y., 1936.

- Dunn R. W., *American Foreign Investments*, N. Y., 1926.
- Engelbrecht H. C. and Hanighen F. C., *Merchants of Death*, L., 1934.
- Fabre-Luce A., *Histoire secrète de la consiliation de Munich*, P., 1939.
- Flynn J. T., *The Roosevelt Myth*, N. Y., 1948.
- Foster W. Z., *Roosevelt Heads for War*, N. Y., 1940.
- «Four Days», ed. by Killanin M. M., L., 1938.
- Gunther J., *Roosevelt in Retrospect; a Profile in History*, N. Y., 1950.
- Hadley W. W., *Munich: before and after*, L., 1944.
- Hexner E., *International Cartels*, University of North Carolina Press, 1946.
- Hopkins J. A. H., *The Diary of World Events*, vol. I, Baltimore, 1942.
- Lasser D., *Private Monopoly. The Enemy at Home*, L.—N. Y., 1945.
- Liddell Hart B. H., *The German Generals Talk*, N. Y., 1948.
- Lippman W., *U. S. Foreign Policy*, Boston, 1943.
- Mourin M., *Les tentatives de paix dans la seconde guerre mondiale*, P., 1949.
- Rauch B., *The History of the New Deal 1933—1938*, N. Y., 1940.
- Rauch B., *Roosevelt from Munich to Pearl Harbour*, N. Y., 1950.
- Reimann G., *Patents for Hitler*, N. Y., 1942.
- Rochester A., *Rulers of America. A Study of Finance Capital*, N. Y., 1936.
- Rothfels H., *The German Opposition to Hitler*, 1948.
- Rothstein A., *The Munich Conspiracy*, L., 1958.
- Seldes G., *Facts and Fascism*, N. Y., 1943.
- Schuman F. L., *Night over Europe*, N. Y., 1941.
- Smith D., *America and Axis War*, N. Y., 1947.
- Stocking G. W. and Watkins M. W., *Cartels in Action*, N. Y., 1947.
- Toynbee A., *A Survey of International Affairs 1937*, vols. I, II, L., 1938, 1941.
- «The United States in World Affairs 1937, 1938», ed. by Shepardon W. H. and Scroggs W. O., N. Y., 1938.
- Warburg J. P., *Foreign Policy Begins at Home*, N. Y., 1944.
- Wheeler-Bennet J. W., *Munich: Prologue to Tragedy*, L., 1948.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Роль американских монополий в возрождении военно-промышленного потенциала германского империализма и участие их в мюнхенском сговоре	7
Глава II. Антисоветская мюнхенская внешняя политика США (1937—март 1938 г.)	39
Глава III. Участие американской дипломатии в подготовке мюнхенского сговора с фашистскими агрессорами (апрель—середина сентября 1938 г.)	89
Глава IV. Борьба СССР за свободу и независимость Чехословакии, за коллективный отпор фашистским агрессорам	123
Глава V. Деятельность американской дипломатии в дни «мюнхенского кризиса» (15 сентября—5 октября 1938 г.)	156
Заключение	186

М. Батурин

США и МЮНХЕН

Редактор *П. Л. Артемчук*

Оформление художника *Б. И. Астафьева*

Художественный редактор *Л. С. Морозова*

Технический редактор *Н. И. Романова*

Корректор *В. Н. Морозов*

А 02199. Сдано в набор 7 октября 1960 г. Подписано в печать 11 мая 1961 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 11,65. Зак. 315. Тираж 5300. Цена 70 к.

Набрано в 1-й типографии Главиздата

Отпечатано в типографии изд-ва ИМО

Москва, Г-21. Метростроевская, 53

Цена 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМО